

ISSN 2309-9917

STEPHANOS

2014
№8 || ноябрь

STEPHANOS

2014
№8 | November

Stephanos
Сетевое издание
Рецензируемый мультиязычный научный журнал
Электронный проект
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Главный редактор:
докт. филол. наук профессор М.Л. Ремнёва

Редколлегия:
докт. филол. наук профессор Е.Л. Бархударова
докт. филол. наук старший научный сотрудник А.В. Злочевская
докт. филол. наук старший научный сотрудник В.В. Сорокина
докт. филол. наук профессор А.Г. Шешкен
канд. филол. наук доцент А.В. Уржа
канд. филол. наук научный сотрудник Е.А. Певак (отв. секретарь)

Программное обеспечение и техническая поддержка проекта:
старший научный сотрудник А.М. Егоров

Редакционный совет

Александра Вранеш докт. филологии, проф., декан филологического факультета *Белградский университет* (Сербия); **Екатерина Федоровна Журавлева** проф., председатель Всегреческой ассоциации преподавателей русского языка и литературы *Западно-Македонский университет Греции* (Греция); **Мария Леонидовна Каленчук** доктор филологических наук, проф., зав. отделом фонетики, зам. директора по научной работе *Институт русского языка им. В.В. Виноградова (РАН)* (Россия); **Максим Каранфиловский** докт. филологии, проф. Почетный проф. МГУ им. М.В.Ломоносова *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье* (Македония); **Леонид Петрович Крысин** докт. филол. наук, проф., зав. отделом современного русского языка *Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН* (Россия); **Весна Мойсова-Чепишевская** докт. филологии, проф., зав. кафедрой македонской и южнославянских литератур филологического факультета им. Блаже Конеского *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье* (Македония); **Джей Паджет** докт. филол. наук, проф. *Университет Калифорнии Санта Круз* (США); **Елена Стерьёпулу** проф. *Национальный Афинский Университет им. Каподистрии* (Греция)

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77–53145 от 14.03.2013
© 2013–2014. Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

Stephanos
Network Edition
Peer reviewed multilingual Scientific Journal
Electronic Project
of Lomonosov Moscow State University Philological Faculty

Editor-in-chief:
Doctor of Philology Professor M.L. Remneva

Editorial Board:
Doctor of Philology Professor E.L. Barkhudarova
Doctor of Philology Senior Researcher A.V. Zlochevskaya
Doctor of Philology Senior Researcher V.V. Sorokina
Doctor of Philology Professor A.G. Sheshken
Candidate of Philological Sciences Docent A.V. Urzha
Candidate of Philological Sciences Research Associate E.A. Pevak
(Executive Secretary)

Software and Technical Support for the Project:
Senior Researcher A.M. Yegorov

Advisory Council

Maria Kalenchuk PhD, Prof., Head of the Department of Phonetics, Deputy of the Director for Science *V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS* (Russia); **Maxim Karanfilovsky** PhD, Prof. *University Sts. Cyril and Methodius University in Skopje* Honorary Prof. of Lomonosov Moscow State University (Macedonia); **Leonid Krysin** PhD, Prof., Head of the Department of the Contemporary Russian Language *V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS* (Russia); **Vesna Mojsova-Chepishvska** PhD, Prof., Head of the Chair of the Macedonian and South Slavic Literatures Philological Faculty «Blaj Koneski» *University Sts. Cyril and Methodius in Skopje* (Macedonia); **Jaye Padgett** PhD, Prof., Linguistics Stevenson Faculty Services *University of California Santa Cruz* (USA); **Helen Stergiopoulou** PhD School of Philosophy. Faculty of Slavic Studies *National and Capodistrian University of Athens* (Greece); **Alexandra Vranesh** PhD, Prof., Dean of the Faculty of Philology *University of Belgrade* (Serbia); **Ekaterina Zhuravleva** PhD, Prof., Chairman of the Panhellenic Association of Teachers of Russian Language and Literature *University of Western Macedonia Greece* (Greece)

Registration certificate EL № FS 77–53145 from 14.03.2013
© 2013–2014. Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University

Содержание

Статьи.....	9
<i>Усикова Р.П.</i> Сопоставление литературных южнославянских балканских языков – болгарского и македонского.....	10
<i>Марковић Риђанин Ратко Р.</i> Петар Кочић и Први светски рат (са освртом на његове политичке радове и ставове).....	42
<i>Пауткин А.А.</i> Древнерусская книжность: историко-литературные альтернативы.....	55
<i>Попович Т.</i> Европеизм и античность в повести Гоголя «Старосветские помещики».....	61
<i>Холиков А.А.</i> Значимое отсутствие в «Автобиографической заметке» Д.С. Мережковского: из опыта реального комментария к «Полному собранию сочинений» (1914).....	69
<i>Климова Кс.</i> What does ΔΡΙΜΙΕΣ stand for?.....	80
Материалы и сообщения.....	85
<i>Катаев В.Б.</i> Московский университет и Лермонтов.....	86
Материалы Семинара-совещания на филологическом факультете МГУ. «Тарас Шевченко и славянские культуры. К 200-летию со дня рождения»	94
1. <i>Машкова А.Г.</i> Всеславянская идея и Т. Шевченко.....	94
2. <i>Мартишин Діонісій, протоієрей.</i> Досвід християнської етики та соціальної думки у спадщині Т.Г. Шевченка.....	103
3. <i>Рудяков П.Н.</i> Литературное творчество Т. Шевченко в славянских рецепциях и интерпретациях.....	112
4. <i>Байдалова Е.В.</i> Фигура Т.Г. Шевченко в пространстве современной украинской культуры.....	121
<i>Кукушкина О.В., Варламов А.А., Суровцева Е.В., Пирятинская Е.Ф.</i> Идеи А.А. Поликарпова о системном устройстве словаря языка и личности и исследование результатов тестирования словарного знания.....	135

<i>Ж. Панина, О. Николаева.</i> Фонотека архангельских говоров: реставрация и расшифровка.....	150
<i>Балашова А.</i> «Павлушкины силья» и «ногти за пазухой»: эсхатологические предсказания и представления о загробной жизни (по материалам архангельских говоров).....	154
Научная жизнь.....	164
<i>Вранеш А.</i> Награда Мапрајл-а 2014 Вукосави Ђапа Иветић	165
<i>Жуйкова Е.В.</i> Высокая наука с трепетной душой: конференция в Белграде «Первая мировая война в культуре и библиографии».....	170
<i>Рудяков П.Н.</i> Семинар-совещание на филологическом факультете МГУ. «Тарас Шевченко и славянские культуры. К 200-летию со дня рождения».....	173
<i>Поповић Т.</i> Конференција о савременој компаратистици.....	177
Заметки. Впечатления.....	182
<i>Моисеева В.Г.</i> «Аристарх Лентулов. Плоть вещей».....	183
Критика. Библиография.....	185
<i>Солнцева Н.М.</i> Куняев С.С. Николай Клюев. М.: Молодая гвардия, 2014. 647 с.....	186
<i>Красовец А.</i> Словенская литература XX века / Отв. ред. Н.Н. Старикова. М.: «Индрик», 2014. – 325 с.....	192
In Memoriam.....	195
Памяти Елизаветы Михайловны Коняевой (1929–2014).....	196
Александр Андреевич Смирнов.....	198
Памяти Ольги Александровны Ржанниковой.....	199
Людмила Михайловна Баш.....	202

Content

Papers.....	9
<i>Usikova R.P.</i> The comparison of the literary South Slavic Balkan languages – Bulgarian and Macedonian.....	10
<i>Marković Ridanin Ratko R.</i> Petar Kočić and the First World War (with reference to his political work and views).....	42
<i>Pauykin A.A.</i> Ancient Russian bookishness: historical-literary alternatives.....	55
<i>Поновућ T.</i> Europeism and antiquity in the narrative of Gogol «Starosvetsky pomeshchiki».....	61
<i>Kholikov A.</i> Significant absence in the D.S. Merezhkovsky’s «Autobiographical Notes»: the experience of a real comment to the «Complete Works» (1914).....	69
<i>Klimova Ks.</i> What does ΔPIMIEΣ stand for?.....	80
Communications and Materials.....	85
<i>Kataev V.B.</i> Moscow University and Lermontov.....	86
Proceedings of of the Seminar-debate at the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University. «Taras Shevchenko and Slavic cultures. To the 200 th anniversary of birth».....	94
1. <i>Mashkova A.G.</i> Panslavic idea and T. Shevchenko.....	94
2. <i>Martyshin Dionisij, archpriest.</i> The experience of Christian ethics and social thought in Taras Shevchenko’s legacy.....	103
3. <i>Rud’akov P.N.</i> Literary creativity Shevchenko in Slavic reception and interpretation.....	112
4. <i>Baydalova E.V.</i> The image of T.G. Shevchenko in the space of modern Ukrainian culture.....	121
<i>Kukushkina O.V., Varlamov A.A., Surovtseva E.V., Pyryatynskya E.F.</i> A.A. Polikarpov’s ideas on system devices of vocabulary of language and person and researching the results of testing of vocabulary.....	135
<i>Panina J.A., Nikolaeva O.N.</i> Fonoteka of Arkhangelsk dialects: the restoration and decoding.....	150
<i>Balashova A.</i> «Pavlushkiny sil’ja» and «nogti za pazukhoj»: eschatological predictions and ideas about the afterlife (by the materials of arkhangelsk dialects).....	154

Academic Life.....	164
<i>Vranesh A.</i> Award MAPRYAL – 2014 Vukosava Japa Ivetich.....	165
<i>Zhuykova E.V.</i> High science with anxious soul: Conference in Belgrade «The First World War in the culture and bibliography».....	170
<i>Rud'akov P.N.</i> Seminar-debate at the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University. «Taras Shevchenko and Slavic cultures. To the 200 th anniversary of birth».....	173
Notes. Impressions.....	182
<i>Moiseeva V.G.</i> «Aristarch Lentulov. The flesh of things».....	183
Critique. Bibliography.....	185
<i>Solntseva N.M.</i> Kunjaev S.S. Nikolai Klyuev. M.: Molodaya Gvardiya, 2014. 647 p.....	186
Krasovets A. Slovenian literature of the XX th century / Ans. Ed. N.N. Starikova. Moscow: Indrik, 2014. 325 p.....	192
In Memoriam.....	195
In Memory of Elizaveta Konyaeva.....	196
In Memory of Alexander Smirnov.....	198
In Memory of Olga Rzhannikovoy.....	199
In Memory of Lyudmila Bash.....	202

Статъи

Р.П. Усикова

Сопоставление литературных южнославянских балканских языков – болгарского и македонского

Аннотация: Исследование начинается с сопоставления фонетических особенностей современных литературных болгарского и македонского языков и их истории; дана общая характеристика лексического состава этих современных литературных языков. Более подробно сопоставляется формообразование существительных, прилагательных, местоимений, наречий, а также система глагольных форм и категорий. Приведен список предлогов, союзов, частиц, междометий; основное внимание уделено грамматическим функциям предлогов в обоих языках. Даны общие основные сведения о синтаксисе предложения.

В результате сделан вывод, что грамматическая структура в обоих языках во многом аналитическая, в отличие от других славянских языков. Между собой болгарский и македонский литературные языки различаются конкретными грамматическими формами и лексемами, но по структуре являются южнославянскими балканскими языками.

Ключевые слова: македонский язык, болгарский язык, балканославянские языки, сопоставление, фонетические особенности, формообразование, категория определенности, глагольные категории, эвиденциальность

Abstract: The study begins with a comparison of the phonetic features of contemporary literary Bulgarian and Macedonian languages and their history; besides the general characteristic of the lexical structure of modern literary languages is presented. In more details are compared shaping of nouns, adjectives, pronouns, adverbs, and the system of verb forms and categories. A list of prepositions, conjunctions, particles, interjections is added; The author's attention concentrates on the grammatical function of prepositions in both languages. Also the basic information about the sentence syntax is given.

As a result it was concluded that the grammatical structure in both languages is largely analytical, unlike other Slavic languages. Bulgarian and Macedonian literary languages has different grammatical forms and lexemes, but the structure is the same – South Slavic Balkan languages.

Key words: Macedonian, Bulgarian, Balkan Slavic languages, the comparison, comparison, phonetic features, shaping, category of definiteness, verbal categories, evidentiality

Замечания об исторических изменениях гласных и согласных и сопоставительные фонетические особенности в современных болгарском и македонском литературных языках.

Славяне пришли на Балканы в V–VI вв. Это были еще праславянские южные диалекты, отличавшиеся от восточнославянских, в частности, неполногласием (напр. *град, глава – город, голова*) и рефлексами *tj, *dj: *ношти – ночи, межда – межа*.

Наиболее южными на Балканах стали праболгарские и прамакедонские диалекты, которые вступили в языковые контакты с греческим языком (на юге), с албанскими диалектами (на юго-западе), с дако-романскими и влахороманскими диалектами, а также с протоболгарскими тюркскими диалектами. Затем в результате пятисотлетнего османского владычества на Балканах славянские диалекты подпали под турецкое языковое влияние. На протяжении многих веков жизни на Балканах, заимствовав балканские черты, болгарские и македонские диалекты продолжают оставаться славянскими, хотя по структуре и частично в лексике, стали и балканскими.

Первым литературным языком был созданный в IX в. старославянский язык, на азбуке глаголице созданы древнейшие дошедшие до нас тексты из Охрида, затем в XI–XII вв. в древней Болгарии была изобретена кириллица. На кириллице основана современная графика православных славян – сербского, болгарского и македонского южнославянских языков, а также восточнославянских языков – русского, белорусского, украинского.

В системе праславянского языка гласные были долгие и краткие, заднего (а, о, у, ы), и переднего (е, и) ряда; кроме того были носовые заднего ряда (ж) и переднего ряда (а), а также ять (ѣ) и редуцированные (ъ, ь). До X в. все слоги были открытыми, т. е. заканчивались на гласный.

Из текстов X–XII и дальнейших веков видно, что для южнославянских диалектов был характерен процесс отвердения согласных и утрата редуцированных в слабой позиции. Сильные Ъ и Ь в македонском языке дали [o], [e]: *сон, ден*, в болгарском – [ъ], [е]: *сън, ден*.

Утрата носовых в XII–XIII вв. впоследствии привела к различным итогам: носовой заднего ряда > [a], [y], [ъ]: совр. макед. диалекты – *галаб, гълъб, рака, рька, рука*, в современных болгарских говорах более характерны *гълъб, рька*. В македонских говорах, под влиянием сербского языка (государственного в XIII в.) в некоторых лексемах на месте Ж используется [y] – *гуска, ‘гусь’, ручек ‘обед’*, а также в административной и церковной терминологии: *суд ‘суд’, вечна мука ‘вечное мучение’* и др. Следует заметить, что в македонских и болгарских говорах кроме деназализации в IX–XIII вв. была и т. н. мена юсов: после мягких согласных вместо Ж в текстах писался А, после твердых – Ж, различия были по говорам. Исторические изменения в диалектах отражены в современных литературных македонском и болгарском языках: так, начальный Ж (носовой заднего ряда) в литературном македонском языке дал сочетание *ja*: макед. *јадница, јаглен, јаже*. В современном болгар-

ском литературном языке начальный Ж > [вѣ]: *вѣдица, вѣглен, вѣже* ‘удочка, уголь, веревка’.

В западных македонских говорах и литературном македонском языке произошла мена юсов в начале слова: сочетание j + А дало сочетание j + Ж, ср. совр. лит. макед. *јазик, јатрва*, а в восточных макед. говорах и в лит. болг. яз. представлен рефлекс этимологического А (носового переднего ряда): *език, етърва* ‘язык, сноха’.

В современных литературных болгарском и македонском языках отражены исторические изменения ѣ в диалектах. Так, в болгарском литературном языке, основанном на базе северовосточных болгарских говоров, ѣ > я под ударением перед твердыми согласными и е перед мягкими согласными: *вя’ра – вѣрен* ‘вера, верный’, а в безударных слогах – е: *вероисповѣданіе*. В македонском литературном языке, основанном на западномакедонских центральных говорах, на месте ѣ всегда произносится и пишется е: *вера, верен, вероисповед*.

В обоих языках утрачена гласная [ы], вместо нее пишется и произносится и: (*син* ‘сын’).

Сочетания праславянских сонорных согласных Р, Л с редуцированными Ъ, Ь дали различные результаты в болгарских и македонских говорах. В современном литературном македонском языке в начале слова и в закрытых слогах появился слоговой Р и сочетания ОЛ, а в болгарском – сочетания ЪР / РЪ и ЪЛ / ЛЬ: *’рж – рѣж* ‘рожь’, *смрт – смѣрт* ‘смерть’, *крв – крѣв* ‘кровь’, *молк* ‘молчание’ – *млѣк* ‘цыц!’, *врв, врвот – врѣх, врѣхѣт* ‘верх, вершина’, *волк – вѣлк, Грк, Грѣѣја, грѣѣки – грѣк, Грѣѣѣја, грѣѣѣки* ‘грек, Греция, греческий’.

Согласные отвердели на конце слова и в болгарском, и в македонском: *корен, камен, доблест, радост, ден, десет*. Как исключение в македонском лит. языке на конце слова имеются мягкое њ и љ в словах *коњ* и *деталъ* – болг. *кон, детал*.

В отличие от македонского литературного языка в болгарской графике сохранились гласные ю, я, обозначающие произношение [у], [а] после мягких согласных. Срвн. болг. *лято, тяло, бряг* – макед. *лето, тело, брег*, (в болг. здесь я на месте ѣ), болг. *лют* – макед. *лут* ‘сердитый’, болг. *любов* – макед. *љубов*.

Перед гласными переднего ряда в македонском и в болгарском согласные произносятся как полумягкие (*вест, ден, дим, мисли* ‘весть, день, дым, мысли’). В заимствованиях после мягких согласных вместо [у] в болгарском пишется ю: *кюфте* ‘котлета’, *пюре, тютюн* ‘табак’. В македонском литературном языке и в этих случаях согласные произносятся твердо: *тутун* ‘табак’, или полумягко: *пуре* ‘пюре’, но *ќофте* ‘котлета’ (где *ќ* – мягкая аффриката).

После исторически мягких согласных в болгарском литературном языке членные формы имеют я: *кон – коняѣт, ден – деняѣт, учител – учителяѣт, овчар – овчаряѣт* ‘овечий пастух’; в македонском языке исторические особен-

ности в подобных лексемах утрачены: *денот*, *учителот*, *овчарот*. Как исключение в слове *коњ* мягкое *њ* сохраняется и в членной форме: *коњот*.

В македонском литературном языке имеются мягкие аффрикаты [ќ], [ѓ], парные по глухости / звонкости, и чередующиеся по мягкости / твердости в позиции после гласных заднего ряда с [к], [г] (*кука* ‘крюк’ – *куќа* ‘дом’, *лага* ‘ложь’ – *лаѓа* ‘ладья’, *среќа* ‘счастье’, *меѓа* ‘межа’, *паѓа* ‘падать’ – *падне* ‘упасть’), а также звонкие аффрикаты. *s* [дз], *џ* [дж]: *свезда* (болг. *звезда*) ‘звезда’, *џандар* (болг. *жандарм*), *џамија* (болг. *джамия*) ‘мечеть’. В ряде случаев эти аффрикаты появились на месте ст.-слав. шт, жд, которые сохранились в болгарском лит. яз. (*ќџа* ‘дом’, *межда* ‘межа’). В македонском лит. яз. сохранились парные по твердости / мягкости сонорные согласные *л* – *љ* (*бела* ‘белая’ – *беља* ‘беда’, *љуб* – (*љубов*, *љуби*) – *љубеница* ‘арбуз’) и *н* – *њ* (*коњ* – *кон* предлог ‘к’, *бања* ‘баня’).

Отдельно надо сказать о почти полной утрате в македонских диалектах и литературном языке согласного [х]: *рисјани* ‘христиане’, *снаа* – болг. *снаха* ‘сноха’, *одеа* – болг. *ходеха* ‘ходили’. В некоторых лексемах в македонском вместо [х] употребляется [в]: *страв* ‘страх’, *орев* ‘орех’ (болг. *страх*, *орях*); сочетания [хв] в начале слова заменились фонемой [ф]: макед. *фали* (болг. *хвали*) ‘хвалить’, *фаќа*, болг. *хваца* ‘хватать, ловить’. Но в литературном македонском языке, особенно в книжных словах и терминологии, [х] употребительно: *доход*, *храм*, *хор*, *хумор* ‘юмор’, *ходник* ‘коридор’, *храна* ‘пища’. Это омонимичные синонимы с болгарским. В болгарском [х] сохранилось (примеры см. выше).

Существенное различие между болгарским и македонским литературными языками – система словесного ударения. В болгарском, как и в русском языке, оно динамическое, разноместное и подвижное. В македонском литературном языке динамическое ударение закреплено за вторым или третьим слогом от конца слова или акцентной группы (синтагмы). Срвн. болг. *страх* – *страх’ът* – *страховé* – макед. *страв*, *стра’вот*, *стра’вови*, *стра’вовите* ‘страх – страхи’; болг. *дайте му*, *дайте му го* – макед. *дајте му*, *дајте му го* ‘дайте ему, дайте ему его (это)’. Отступления от места ударения в македонском литературном языке встречаются лишь в заимствованиях, напр. *филоло́г*, *филоло́шки*, *суверенитét*, *интреси́ра* – болг. *филоло́г*, *суверенитét*, *интереси́ра* ‘интересовать’.

Лексика. Основной лексический фонд и в болгарском, и в македонском составляют слова общеславянского происхождения. Различия в отдельных лексемах объясняются различными рефлексам старославянских фонем. Примеры, сгруппированные по семантике:

човек ‘человек’, макед. *маж* / болг. *мъж*, ‘муж, мужчина’, *жена* ‘жена, женщина’, *дете* ‘ребенок’, *син* ‘сын’, *брат*, *сестра*, *свекрва* / *свекърва* ‘свекровь’, *пријател* / *приятел* ‘друг, приятель’, *гостин* ‘гость’;

живот ‘жизнь’, *смрт* / *смърт* ‘смерть’, *глава* ‘голова’, *рака* / *ръка* ‘рука’, *лице* ‘лицо’, *нос, уста* ‘рот, уста’, *крв* / *кръв* ‘кровь’, *уво* / *ухо* – *уши* ‘ухо – уши’, *јазик* / *език* ‘язык’;

глад ‘голод’, *бол* ‘боль’, *радост, љубов* / *любов* ‘любовь’, *срам* ‘стыд’, *смеа* / *смях* ‘смех’;

земја / *земя* ‘земля; страна’, *небо* / *небе* ‘небо’, *сонце* / *слънце* ‘солнце’, *облак* ‘облако’, *дожд* / *дъжд* ‘дождь’, *снег* / *сняг* ‘снег’, *ветер* / *вятър* ‘ветер’, *магла* / *мъгла* ‘мгла: туман’;

ден ‘день’, *ноќ* / *нощ* ‘ночь’, *утро, вечер, утре* ‘завтра’, *вчера* ‘вчера’, *денес* / *днес* ‘сегодня’, *време* ‘время; погода’, *невреме* ‘плохая погода, непогода’, *лето* / *лято, есен* ‘осень’, *зима*;

град ‘город’, *село* ‘село, деревня’, *улица, плоштад* / *площад* ‘площадь’, *двор, зграда* / *сграда* ‘здание’, *врата* ‘дверь’;

клас ‘колос’, *рж* / *ръж* ‘рожь’, *пченица* / *пшеница* ‘пшеница’, *лен* ‘лён’, *месо* ‘мясо’, *риба* ‘рыба’, *млеко* / *мляко* ‘молоко’, *птица*, *крава* ‘корова’, *овца, коњ* / *кон* ‘конь, лошадь’, *пес* ‘пёс’;

јадам / *ям, пие* / *тия* (далее глаголы даются в форме 3 л. ед ч. презенса – словарной форме в макед яз.), *гледа* ‘смотреть, видеть’, *молчи* / *мълчи* ‘молчать’, *има* ‘иметь, иметься’, *носи* ‘носить, нести’, *купи* ‘купить’, *продава* ‘продавать’, *мисли* ‘думать, мыслить’, *каже* ‘сказать’, *живее* ‘жить’, *умира* ‘умирать’;

долг / *дълг* ‘долгий; длинный’, *краток* / *кратък* ‘краткий; короткий’, *добар* / *добър* ‘добрый; хороший’, *млад* ‘молодой’, *нов* ‘новый’, *бел* / *бял* ‘белый’, *црн* / *черен* ‘черный’, *зелен* ‘зеленый’, *црвен* / *червен* ‘красный, червоный’;

еден / *един* ‘один’: *два, три, четири* ‘четыре’, *пет* ‘пять’, *десет* ‘десять’, *дваесет* / *двадесет* ‘двадцать’, *сто, триста*;

да ‘да’, *не* ‘нет’.

Межъязыковыми болгаро-македонскими омонимами с разным значением являются некоторые лексемы, напр.: *вреден* макед. ‘полезный’ – болг. ‘вредный’; *вредност* макед. ‘ценность; стоимость’ – болг. ‘вредность’, *старост* макед. ‘старость; возраст’ – болг. ‘старость’ (болг. ‘возраст’ – *възраст*).

В VI в., когда славяне пришли на Балканы, в результате языковых контактов с балканскими народами в болгарском и македонском языках были заимствованы некоторые лексемы, напр. *маса* ‘стол’, но, главное, – граммати-

ческая структура (отсутствие падежных форм, членные морфемы определенности и т. д.).

Более 500 лет македонские и болгарские говоры испытывали турецкое влияние под властью Османской империи. Особенно это выразилось в бытовой лексике и суффиксах. Болгария была освобождена от османского рабства в результате русско-турецкой войны в 1878 г., а Македония – лишь после второй балканской войны в 1913 г., оказавшись в составе Сербии. Литературные болгарский и македонский языки отражают влияние турецкого языка в лексике, в основном домашнего быта и ремесел: макед. *шекер* – болг. *захар* ‘сахар’, *ракија* – *ракия* ‘фруктовая водка’, *алва* – *халва* ‘халва’; макед. и болг. *каши* ‘ремень’, *чаршав* ‘простыня’, *чорап* ‘чулок, носок’; *таван* ‘потолок’; *занает* / *занаят* ‘ремесло’, *занаетчија* / *занаятчија* ‘ремесленник’; *боја* / *боя* ‘краска, цвет’, *бојација* / *бояджия* ‘маляр’, макед. *муштерија* ‘клиент в парикмахерской и т. п.’ но *странка* ‘клиент в банке и т. п.’ – болг. *клиент*, макед. *комишија* ‘сосед по дому и т. п.’, *сосед* (общ.-полит.) – болг. *съсед* ‘сосед’; макед. разг. *к’смет* – лит. *среќа*, а в болг. *късмет* разг. – *щастие* лит. ‘счастье’.

Грецизмы в болгарском и македонском литературных языках связаны прежде всего с христианскими терминами, напр. *икона*, *евангелие*, *ангел*, *поп*, *епископ* и др. Но через вековые устные контакты пришли и некоторые другие слова, принятые в литературных македонском и болгарском языках, напр.: *евтин* ‘дешевый’, *мирис* ‘запах’, *илјада* / *хиляда* ‘тысяча’, *ареса* (*се*) / *хареса* (*се*) ‘понравиться’, *макар* ‘хоть; хотя бы’, *макар што* / *макар че* ‘несмотря на то, что’, *ела*, *елате* ‘иди, идите сюда’.

Литературные македонский и болгарский языки развивались под большим влиянием русского, особенно болгарский, кодифицированный в конце XIX в. Македонский язык был кодифицирован лишь в 1945 г., когда Вардарская Македония стала республикой в составе Югославии (тогда – ФНРЮ).

Графика болгарского языка основана на русской, а македонского – на сербской кириллице.

В болгарском литературном языке немало русизмов: *аптека*, *автомат*, *звук*, *обем* ‘объем’, *производство*, *положение*, *движение*, *желание*, *развитие*, *пътешествие*, *учение*, *убедителен* и т. д. Македонский литературный язык заимствовал русизмы через болгарский, но в ряде словообразовательных моделей существительные с суф. *-ние* получили суф. *-ба* (*положба*, *желба*, *состојба*), или суф. *-ње* (глагольные существительные со значением процесса: *учење*, *патување*), прилагательные – суф. *-лив*: *убедлив*. Вместо русизмов в македонском литературном языке были приняты и сербизмы, особенно в научной терминологии, но и они в значительной степени были заменены собственными лексемами, напр. вм. болг. *събитие* и сербск. *догађај* – лит. макед. *настан* ‘событие’, вместо серб. *тражи* – макед. *бара* ‘требовать’, *барање* ‘требование’ (болг. *искам*, *искане*). В лингвистической терминологии сербизмы были заменены собственными македонскими лексемами, а в болгарском они, главным образом, являются русизмами: ‘существительное’ –

болг. *съществително*, серб. *именица*, макед. *именка*; 'прилагательное' – болг. *прилагателно*, серб. *придев*, макед. *придавка*; рус. и болг. *местоимение* – макед. *заменка*.

Болгарский и македонский литературные языки различаются и некоторыми употребительными лексемами, напр. болг. *искам* 'хотеть, требовать', макед. *сака* 'хотеть, любить'; в макед. 'требовать' – *бара*, в болг. 'любить' – *обичам*.

В последнее время (десятилетия), как и в других славянских языках, в болгарском и македонском появилось немало лексики, заимствованной из английского (американского) языка. Англицизмов больше всего в молодежном жаргоне и в научной терминологии.

Формообразование имен существительных. Личные и неличные имена существительные в ед. и мн. числе имеют три рода, как и в других славянских языках. Вопрос требует дальнейшего сопоставительного исследования.

В мужском роде есть односложные и неодносложные основы. Множественное число односложных существительных в болгарском и в македонском образуется с флексией *-ови / -еви* в макед. и *-ове / -еве* в болг.: напр.: *син – синови / синове* 'сын', *воз – возови / влак – влакове* 'поезд', *број – броеви / брой – броеве* 'число, номер', а также с флексией *-и*, напр.: *прст – прсти / пръст – пръсти* 'палец, перст', *заб – заби / зъб – зъби* 'зуб', с чередованием *к~ц*: *волк – волци / вълк – вълци*. Неодносложные существительные муж. рода образуют мн. число с флексией *-и*, при этом возможны чередования *к~ц*, *г~з*, *х~с*, *-ин~и*, *е~Ø*, *а/ъ~Ø*, *о/ь~Ø*: *јазик – јазици / език – езици* 'язык', *белег – белези* 'знак', *успех – успеси* 'успех', *селанин / селянин (селанец / селянец) – селани* 'крестьянин', *петел – петли* 'петух', *лакот / лакът – лакти* 'локоть', *творец – творци, старец – старци, агол / ъгъл – агли / ъгли* 'угол', *театар / театър – театри*. Несколько существительных муж. рода имеют в ед. числе *-а*: *слуга – слуги, владика – владици* 'архиерей'. Личные имена муж. рода и названия родственников в ед. числе оканчиваются на согласный, на *-а*, на *-о*, на *-е*, на *-ија / -ия*: *Иван, Никола, Петар / Петър, Петре, Петко, дедо / дядо* 'дедушка', *вуйко / вуйко* 'дядя по матери', *Илија / Илия*; во мн. числе они имеют окончание *-овци / -евци*: *Ивановци, Николовци, Петревци, Илиевци, дедовци / дядовци* (и *деди-прадеди* разг. 'предки'), *вуйковци / вуйковци*. В литературном македонском языке не только в разговорном, но и в официальном деловом стиле часто полные мужские личные имена заменяются сокращенными с уменьшительно-ласкательным нюансом в значении *Божо, Блаже* и т. п. Эти имена имеют и значения звательной формы.

В отличие от македонского в болгарском литературном языке больше непродуктивных типов образования множ. числа. Так, в болгарском *мъж – мъжé*, *кон – конé*, *цар – царé*, *княз – князé*, *крал – кралé*, в македонском регулярные формы – *мажи, коњи, царови, кнезови, кралови*. Но в обоих языках во мн. числе *брат* 'брат' – *браќа / братя*. Мн. число с окончанием *-ишта / -ища* в односложных

словах муж. рода: *сон / сън – соништа / снища, крај / край – краишта / краища; пат – патишта / път – пътища* ‘путь, дорога’, но *пат – пати / път – пъти* ‘раз’; макед. *лист – листови* / болг. *лист – листове* ‘листы бумаги и т. п.’ и макед. *лист – лисје* (болг. *лист – листья*) ‘лист – листья, листва’. Существительные с окончаниями *-ишта / -ища* и *-ја / -я* во мн. числе часто имеют собирательное значение.

В иностранных заимствованиях, обозначающих лиц мужского пола в ед. числе на *-é*, в болгарском имеют во мн. числа окончания *-та*, в македонском – в соответствии с нормами *-и*: *аташиé* – болг. *аташѐта*, макед. *аташиéи*. В обоих языках мн. ч. от *господин – господа*; от *Турчин – Турци*; от *човек – болг. хора*, макед. *луѓе*. (Форма *човеци* ‘человеки’ употребляется редко.)

Существительные женского рода, как и в других славянских языках, в ед. числе оканчиваются на *-а* или на отвердевший согласный. Во мн. числе они имеют флексию *-и*: *мајка / майка – мајки / майки, книга – книги, мува / муха – муви / мухи, земја / земля – земји / земли, жена – жени, мисла / мисъл – мисли, свеќа / свец – свеќи / свеци, ноќ / ноц – ноќи / ноци* ‘ночь’, *вест – вести* ‘весть’, *радост – радости, страст – страсти* ‘страсть’, но *рака / ръка – раце / ръце* ‘рука’, *нога – нозе* (в болг. ‘нога’ обычно *крак – крака*), *овца – овци* / болг. *овце, свиња / свиня – свињи / свине*. Таким образом, в македонском литературном языке меньше исключений из общего правила, чем в болгарском.

У существительных среднего рода в ед. числе – флексия *-о* и *-е* после суффиксов *-це, -ште / -ще, -ње / -не*. Во мн. числе эти существительные имеют флексию *-а*: *огледало – огледала* ‘зеркало’, *писмо – писма, говедо – говеда* ‘крупный рогатый скот’, *друштво / дружество – друштва / дружества, лице – лица, училиште / училище – училишта / училища*. Различия в образовании мн. числа в макед. и болг. языках есть у некоторых славянских лексем на *-е* и в заимствованиях на *-е*: *море – мориња / морета, јагне / агне – јагниња / агнета, време – времиња / времена, дете – дечиња / деца, цвеќе – цвеќиња / цвете – цветя* ‘цветок’, *момче – момчиња / момчета* ‘мальчик, парень’, *момиче – момичиња / момичета* ‘девочка, девушка’, *клише – клишиња / клишиé – клишѐта, коминикé – коминикéа / комюникé – комюникéта, такси – таксија / такси – таксита, жири – жирија / жури – журита*. Изолированные случаи: *уво / ухо – уши, око – очи* ‘глаз’, *небо / небé – небеса, дрво – дрџа / дрџво – дрџвета* ‘дерево’ (мн. *дрва / дрџва* ‘дрова’).

Звательные формы существительных образуются в обоих языках, как правило, одинаково: *жена – жено!, сестра – сестро!, народ – народе!, господин – господине!, професор – професоре!*. Но в болгарском существительные с суффиксами *-тел, -ар* с отвердевшим конечным согласным имеют в звательной форме *-ю*: *учител – учителю!, другар – другарю!, овчар – овчарю!*; в македонском, как и в остальных словах – *учителе!, овчаре!*. С чередованием *к~ч*: *човек – човече!, војник / войник – војниче! / войниче!* (эти звательные формы имеют и уменьшительно-ласкательное значение: ‘человечек!’, ‘солдатик!’).

В сочетании с количественными числительными *два, три, четыре, ... десет* и оканчивающимися на 2, 3, 4 (22, 433, 564 и т. п.), а также после слов *колку / колко, неколку / няколко* существительные муж. рода употребляются в счетном мн. числе: *два дена* ‘два дня’; *два весника / вестника* ‘две газеты’, *три километра, два студента, неколку пата / няколко пътя* ‘несколько до-рог, путей’, но *неколку пати / няколко пъти* ‘несколько раз’.

Определенные формы существительных (т. н. членные формы) выражают грамматическую категорию определенности.

В болгарском лит. языке постпозитивный артикль (член) в ед. ч. муж. рода имеет *-ът /-ят* в жен. р. – *-та*, в ср. р. – *-то*; во мн. числе для всех трех родов *-те*: *езикът, учителят, сестрата, радостта, селото, влиянието; езиците, учителите, сестрите, радостите, селата, влиянията*. В функциях подлежащего (прямого, косвенного дополнения и т. п.) у существительных муж. рода ед. ч. в членной форме нет *-т*: *езика, учителя*.

В македонском литературном языке кроме членных форм с *-т*, имеются формы, обозначающие не только определенность, известность, но и указывающие на пространственное нахождение предмета: формы с *-в* (близость), *-н* (удаленность); хотя часто близость / удаленность понимаются в переносном смысле «близкий = родной, любимый, хороший и т. п.»; «удаленный = негодный, плохой, и другие негативные свойства». Примеры: *човекот, човеков, човекон; жената, женава, женана; детето, детево, детено*. В македонском языке членные формы одинаковы для любой синтаксической функции существительного.

Имена собственные в обоих языках, как правило, членной формы не образуют.

Таким образом, система форм и категорий у существительных в болгарском и македонском одинаковы. Различия касаются конкретных форм рода, мн. числа, звательной формы, но главное – в обоих языках есть грамматическая категория определенности, выраженная постпозитивным артиклем (членом). Различия состоят в том, что в македонском языке выражена пространственная определенность (близкое – далекое) и определенность, нейтральная к пространственному нахождению, обозначающая известность или общеизвестность. В болгарском у существительных выражена только собственно определенность.

Прилагательные. Как и в других славянских языках, в болгарском и македонском прилагательные делятся на семантико-грамматические разряды: качественные (*голем / голям* ‘большой’, *бел / бял* ‘белый’, *млад* ‘молодой’), относительные (*годишен* ‘годовой’, *бугарски / български, волнен / вълнен* ‘шерстяной’), притяжательные (*мајкин / майчин* ‘мамин, принадлежащий матери; родной’).

Прилагательные имеют формы мужского, женского, среднего рода в ед. числе и мн. числа для всех родов. В обоих языках окончания рода и числа – одинаковы: *висок, висока, високо, високи* ‘высокий’; *државен, државна, др-*

жавно, државни / државен, државна, државно, државни ‘державный, государственный’; *машки, машка, машко, машки / мъжки, мъжка, мъжко, мъжки* ‘мужской’, *селски, селска, селско, селски* ‘сельский, деревенский’: *добар / добър, добра, добро, добри* ‘добрый; хороший’. Подобное формоизменение имеют также порядковые числительные: *први / първи, втори (втора, второ, втори), дваесетти / двадесети (дваесет и петти)* и т. д. Прилагательные и порядковые числительные, будучи первым словом в именной синтагме, могут выступать в членной форме: *државниот, државниов, државнион / државния (т)*; *државната, државнава, државнана / државната, државните, државниве, државнине / државните*; *вториот, вториов, вторион / втория (т), втората, второто, вторите*.

Есть и заимствованные в макед. и болг. прилагательные, неизменяемые по роду и числу (*фер човек* ‘честный, порядочный человек’, *фер жена* ‘честная, порядочная женщина’). В македонском таких заимствований, особенно из турецкого, больше: *тазе* ‘свежий’ (*тазе леб, млеко*), *пембе* ‘ярко-розовый’ (*пембе блуза, пембе пешкир* ‘ярко-розовое полотенце’ и нек. др.).

В муж. роде прилагательные имеют звательную форму: *драги пријателе / приятеле!* ‘дорогой друг!’, но *драга жено!*

Формы степеней сравнения образуются с помощью частиц *по-* / *по-* и *нај-* / *най-*: *повисок, повисока, повисоко, повисоки / по-висок* и т. п. ‘более высокий, выше’; *највисок, највисока, највисоко, највисоки / нај-висок, нај-висока, нај-високо, нај-високи* ‘самый высокий, выше всех’.

Как видим, формообразование прилагательных и порядковых числительных в македонском и болгарском почти одинаково.

Местоимения. Личные местоимения в македонском и болгарском языках схожи: *јас / аз, ти, тој / той, таа / тя, ние, вие, тие / те*. Личные местоимения имеют полные и краткие формы винительного и дательного падежей: вин. п.: *мене ме, тебе те, него го, неа ја / неа я, нас не / нас ни, вас ве / вас ви, нив ги / тях ги*; дат. падеж – *(на) мене ми, (на) тебе ти, нему / на него му, нејзе (на неа) ѝ / на неа ѝ, нам им / на нас им, вам ви / на вас ви, ним (на нив) им / на тях им*; формы возвратных личных местоимений: вин. п. – *себе си, се*, дат. п. – *(на) себе си, си*. В обоих языках краткие формы вин. и дат. п. личных местоимений при глаголе употребляются чаще, чем полные. Полные употребляются в предложениях, где глагол отсутствует, напр. *Кого викаш?* – *Него*. ‘Кого ты зовешь? – Его’, а также под логическим ударением, при этом в македонском языке, в отличие от болгарского, полная форма в предложениях с глаголом обязательно удваивается краткой: (макед.) *Кому (му) даде?* – *Нему (Нему му дадов)* ‘Кому ты дал? – Ему (Я дал ему)’. Краткие личные местоимения в функции дополнений при глаголе в македонском языке являются проклитиками, в болгарском – энклитиками: *Му го дадов / Дадох му го* ‘Я дал ему его (это)’. С предлогами употребляются полные формы: *Кажми ми за неа!* / *Кажми ми за нея!* ‘Расскажи мне о ней!’, *Со него не се познавам / Със него не се познавам* ‘С ним я не знаком’, *Пред нив стоеше*

непознат човек / Пред тях стоеше непознат човек ‘Перед ними стоял незнако-
мый человек’, *Земи си го палтото! / Вземи си палтото!* ‘Возьми (свое)
пальто!’

Притяжательные местоимения (полные формы) в обоих языках почти одина-
ковые, различия – в форме 3 л. мн. числа: в макед. -*нивни* (*от*), *нивна* (*та*), *нив-
но* (*то*), *нивни* (*те*), в болг. – *техен* (*техният*), *тяхъна* (*та*), *тяхно* (*то*), *техни*
(*те*). Примеры: *Моето дете е послушно* ‘Мой ребенок – послушный’, *Нашата
соба не е голема / Нашата стая не е голяма* ‘Наша комната не велика’, *Нивна-
та книга лежи на масата / Тяхната книга лежи на масата* ‘Их книга лежит на
столе’. Возвратные притяжательные местоимения: *Иван се грижи за своето
здравје / Иван се грижи за своето здраве* ‘Иван заботится о своем здоровье’.
(О кратких формах притяжательных местоимений и их функциях см. далее.)

Указательные местоимения: в болгарском языке образуются от личных присо-
единением частиц -*я*, -*зи*, -*ва*, в македонском – с -*ј*, -*а*, -*ие*: макед.: *тој*, *таа*, *тоа*,
тие; *овој*, *оваа*, *ова*, *овие*; *оној*, *онаа*, *она*, *оние* / болг.: *този*, *тази*, *това*, *тези*;
онзи (*оня*), *онази* (*оня*), *онези* (*онуй*), *онези* (*ония*); указывающие на качество:
(макед.) *таков*, *ваков*, *онаков*, *таква*, *ваква*, *онаква*, *такво*, *вакво*, *онакво*,
такви, *вакви*, *онакви* / (болг.) *такъв*, *такава*, *такова*, *такива*; *онакъв*, *онакава*,
онакова, *онакива*; на количество – *толкав*, *толкава*, *толкаво*, *толкави*; (*в*)*олкав*,
-а, *-о*, *-и*; *оноклав*, *-а*, *-о*, *-и* / *толкав*, *-а*, *-о*, *-и*. Как видим, в македонском
указательные местоимения, как и личные, маркированы по признаку далекое /
близкое, в болгарском – только по дальности.

Субстантивные вопросительные местоимения (для лиц и предметов):
кој? / кой? ‘кто?’, *кого?* ‘кого?’, *на кого (кому)?* ‘кому?’, *што? / какво, што?*
‘что?’ Вопросительные адъективные местоимения: *кој / кой*, *која / коя*, *кое*,
кои ‘который, какой?’, *каков / какъв*, *каква*, *какво*, *какви* ‘какой?’, *чиј / чий*, *чи-
ја / чия*, *чие*, *чии* ‘чей?’, *колкав*, *-а*, *-о*, *-и* ‘какой по величине?’ В обоих языках
это идентичные формы.

От субстантивных и адъективных вопросительных местоимений образу-
ются местоимения других семантических разрядов. Отрицательные – с мор-
фемой *ни-*: *никој / никой*, вин. п. *никого*, дат. п. *никому (на никого)* ‘никто’,
ништо / нищо ‘ничто, ничего’; от адъективных местоимений – *никој / никой*,
-ја / -я, *-е*, *-и*; *никаков*, *николкав*. Другие разряды также идентичны: определе-
тельные – *секој / сякой*, *секого / сякому (на секого / на сякого)* ‘всякий; каж-
дый’ – о лицах, *сѐ / всичко* ‘всѐ’ – о предметах; адъективные – *секој*, *секаков /
всеки*, *всякакъв* ‘всякий, каждый’, а также *цел / цял*, *сам*, *сама*, *сами*. Место-
имения *сѐ / всичко*, *цел / цял*, *сам* употребительны и в членной форме: *са-
миот / самият*, *самата*, *самите* (о лицах), *сето / всичкото* (о предметах).
Неопределенные местоимения образуются от вопросительных частицей *не /
ня* (*е/я* из Ъ), например: *некој / някой* ‘некто’, *некаков / никакъв* ‘какой-то’,
нешто / нещо ‘нечто’ и т. д. Неопределенные местоимения имеют и другие
формы: с частицами *-годе*, *било*, *еди*: *кој-годе / кой-годе* ‘кто угодно’, *кој
било / било кой* ‘все равно кто’, *кој и да е / кой и да е* ‘кто бы то ни был’, фор-

мы с *еди-* часто присоединяют *си*: *еди-кой си* ‘(пренебрежительно) какой-то, кто-то’. Относительные местоимения в болгарском присоединяют к вопросительным частицу *-то*: *който* ‘который’, *което* ‘что’ и т. п. В македонском языке в функции относительных могут употребляться вопросительные местоимения или же к ним присоединяется местоимение *што*: *каков, каков што, што*; *кој / којшто, што*.

Значения и функции кратких форм личных местоимений вин. и дат. падежа в некоторых конструкциях (о выражении дополнений при глаголе см. далее).

1. С указательными наречиями в обоих языках употребляются формы вин. пад.: *Еве (ене, ете) го!* / *Ете го!* / ‘Вот (и) он!’ *Еве ги!* / *Ете ги!* ‘(А) вот и они!’

2. С безличными глаголами *има, нема, бидува / бива* употребляются краткие вин. формы личных местоимений: *Го нема* / *Няма го* ‘Его нет’, *Ги има во продавници* / *Има ги във магазини* ‘Они есть в магазинах’, *Не го бидува / Не го бива* ‘Он ни на что не способен’.

3. Краткая форма личного и возвратного местоимения в дат. п. употребляется в качестве показателя отношения содержания всего предложения к определенному лицу, в пользу или во вред которого совершается действие. *Таа си зема книги* / *Тя си взема книги* ‘Она берет себе (для себя) книги’. *Дома да ни дојдеш* / *Дома да ни дойдеш* ‘Приходи к нам домой (= в наш дом)’, *Гоце им беше другар* ‘Гоце был им (= их) товарищ’.

4. Краткие формы дат. п. употребляются в болгарском языке как несогласованные определения при существительных в определенной (членной) форме, а при именах-терминах родства – без члена (в этом употреблении они имеют притяжательное значение): *къщата му* ‘его дом’, *другарите ни* ‘наши товарищи’, *къщата си* ‘свой дом’, *майка ми* ‘моя мама’, *баща ти* ‘твой отец’, *баща си* ‘свой отец’. В македонском языке в притяжательных значениях краткие личные и возвратные местоимения в дат. п. употребляются только с названиями родственников: *татко им* ‘их отец’, но *нашите другари* ‘наши товарищи’, *вашата куќа* ‘ваш дом’.

Наречия. В болгарском и македонском, как и в других языках, наречия имеют семантические разряды места, времени, образа действия, причины и цели, напр. *горе* ‘вверх, вверху’, *долу* ‘вниз, внизу’; макед. *дење* / болг. *денем* ‘днем’, макед. *денес* / болг. *днес* ‘сегодня’, макед. *тука* / болг. *тук* ‘здесь, сюда’, макед. *овде* ‘здесь, сюда’, *онде, онаму* ‘там, туда’, болг. *таму* ‘там, туда’; *веќе* / *вече* ‘ужé’.

Наречия образуют степени сравнения с частицами *по-* и *нај-* / *най-*: *горе – погоре* / *по-горе* ‘выше’ – *најгоре* / *най-горе* ‘выше всего’, *топло – потопло* /

по-топло – најтопло / най-топло ‘тепло – теплее – теплее всего’. Наречие *многу / много* имеет форму сравнительной степени *повеќе / повече*, превосходной – *најмногу / най-многу* ‘много – больше – больше всего’.

Местоименные наречия. Вопросительные: 1) места и направления: макед. *каде?* / болг. *къде?* ‘где?, куда?’, *на каде?* / *накъде?* ‘куда?’, *од каде?* / *откъде?* ‘откуда?’, *до каде?* / *докъде?* ‘докуда?’, в макед. также *кај?* ‘где?, куда?’, *од кај?* ‘откуда?’, *до кај?* ‘докуда?’; 2) времени: *кога?* ‘когда?’, *до кога?* / *докога?* ‘до каких пор, доколе?’, *од кога?* / *откога?* ‘с каких пор?’; 3) образа действия: *како?* / *как?* ‘как?’; 4) причины: *зошто?* / *защо?* ‘зачем, почему?’; 5) меры и степени, количества: *колку?* / *колко?* ‘сколько?’

От вопросительных местоименных наречий образуются формы неопределенных наречий с частицей *не / ня*, отрицательных – с частицей *ни*, определенных – с частицей *се / все (вся)*. Относительные местоименные наречия в болгарском образуются от вопросительных частицей *-то*, а в македонском в значении относительных наречий выступают вопросительные, к которым может присоединяться местоимение *што*. Примеры: *нешто / нешто* ‘что-то; что-нибудь’, *ништо / нищо* ‘ничего’; *(на)секаде / (на)всякгде* ‘повсюду, везде’; макед. *секогаш* / болг. *винаги* ‘всегда’; *никогаш / никога* ‘никогда’; *како што / както* ‘так как’, *затоа што / зашто* ‘потому что’, *секако / всякак* ‘всячески, как угодно’; указательные *овде / тук* ‘здесь’, *оваму / насам* ‘сюда’; *онде, таму / там* ‘там’; *инаку / инак, иначе* ‘иначе’.

Таким образом, местоименные наречия в обоих языках сходны с соответствующими разрядами местоимений и схожи между собой.

Глагол. Система глагольных форм и категорий в болгарском и македонском литературных языках имеет славянское происхождение, однако заимствовала и черты балканских языков. Подробности см. в изложении о формах и категориях.

Глагольный вид. Как в славянских языках, в болгарском и македонском глаголы имеют категорию совершенного и несовершенного вида. Первичные глаголы чаще относятся к несовершенному виду. (Примеры даны в словарных формах – в презенсе в 3 л ед. ч. в македонском и в 1 л. ед. ч. в болгарском): *седи / седа, лежи / лежа, мисли / мисля, знае / зная, лее / лея, тие / пия, кисне / кисна* (образован от прилаг. *кисел*) ‘киснуть’, *гледа / гледам* ‘глядеть, смотреть’. Примеры на глаголы сов. вида: *даде / дам, каже / кажа* ‘сказать’; глаголы сов. вида, образованные от глаголов несов. или сов. вида а) с приставками: *пише / пиша: запише / запиша* ‘записать; начать писать’, *напише / напиша* ‘написать’, *препише* ‘переписать’, *допише* ‘дописать’, *впише* ‘вписать’ и т. д.; *лежи / лежа: долежи / долежа* ‘долежать’, *полежи / полежа* ‘полежать’; *лее / лея – налее / наля* ‘налить’; б) с суффиксом *-н-*, означающим однократность или состояние в результате однократного действия: *седи / седа – седне / седна* ‘сесть’, *лежи / лежа – легне / легна* ‘лечь’, *тие / пия – пивне / пийна* ‘отпить; выпить’.

Глаголы несов. вида со значениями описательного процесса, неактуального, постоянного действия, образуются практически от всех глаголов сов. вида. с суффиксами *-ва, -а* (в болгарском) и *-ува* (в македонском): *седне / седна – седнува / сядам* ‘садиться’, (му) *текне – текнува / теква* (му) безл. ‘ему приходит в голову’, *каже / кажа – кажува / казам* ‘говорить’, *лежи / лежа – легнува / лягам* ‘ложиться’, *напише / напиша – напишува / написвам* ‘написать, писать’, *потпишува / подписвам* ‘подписывать’, *запишува / записвам* ‘записывать; начинать писать’, и т. д. Отыменные глаголы с суф. *-ува* могут иметь двойственное видовое значение (в обоих языках), напр. *образува* ‘образовать’. Не образуют несов. в. на *-ува / -ва* глаголы с суф. *-ира*: *интереси́ра* (несов. в.) ‘интересовать’, *организи́ра* (сов. / несов. в.) ‘организовать’ и др.

При образовании несов. вида в болгарском яз. характерны чередования *ж~з, ш~с, т~ц* (в македонском лишь чередования *т~ќ*): макед. / болг.: *каже – кажува / кажа – казам, напише – напишува / напиша – записвам, прати – праќа / пратя – праќам* ‘послать – посылать’. И в болгарском, и в македонском при образовании глаголов несов. в. от глаголов спряжения с тематическим *-е* чередуются корневые *е~и, Ѻ~и*: *избере – избира* ‘избрать – избирать’, *се допре – се допира / допра се – допирам се* ‘коснуться / касаться’, *потпре – потпира* ‘подпереть – подпирать’.

Возвратные глаголы сов. и несов. в. образуются аналитически частицей *се*: *се кажува / казам се* ‘называться’, *се надева / надявам се* ‘надеяться’; примеры на взаимовозвратные глаголы (обычно в формах мн. ч.): *се сакаме / обичаме се* ‘мы любим друг друга’, *се мразат / мразят се* ‘они ненавидят друг друга’.

С помощью частицы *се* образуются формы страдательного залога (пассив) от переходных глаголов (актив): *се решава / решава се* от *решава* ‘решать’, *се дава / дава се* от *дава* ‘давать’ и др. В болгарском и македонском, как в и в других славянских языках, страдательный залог (пассив) выражен также и конструкциями глагола ‘быть’ со страдательными причастиями.

Кроме того с *се* образуются безличные формы с глаголом в 3 л. ед. ч. (*се знае / знае се* ‘известно’, *се гледа / гледа се* ‘видно’ и т. п.). Некоторые глаголы в безличной форме не имеют *се*: *има* ‘имеется’, *нема / няма* ‘нет, не имеется’, *бидува / бива* ‘годится’.

Действительный залог (актив) выражен переходными и непереходными глагольными лексемами: *враќа / връќа* ‘возвращать’, *оди / ходя* ‘ходить’, *донесе / донеса* ‘принести’ и т. д. Особенность македонского языка в том, что переходность может быть выражена аналитически – присоединением короткого личного местоимения в вин. п. к непереходному глаголу: *легне* ‘лечь’ – *го легне* ‘уложить’, *седне* ‘сесть’ – *го седне* ‘усадить’ и т. д.

Причастие на *-н / -т* в болгарском – страдательное прош. времени, а в македонском – образуется от всех глаголов, и в зависимости от контекста может быть страдательным или действительным, напр. макед. *легнат* ‘легший’

и ‘уложенный’, *седнат* ‘севший’ и ‘усаженный’, *дојден* ‘пришедший’, *даден* ‘данный’, *паднат* ‘упавший’.

Краткое местоимение *си* с глаголом уточняет его лексические значения, напр.: *оди / ходя* ‘ходить’ – *оди / отивам* ‘идти куда-л.’ – *си оди / отивам си* ‘уходить’ – *си отиде / отида си* ‘уйти (к себе, домой)’; *си мисли / мисля си* ‘думать себе’, *си намисли / намисля си* ‘надумать себе’. *И какво си намислил?!* ‘И чего ты себе надумал?!’

Формы вспомогательного глагола ‘есть, быть’ в презенсе: *сум / съм, си, е, сме, сте, се / са* и (*да*) *бидам / (да) бъда, бидеш / бъдеш, биде / бъде, бидат / бъдат*; в имперфекте: *бев / бях, беше, беше, бевме / бяхме, бевте / бяхте, беа / бяха*.

Формы настоящего времени образуются от основы презенса. В обоих языках в формах настоящего времени (основы презенса) имеется три спряжения – с тематическими *-е, -и, -а*, что проявляется в форме 3 л. ед. ч.: *јаде / яде, знае, пее, пие, каже, пише; прави, држи / държи, мисли, тажи / тъжи, гнои; гледа, дава, образува, напишува / написва*, макед. *игра / болг. играе*. Окончания между языками у глаголов *е*-класса и *и*-класса различаются в 1 л. ед. и мн. ч.: болг. *пея, пеем / макед. пеам, пееме; кова, ковам / ковам, коваме; пека, печем / печам, печеме; ям, ядем / јадам, јадеме; моля, молим / молам, молиме; търпя, търпим / трпам, трпиме; уча, учим / учам, учиме*. В болгарском языке окончания презенса у спряжения глаголов с тематическим *-а* отличается от спряжений на *-и, -е*. В македонском флексии у всех спряжений одинаковы, а конечные согласные основы – твердые и не имеют чередований согласных: *мислам / мисля, мисли, мислат / мислят; пеам / пея, пее, пееме / пеем, пеат / пеят; печам / пека, пече / пече, печеме / печем, печат / печат; трпам / търпя, трпи / търпи, трпиме / търпим, трпат / търпят; давам, давам, дава, даваме, даваат / дават*.

В македонском и болгарском языках утрачен инфинитив, вместо форм инфинитива употребляются конструкции *да + презенс*; напр. в сочетаниях с модальными глаголами: *Таа сака да те види / Тя иска да те види* ‘Она хочет тебя видеть’; в формах императива: *‘немој да го кажеш! / недей да го кажеш!* ‘не вздумай это сказать!’, в императивном значении приказа: *да кажеш!* ‘сказать!’, в отрицательных формах будущего времени: *нема да кажам / няма да кажа* ‘я не скажу’, *нема да кажувам / няма да казвам* ‘я не буду говорить’. Эти конструкции употребляются и в других модально-темпоральных формах, а также в придаточных предложениях с союзом *да*: *Таа рече да не пееш / Тя каза да не пееш* ‘Она сказала чтобы ты не пел’.

В болгарском и македонском в изъявительном наклонении сохранились также темпоральные формы аориста, имперфекта, перфекта, плюсквамперфекта, будущего предварительного, будущего в прошедшем. Употребление всех модально-темпоральных форм подчинено модальной категории эвиденциальности, которая выражает отношение говорящего к истинности сообщаемого им факта: если говорящий выражает свою информацию о событиях, которые он

лично видел, или же общеизвестные факты, в истинности которых он уверен, то употребляются обычные (непересказывательные) формы настоящего времени, аориста, имперфекта, будущего времени и т. д., если же для говорящего это чужая информация, за которую он не ручается или сомневается в ее истинности, то эти темпоральные формы употребляются в виде так называемых пересказывательных времен. Пересказывательные формы построены на базе форм перфекта на *-л*, напр. в болгарском: *той е дошъл* (перфект) ‘он пришел’ – *той дошъл* (пересказ аориста) ‘говорят, он пришел’, при этом в македонском литературном языке перфект на *-л* в 3 л. совпадает с формой пересказа: (отсутствует глагол-связка *е*): *тој дошол* ‘он пришел’ и ‘он, говорят, пришел’), поэтому часто употребляется другая форма перфекта – с вспомогательным глаголом *има* + причастие на *-но / -то*: *тој има дојдено* ‘он пришел’, заимствованная из западно-македонских говоров.

Образование темпоральных форм. От основы презенса образуются формы настоящего времени, будущего времени, имперфекта.

В обоих языках будущее время образуется одинаково от глаголов сов. и не-сов. вида: к презенсу в соответствующем лице и числе присоединяется частица *ќе* (в макед.), *ще* (в болг.), происходящая от глагола ‘хотеть’: *ќе кажам / ще кажа* ‘я скажу’, *ќе кажеш / ще кажеш* ‘ты скажешь’, *ќе каже / ще каже* ‘он скажет’, *ние ќе кажеме / ще кажеме* ‘мы скажем’, *тие ќе кажат / те ќе кажат* ‘они скажут’, *ќе кажувам / ще казвам* ‘буду говорить’, *ќе кажуваш / ще казваш* ‘будешь говорить’ и т. д. Отрицательные формы образуются сочетанием *нема / няма* + *да* + презенс в соответствующем лице и числе: *нема да кажам / няма да кажа*, *нема да кажеш / няма да кажеш* и т. д. ‘не скажу, не скажешь’, *нема да кажувам / няма да казвам*, *нема да кажуваш / няма да казваш* и т. д. ‘не буду говорить, не будешь говорить’, а иногда – присоединением отрицания *не*: *не ќе кажа / не ще кажа*.

Имперфект. Формы имперфекта образуются от основы презенса с флексиями, одинаковыми в обоих языках, если не иметь в виду утрату *x* и замену *x* на *в* в макед.: *гледав / гледах*, *гледаше*, *гледаше*, *гледавме / гледахме*, *гледавте / гледахте*, *гледаа / гледаха*; *одев / ходех*, *одеше / ходеше*, *одеше / ходеше*, *одевме / ходехме*, *одевте / ходехте*, *одеа / ходеха*; *печев / печех*, *печеше*, *печеше*, *печевме / печехме*, *печевте / печехте*, *печеа / печеха*.

Формы имперфекта несовершенного вида обозначают прошедшее действие, длившееся и не законченное или же многократно повторявшееся. Формы имперфекта сов. в. употребляются в придаточных предложениях при выражении условия, в придаточных предложениях с наречиями времени *докато / додека (+ не)* ‘пока, до тех пор пока’ в значении многократных действий, напр.: *Тие си молчаа, додека тој не речеше...* / *Те си мълчаха, докато тој не кажеше...* ‘Они молчали, пока он, бывало, не скажет’... а также в придаточных некоторых других типов.

Формы аориста образуются от аористных основ, происходящих от древнеславянского инфинитива. Окончания одинаковы в обоих языках, но в макед. $x > в$. В болгарском важную роль играет место ударения, часто отличающее аорист от имперфекта: *гледáх – глédах, ходíх – хóдех*. В македонском, как было уже указано, ударение зависит лишь от количества слогов в слове и синтагме.

Во втором спряжении (на *-и*) основы аориста делятся на два класса – с тематическим *-и* и с темат. *-е / -я*, напр., в 3 л. ед. ч. *направи* ‘он сделал’; *научи* ‘он узнал’; *истрпе / истърпя* ‘он вытерпел; претерпел’; *издржа / издържа* ‘он выдержал’; *натажи / натъжи* ‘он опечалил’; *постои – постоја / постоя* ‘он постоял’; *премолчи / премълчи – премолча / премълча* ‘он промолчал, умолчал’.

Различаются формы аориста между болгарским и македонским в глаголе *види / видя* ‘увидеть’: в 1 л. ед. ч. болг. *видях* / макед. *видов*, 2 и 3 л. ед. ч. *видя / виде*, во мн. ч. (1, 2, 3 л.): *видяхме, видяхте, видяха / видовме, видовте, видоа*.

В третьем спряжении (на *-а*) аористная основа совпадает с основой презенса: *погледа – погледав / погледах; јадоса – јадосав / јадосах; телеграфира – телеграфирав / телеграфирах*.

Глаголы первого спряжения (на *-е*) имеют разряды а) с нулевым тематическим гласным в аористе: *истијам / истия – испив / изпих, испи / изпи, испивме / испихме, испивте / изпихте, истија / изпиха; познае – познав, позна, познавме, познаа / позная – познах, позна, познахме, познаха*; б) в макед. аорист на *-ав*, в болг. на *-ях*: *испее – испеав, испеа, испеавме, испеаја / изпях, изпя, изпяхме, изпяха* ‘спеть’; в) аорист на *-а* имеют глаголы с суффиксом *-н-*: *дигнав / дигнах*; глаголы с основой на *б, п, м, в*: *закапе – закапав / закапах* ‘начать капать’; *задреме – задремав / задремах; подкове – подковав / подковах* ‘подковать’; при этом в обоих языках с чередованием конечных согласных основы *ч~к, жс~г*; а в болгарском также *жс~з, шс~с*: *заплача – заплаках / заплаче – заплакав; излаже – излагав / излъже – излъгах*; макед. *измаже – измажав / болг. измажа – измазах*; болг. *напиша – написах / макед. напише – напишав*; и в обоих языках с чередованием в корне *е~Ø, о~Ø*: *избере – избрав / избрах; исколе – исклав / исках*; г) аорист на *о/е*: *исплете – исплетов, исплете / изплетох, изплете; донесе – донесов, донесе / донесох, донесе; рече – реков, рече / рекох, рече*.

Сопоставление форм аориста в обоих языках показывает, что в македонском утрачены чередования *жс~з* и *шс~с* (как и при образовании несов. в. с суффиксом *-ва / -ува*): *покажа – покажува / показвам, потпишувам / подписвам*.

Аорист обозначает законченное или прерванное конкретное прошедшее действие и обычно употребляется от глаголов сов. в. В отличие от болгарского языка в современном литературном македонском языке аорист употребляется только от глаголов совершенного вида, хотя в текстах XIX в. иногда встречался и аорист от несов. в. Пример: совр. болг. *Тя не спа цяла ноц* / совр. лит.макед. *Таа не спиеше цела ноќ* ‘Она не спала всю ночь’.

Формы будущего в прошедшем передают темпоральное значение следования по отношению к прошедшему ориентационному моменту и образуются различно в болгарском и македонском. В македонском это частица *ќе* + имперфект знаменательного глагола (*ќе дојдев, ќе дојдеше* и т. д.), при отрицании: *немаше да* + презенс (*немаше да дојдам, немаше да дојдеи*). В болгарском будущее в прошедшем образуется имперфектом от глагола *ща* + *да* + презенс знаменательного глагола: *щях да чета, щеше да четеш, щяхме да четем* и т. д., но встречаются и формы с частицей *ще* + имперфект: *ще четях, ще четеше*; отрицательные формы *нямаше да чета, нямаше да четеш* и т. д.

Кроме значения следования по отношению к прошедшему моменту (*щях да дойда / ќе дојдев* ‘я должен был прийти, собирался прийти’), эти формы часто имеют значение неосуществившегося действия: *щях да падна / ќе паднев* ‘я чуть было не упал’.

Формы перфекта образуются с вспомогательным глаголом *сум / съм* в презенсе + причастие на *-л*. В болгарском это действительное причастие прош. времени, а в македонском – так называемая *-л-форма*, употребляющаяся лишь в составе модально-темпоральных форм. (Срвн. болг. *Него винаги намирах седнал на пейката* / макед. *Него секогаш го наоѓав седнат на клупата* ‘Его я всегда находил сидящим (севшим) на скамейке’.) В болгарском яз. в 3 л. ед. и мн. ч. у форм перфекта вспомогательный глагол обычно присутствует, а в македонском всегда опускается. В болгарском глагол *съм* – энклитика, а в македонском *сум* – проклитика. Пример на парадигму: макед. *сум дошол, си дошол, дошол, сме дошле, сте дошле, дошле* / болг. *дошъл съм, дошъл си, дошъл е, дошли сме, дошли сте, дошли са*. Выше мы упоминали, что в македонском литературном языке употребительна и другая форма перфекта – типа *имам видено, имаш видено, има видено, имаме видено, имате видено, имаат видено*.

Формы плюсквамперфекта от перфекта в обоих языках отличаются тем, что в плюсквамперфекте вспомогательный глагол употреблен в форме имперфекта: макед. *бев дошол, беше дошол, бевме дошле, бевте дошле, беа дошле*, а также: *имав дојдено, имаше дојдено, имавме дојдено, имаа дојдено*; болг. *бях дошъл, беше дошъл, беше дошъл, бяхме дошли, бяхте дошли, бяха дошли*.

В ед. ч. *-л-форма* при подлежащем жен. и ср. рода выступает с окончаниями рода: *дошла, дошло / дошла, дошло*, во мн. ч. для всех родов в макед. окончание *-е*, в болг. *-и*.

Значения перфекта в болгарском и македонском совпадают: перфект выражает состояние, результат и факт прошедшего действия, актуальный для настоящего момента. Само прошедшее действие могло быть и не наблюдавшимся говорящим, важны актуальность или результат, наличествующий в настоящий момент: *Той е дошъл / Тој дошол (= има дојдено)* ‘Он пришел (и сейчас находится здесь, и не важно, когда пришел, главное – результат в настоящий момент, о котором говорится)’. Другие примеры: болг. *От тебе досега не съм получил никакъв отговор* ‘От тебя я до сих пор не получил ника-

кого ответа'; макед. *Ti sam znaesh дека јас сум ја работел земјата* (J. Бошковски) 'Ты сам знаешь, что землю обрабатывал я'. В этих примерах выражена актуальность важного для говорящего в настоящий момент факта прошедшего действия.

Плюсквамперфект по своему значению аналогичен перфекту: выражает результат, состояние после прошедшего действия, которое совершилось / совершалось ранее прошедшего ориентационного момента. Примеры: макед. *Сирнав низ решетката, да си го видам езерото. Сонцето го беше позлатило* (И. Точко) (или – *го имаше позлатено*) 'Я взглянул сквозь решетку, чтобы увидеть озеро. От солнца оно сделалось золотым'; болг.: *Госпожа Христина имаше лоша слава... Веднъж Левски беше пренощувал у нея* (И. Вазов) 'Госпожа Христина пользовалась дурной славой... Однажды Левский переночевал у нее'. При этом можно отметить важность, актуальность факта, результата действия для настоящего момента в перфекте и уже неактуальность факта для настоящего момента в плюсквамперфекте (эта актуальность была важна для прошлого).

Перфект и плюсквамперфект относят к результативным темпоральным формам. В македонском языке наряду с формами перфекта и плюсквамперфекта в результативном значении употребительны и конструкции *сум* (или *бев*) + причастие на *-н* / *-т* с окончаниями рода и числа: *сум дојден, си дојдена, е дојдено, сме дојдени, бев дојден* и т. д. Эти конструкции могут выражать и действительный, и страдательный залог: *сум дојден, имам дојдено* 'я пришел', *Членот е развиен (= се има развиено) од показни заменки* 'Артикль (член) развился из указательных местоимений'.

К результативным формам относятся также формы будущего результативного (или будущего предварительного) и формы будущего предварительного в прошедшем. Темпоральное значение этих форм – следование результата, ориентированного на настоящий момент (будущее результативное / будущее предварительное) и на прошедший момент (будущее результативное в прошедшем / будущее предварительное в прошедшем). (Различие в терминологии связано с принятыми терминами в различных исследованиях.) Эти темпоральные результативные формы употребляются не только в темпоральном, но и в модальном значении предположения, умозаключения.

В македонском литературном языке будущее результативное выражено: *ќе* + вспомогательный глагол *има* / *нема* + причастие на *-но* / *-то*: *ќе има напишано, ќе имаме напишано*, а будущее результативное в прошедшем – *ќе имаше* / *ќе немаше напишано*; *ќе имав напишано*.

В болгарском литературном языке будущее в прошедшем образуется одинаково для несов. и сов. вида, но в двух разновидностях: а) имперфект от вспомогательного глагола *ща* + *да* + презенс или б) частица *ще* + имперфект знаменательного глагола: *щях да чета, щеше да четеш, щеше да чете, щяхме да четем, щяхте да четете, щяха да четат* или *ще четях, ще четеше, ще четеше, ще четяхме, ще четяхте, ще четяха*. Будущее предварительное в прошедшем образуется глаголом *ща* в форме имперфекта + *да* +

перфект знаменательного глагола: *щях да съм чел, щеше да си чел, щеше да е чел, щяхме да сме чели, щяхте да сте чели, щяха да са чели*. Отрицательные формы будущего в прошедшем выражены сочетанием *нямаше + да + презенс*: *нямаше да чета, нямаше да четеш* и т. д., а будущего предварительного в прошедшем – *нямаше + да + перфект знаменательного глагола*: *нямаше да съм чел, нямаше да си чел* и т. д.

В отличие от болгарского в македонском языке вместо вспомогательного глагола *щях* в сочетании с *да + презенс* или сочетания *ще + имперфект* (или перфект) знаменательного глагола эта форма выражена сочетанием *ке + имперфект* (или плюсквамперфект с *има + -но / -то*) знаменательного глагола.

Пересказывательные формы настоящего, имперфекта в обоих языках образуются глаголом *сум / съм* (отсутствует в 3 л. ед. и мн. ч.) с имперфектной формой на *-л*, в пересказе аориста – с аористной *-л*-формой. В пересказывательных формах будущего и будущего в прошедшем в македонском употребляется имперфектная *-л*-форма с частицей *ке*: *ке сум правел, ке сум направел*. В болгарском – пересказывательные формы вспомогательного глагола *ща + да + презенс* знаменательного глагола: *щял съм да правя, щял си да правиш, щял да прави, нямало да правя* и т. д.

В отличие от македонского в болгарском языке имеются также формы так называемого усиленного (т. е. недоверчивого) пересказа, где вспомогательные глаголы *съм* и *ща* употреблены в форме перфекта (формы типа *бил съм чел, бил съм четял, нямало било да чета* и т. д., *щял съм бил да чета, нямало било да чета*). В македонском специальных форм усиленного (= недоверчивого) пересказа нет, недоверчивость передается формами пересказа с недоверчивой интонацией, напр.: *Ти си стар! – Е, јас сум бил стар!* ‘Ты старый! Это я-то старый!’, *Тој не го знае тоа – Тој не го знаел тоа!* ‘Он этого не знает – Он да не знает (как бы не так)!’

При недоверчивом пересказе возможны пересказывательные формы всех темпоральных форм в обоих языках, в том числе и настоящего, и будущего.

В обоих языках транспозитивно употребляются пересказывательные формы всех времен при адмиративе – т. е. при удивлении от неожиданного для говорящего факта действия (неожиданный результат в момент речи, а иногда и в прошедший момент): макед. *Замисли сум го заборавила клучот!* / болг. *Замисли, забравила съм ключа!* ‘Ты подумай, я ключ забыла’, *Па надвор не било ладно!* / *Па навън не било хладно!* ‘Ой, а на улице-то (оказывается) не холодно!’ Адмиративное значение удивления может быть выражено и формой презенса с соответствующей интонацией: *Ами врне!* / *Ами вали!* ‘Ой, дождь идет!’

В обоих литературных языках формируется наклонение, выражающее умозаключение и предположение говорящего по поводу прошедших, настоящих или будущих событий, которые говорящий сам не наблюдал и не мог наблюдать.

В македонском используются сочетания *ке да* с различными глагольными темпоральными формами (*ке да дојде* ‘он, вероятно, придет’, *ке да е дојден* ‘вероятно, он пришел’, *ке да дојдоа* ‘они, кажется, пришли’; при предположении о

настоящем возможна также форма *ќе* + презенс (*Колку години ќе има ова момче? – Ќе има околу осемнаесет* ‘Сколько лет (будет) этому парню? – (Должно быть) около восемнадцати’). Итак, в македонском литературном языке есть формы предположительного наклонения, выражающие прошедшие, настоящие и будущие действия или их результат, о совершении которых говорящий сообщает на основании собственных умозаключений и предположений. Это наклонение имеет специфические формы *ќе да* + *verbum finitum*.

В Болгарской грамматике 1999 г. для этой модальной категории принят термин «умозаключительное наклонение» или «конклюдив», формальным показателем которого служит имперфектное причастие на *-л* в сочетании с разными формами вспомогательного глагола *сџм* (в 3 л. ед. и мн. ч. глагола связка сохраняется). На базе этой формы развилась целая система различных форм конклюдива (*пишел сџм, щял сџм да пиша / ще сџм пишел*, но также и *писал сџм, писал е*). В болгарском языке также возможны формы предположительного наклонения с мофемами *ще* + *да* (*ще да е пишел, ще да е писал*), которые в Болгарской грамматике 1999 г. трактуются как синонимы сочетаниям *трябва да* + *verbum finitum*. Такие сочетания со значением предположения функционируют и в македонском языке. Но основное значение сочетаний *трябва* / *треба* + *да* + презенс – долженствование, напр. в презенсе: *Тој треба да дојде / Тој треба да дойде* ‘Он должен прийти’, а предположительность, умозаключительность и другие модально-темпоральные значения выражаются и в этой конструкции соответствующими модально-темпоральными формами глаголов: *Тој трябвало да дойде*, *Тој треба да е дошъл / Тој требало да дојде, Тој треба да дошол* и т. п. ‘Он должен был прийти; Он, должно быть, пришел’, а также контекстом (вводными словами *вероятно / веројатно, значи* и т. п.)

В болгарском литературном языке предположительное прошедше-настоящее несouv. в. выражается имперфектной *-л*-формой *четял е* ‘он, как можно заключить, читает или читал’, предположительное будущее и будущее в прошедшем – *щял е да чете* ‘он (как можно предположить и умозаключить) будет читать (или должен был, собирался читать)’, *щял е да прочете* ‘он (предположительно, вероятно) прочтет’ или ‘должен был, собирался прочесть’. Различия в формальном выражении предположительного наклонения в болгарском и македонском, в частности, объясняются вариативностью значений перфектных форм в болгарском, что несвойственно в данном случае македонскому языку.

Условное наклонение с *бих* + *-л*-форма / частица *би* + *-л*-форма имеется в обоих языках: болг. *бих дошъл* / макед. *би дошол*. Эти формы выражают условие, желательное для говорящего: ‘Я бы пришел, потому что хотел прийти’. В значении ирреального условия употребляются также формы будущего в прошедшем и будущего предварительного в прошедшем *щях да дойда / ќе дојдев, щял сџм да дойда / ќе сум дојдел* ‘я бы пришел, собирался прийти’.

В болгарском литературном языке в последнее время возникают простые формы условного наклонения типа *ядвам* ‘я бы ел, готов есть’, *ядвах* ‘я бы (в прошлом)’. Эти формы с суф. *-вам, -авам* часто омонимичны вторичным имперфективам от многих глаголов (*купувам*, но *умирам – умиравам, вземам – вземавам*). Однако эти условные формы употребляются не во всех литературных стилях и не от всех морфологических типов глаголов.

Образование форм повелительного наклонения частично было рассмотрено выше. В утвердительных формах они одинаковы в обоих языках: *кажи!*, *кажете!*, *лежи!*, *лежете!*, *дай!* / *дај*, *дайте* / *дајте!*, *имай*, *имайте!* / *имај!*, *имајте!* В болгарском есть исключения: *яж!* *яжете!* ‘ешь! ешьте!’, *влез!* *влезте!* ‘войди! войдите!’, *излез!* *излезте!* ‘выйди! выйдите!’, *виж!* *вижете!* ‘посмотри! посмотрите!’. В македонском от этих глаголов употребляются регулярные формы: *јади!* *јадете!*, *влези!* *влезете!*, *излези!* *излезете!*, *види!* *видете!* В обоих языках глаголы сов. в. часто выражают императив конструкцией с *да*: *да дојдеш!* / *да дојдеш!* ‘Приди!, Чтобы ты пришел!’, особенно при пожелании и проклятии: *Да пукнеш!* ‘Чтоб ты лопнул!’, *Да му се не види!* ‘Чтоб ему пусто было!’ В обоих языках повеление, просьба может выражаться сочетанием *нека + да + презенс* или *да + презенс*: *нека да си оди!* / *нека да си отива!* ‘Пусть он уходит!’, *Да си одиш!* / *Да си отиваш!* ‘Уходи!’ Запрещение может быть выражено конструкцией *немој (те) / недей (те) да + презенс* во 2 л.: *Немој да си одиш!* / *Недей да си отиваш!* ‘Не уходи! Не смей уходить!’, *Немојте да си одите!* / *Недейте да си отивате!* ‘Не уходите!, Не смейте уходить!’ Запрещение продолжать действие выражается сочетанием *стига / доста + перфект*: *Доста си дрдорил!* / *Стига си дърдорил!* ‘Хватит болтать!’

В обоих языках в значении ‘иди сюда’ употребляется заимствование из греческого *Ела!* *Елате!*

Неличные глагольные формы. В македонском литературном языке есть только одно причастие – с суффиксом *-н / -т*, образуемое от любого глагола, и в зависимости от этого оно может означать как страдательный, так и действительный залог (*седнат* ‘севший’ и ‘усаженный’, *легнат* ‘легший’ и ‘уложенный’); значение настоящего или прошедшего времени зависит от вида глагола: *умрен* (от *умре*) ‘умерший’ и *умиран* (от *умира*) ‘умирающий’, *купуван* (от *купува*) ‘покупаемый’, *купен* (от *купи*) ‘купленный’, *љубен* ‘любимый’ (от *љуби*).

В болгарском языке действительное причастие прошедшего времени на *-л* от основы аориста употребляется как в составе сложных глагольных форм, так и как причастие (*Той е седнал* ‘Он сел’, *Седналият на пейката старец дълго я чакаше* (*Седнал на пейката, старецът дълго я чакаше*) ‘Севший на скамейку старик долго ее ждал’. Имперфектная форма на *-л* употребляется только в составе модально-темпоральных форм. В болгарском причастие на *-н / -т* выражает страдательность и возвратность: *роден* ‘рожденный, родившийся’, *счупен* ‘сломанный’ и ‘сломавшийся’: *Правилата, утвърдени в ези-*

ка, трябва да се изпълняват 'Правила, утвержденные (утвердившиеся) в языке, должны исполняться'. В грамматиках болгарского языка указываются и формы действительного причастия наст. вр. с суфф. *-ещ, -ащ, -ящ* от глаголов несов. в.: *говорещ, веруващ, плетящ*, но это причастие носит лишь книжный характер и употреблялось в основном в текстах XIX–XX вв. Вместо таких причастий в современном болгарском разговорном и литературном языке употребляются придаточные предложения (*който говори, който верува, който плете* 'который говорит, верит, вяжет').

В обоих литературных языках имеются формы деепричастия с суфф. *-ейки, -айки / -эјќи, -ајќи* от глаголов несов. в., означающие действие, одновременное действию, выраженному сказуемым и производимому субъектом предложения: (болг.) *Ходейки покрай реката, той винаги гледаше към другия бряг / (макед.) Одејќи покрај реката, тој секогаш гледаше кон другиот брег* 'Идя вдоль реки, он всегда смотрел в сторону другого берега'.

Глагольное существительное суффиксом *-ње / -не* от основы презенса глаголов несов. в. в обоих языках (макед. *работење, очекување, одење / болг. работене, чакане, ходене* 'процесс работы, ожидание, хождение') называет процесс действия и не имеет форм мн. числа. Прямое дополнение при этих существительных, если они образованы от переходных глаголов, может употребляться без предлога, напр. *очекување (на) гости / чакане (на) гости* 'ожидание гостей', *прибирање реколтата / прибирание реколтата* 'сбор урожая', *изразување (на) чувства / изразуване (на) чувства*. В сочетании глагольного существительного с существительным, выражающим производителем действия, предлог *на* обязателен: *пеење на птици / пеене на птици* 'пение птиц'. Таким образом, существительные с суфф. *-ње / -не* представляют глагольную форму со значением процесса действия и одновременно существительное. Определённая, эти формы образуют мн. число: *За време на јадењето тие молча / За време на яденето те мълчаха* 'Во время еды они молчали (Пока ели, они молчали)', но: *Сакам слатки јадења / Обичам сладки яденета* 'Я люблю сладкие блюда'.

Подведем итоги сопоставления болгарского и македонского языков по материалам глагольных форм и категорий.

1. Как и в других славянских языках, в болгарском и македонском развита глагольная категория совершенного и несовершенного вида.

2. Возвратные глаголы в обоих языках образуются аналитически присоединением частицы *се*. С помощью частицы *се* образуются также формы пассива, безличные формы в 3 л. ед. ч. В македонском частица *се* – проклитика, в болгарском – энклитика.

3. Одно из главных различий между болгарским и македонским состоит в том, что в македонском причастие на *-н / -т* – единственное в современном

языке, оно образуется от любого глагола и выражает как страдательное, так и действительное значения. Это причастие в македонском языке участвует и в составе многих модально-темпоральных форм. В болгарском кроме страдательного причастия на *-н / -т* есть действительное причастие на *-л* от основы аориста, употребляющееся и как причастие, и как составная часть сложных глагольных времен, причастие на *-л* от имперфектной основы употребляется лишь в составе сложных модально-темпоральных глагольных форм. В македонском аористные и имперфектные формы на *-л* употребляются лишь в сложных глагольных формах.

4. Формы настоящего времени имеют три спряжения – с тематическими *-е-, -и-, -а-*.

5. В болгарском и македонском утрачен инфинитив. Вместо него употребляется аналитическая конструкция *да + презенс*.

6. В обоих языках в изъявительном наклонении кроме настоящего и будущего времени имеются темпоральные формы аориста, имперфекта, перфекта и плюсквамперфекта, будущего предварительного и будущего в прошедшем.

7. Употребление всех модально-темпоральных форм подчинено категории эвиденциальности (пересказ / непересказ), которая свойственна балканским языкам. Формы пересказа образованы на базе перфекта с *сьм / сум + -л-*форма знаменательного глагола.

8. В обоих языках формы будущего времени и от сов. в. и от несов. в. образуются аналитически, с помощью частицы *ще / ќе*, происходящей от глагола 'хотеть', а в отрицательных формах – от глагола *няма / нема + да + презенс*.

9. Формы аориста образуются от аористных основ, происходящих от древнеславянского инфинитива. Окончания одинаковы в обоих языках, но в макед. *х → в*. Разряды в спряжении аориста в обоих языках в принципе совпадают, но в македонском утрачены некоторые чередования согласных, есть и некоторые различия гласных в окончании. Аорист употребляется обычно от глаголов сов. в. Аорист от несов. в. возможен только в болгарском языке, выражая прерванное или ограниченное временным пределом длившееся некоторое время прошедшее действие. В македонском в этих случаях употребляется имперфект несов. в.

10. Имперфект в обоих языках обычно употребляется от глаголов несов. вида; а от глаголов сов. в. – в значении многократного прошедшего действия (при этом в македонском имперфект сов. в. сопровождается частицей *ќе*), а также – от сов. и от несов. в. – в условных придаточных предложениях и в придаточных с союзом *додека / докато*.

11. Будущее в прошедшем в макед. яз. выражено сочетанием частицы *ќе* + имперфект знаменательного глагола, при отрицании – *немаше* + *да* + презенс. В болгарском будущее в прошедшем выражается имперфектом вспомогательного глагола *ща* (*щях*, *щеше* и т. д.) + *да* + презенс или *нямаше да* + презенс.

12. Формы перфекта и плюсквамперфекта в обоих языках образуются сочетанием вспомогательного глагола *сџм* / *сум* в презенсе (перфект) или в имперфекте (плюсквамперфект) + аористная *-л*-форма. В македонском кроме таких форм имеются формы с вспомогательным глаголом *има* (при отрицании – *нема*) + причастие на *-но* / *-то*, которое образуется от любого глагола. В плюсквамперфекте вспомогательный глагол *има* / *нема* стоит в имперфекте. В македонском языке результативное значение может также выражаться конструкцией со вспомогательным глаголом *сум* (или *бев*) + причастие на *-н* / *-т* с окончаниями рода и числа.

В македонском есть некоторые особенности в значениях перфекта (и плюсквамперфекта) с *сум* + *-л* и *има* + *-но* / *-то*. Формы типа *има* + *-но* / *-то* имеют объективное значение результата, а формы типа *сум* + *-л* кроме результата могут выражать и некоторые оттенки модального отношения говорящего к этому факту (результату) – предположительности, умозаключительности, сомнения. При выражении недостоверности действия с точки зрения оценки говорящего о событиях в прошедшем, настоящем, будущем времени в обоих языках употребляются формы пересказа, основанные на форме перфекта типа *сум* / *сџм* + *л*.

13. К результативным временам относятся также будущее предварительное и будущее преварительное в прошедшем. Формы этих времен в болгарском и македонском языках различаются: в македонском это частица *ќе* + вспомогательный глагол *има* / *нема* в презенсе (будущее предварительное) или в имперфекте (будущее предварительное в прошедшем) + причастие на *-но* / *-то* от знаменательного глагола; в болгарском – имперфект от вспомогательного глагола *ще* (*щях*, *щеше* и т. д.) + *да* + презенс или же частица *ще* + имперфект знаменательного глагола, отрицательные формы образованы частицей *нямаше* + *да* + презенс (будущее предварительное) или *нямаше* + *да* + перфект знаменательного глагола. (будущее предварительное в прошедшем).

14. Формы типа *ќе да* / *ще* + перфектная форма на *-л* от знаменательного глагола, а также *ќе да* + другие темпоральные формы могут выражать модальные значения предположения, возможности, умозаключения по поводу настоящих, прошедших и будущих событий. Так в обоих языках формируется предположительное наклонение.

15. В условном наклонении в болгарском языке употребляется вспомогательный глагол *бих* + *-л*-форма. В македонском этот вспомогательный глагол превратился в частицу *би*.

16. Формы повелительного наклонения образуются одинаково в обоих языках. Различия есть в сложных отрицательных конструкциях, выражающих запрещение.

17. В пересказывательных формах будущего в прошедшем, будущего предварительного в македонском употребляется частица *ќе* + *-л*-форма, в болгарском – пересказывательная форма от *цях* + *да* + презенс.

18. В болгарском есть формы так называемого усиленного пересказа, которые в македонском выражаются формами простого пересказа с недоверчивой интонацией. Транспозитивно пересказывательные формы в обоих языках могут выражать адмиратив с интонацией удивления от неожиданности результата действия.

19. В обоих языках есть деепричастия на *-ейки*, *-айки* / *-ејки*, *-ајки*, выражающие одновременность с действием глагольного сказуемого.

20. Глагольные существительные с суф. *-не* / *-ње* в ед. ч. со значением процесса действия представляют глагольную форму и в то же время существительное.

21. Как видим, система глагольных форм и категорий в болгарском и македонском похожи. От других славянских языков эти системы отличаются тем, что они сохранили многие глагольные формы (аорист, имперфект и нек. др.) и утратили формы инфинитива, а также развили семантические модально-темпоральные глагольные категории, не известные другим славянским языкам (категория эвиденциальности), темпоральные формы результатива и других времен. Главные различия между македонским и болгарским состоят в образовании глагольных форм. Например, в македонском частица *ќе* участвует во многих тех формах, где в болгарском употреблен вспомогательный глагол *ца* в имперфекте (*цях да* и нек. др.). Также, в отличие от болгарского, в македонском имеются два типа форм результативных времен (перфект I и перфект II, плюсквамперфект I, II). Кроме того, результативные значения в македонском выражаются и сочетаниями *сум* + причастие на *-н* / *-т* от любого глагола, т. е. обозначая как пассив, так и актив. В болгарском, в отличие от македонского, есть формы «усиленного» недоверчивого пересказа.

Можно сказать, что в системе глагольных форм македонский язык более аналитичен, чем болгарский.

Предлоги. Предлоги – служебная часть речи, в болгарском и македонском языках являющиеся одним из главных средств выражения синтаксических (падежных) отношений существительных и местоимений в предложении.

Кроме пространственных и временных значений в обоих языках некоторые предлоги выполняют и чисто грамматические функции, когда они указывают на принадлежность, на производителя действия в пассивных конструкциях, а также дательного дополнения адресата действия.

Предлоги в македонском и болгарском, и их значения:

в, во / в, във [въф] ‘в’;

врз / върху ‘против, на; о, об; от, с’;

до ‘до, около’, *за* ‘за, для, на, в, о’;

зад ‘за, сзади, позади’; *заради* ‘ради’;

кај, каде, кон; крај / към, край ‘к, у, возле, около’;

меѓу / между ‘между, среди’, место, наместо ‘вместо’;

на (в пространственных, временных и обстоятельственных значениях, напр.: *на масата* ‘на столе, на стол’, *на север* ‘на север, на севере’, *на гости* ‘в гости, в гостях’, *осуден на смрт / осъден на смърт* ‘приговорен к смерти’, *на шега* ‘в шутку’ (о грамматических значениях см. ниже);

над ‘над, сверх’; *низ / по, през* ‘по, через’;

од / от ‘от, из, с’ (пространственные и временные значения; о грамматических значениях см. ниже);

отаде / отвъд ‘на той стороне, с той стороны’, *околу / около* ‘вокруг, около’, *освен* ‘кроме’;

по / по, след ‘по, после; в’: *по време на војната / войната* ‘во время войны’, *по работа / след работа* ‘после работы’, *оди по работа / иде по работа* ‘идет по делу’;

под ‘под’, *поради* ‘из-за, по причине’, *пред* ‘перед’;

преку / през ‘через, сквозь; напротив; во время’: *преку прозорецот / през прозореца* ‘через окно, напротив окна’, *преку една ноќ / през една ноц* ‘во время (в течение) одной ночи’;

при ‘при, около, вместе с’;

против ‘против (враждебность)’, *спрема / спрямо* ‘к, по отношению к, в соответствии с’, *спроти / срецу* ‘против, напротив’;

с, со / с, със ‘с’: *со шум / със шум* ‘с шумом’, *со метла / с метла* ‘метлой’, *со воз / със влак* ‘на поезде, поездом’;

сосе / със ‘вместе с’, *спрема / срецу* ‘против, напротив; по сравнению с’;

според ‘в соответствии с, согласно, в зависимости’;

сред, насред, посред / всред ‘среди, посреди’;

у (кај) / у ‘у’: *еден син у (кај) мајка / един син у майка* ‘единственный сын у матери’.

В обоих языках возможны одновременное сочетание двух предлогов, напр. *до над* ‘около места, что над’, *од зад* ‘за, сзади, позади’, и словосочетания с предложным значением, напр. *без оглед на* ‘несмотря на’, *во однос на / в отношение на* ‘в отношении, относительно (чего-л., кого-л.)’.

В обоих языках предлог *на* кроме пространственных и временных значений выражает грамматические функции а) принадлежности: *покрив на куќата / покрив на кџтата* ‘крыша дома’, *член на партијата / член на партијата* ‘член (этой) партии’, б) косвенного дополнения адресата действия: *му дадов на човекот / дадох на човека* ‘я дал (этому) человеку’. В македонском прилагольное дополнение адресата всегда дублируется краткой формой личного местоимения в дат. падеже, в болгарском дублирование существительного-адресата действия возможно лишь при логическом ударении: *на този човек му дадох, на него му дадох* ‘это ему (этому человеку) я дал’.

Предлог *од / от* кроме пространственных и временных значений обозначает а) происхождение, материал, из которого сделан предмет: *Таа е од Охрид / Тя е от Охрид* ‘Она из Охрида’, *прстен од злато / пръстен от злато* ‘перстень из золота’, б) принадлежность, связанную с происхождением: *роман од И. Вазов / роман от И. Вазов* ‘роман И. Вазова’, в) в пассивных конструкциях указывает на производителя или причину действия: *изграден од добри мајстори / изграден от добри мајстори* ‘построенный хорошими мастерами’, *убиен од куришум / убит от куришум* ‘убитый пулей’; г) значения причины: *умре од болест / умря от болест* ‘он умер из-за болезни’; д) значения меры, стоимости: *банкнота од сто долари / банкнота от сто долари* ‘банкнота в сто долларов’.

Предлог *по* в обоих языках имеет много пространственных значений: *по патот / по пџтя* ‘по дороге’, *по полето* ‘по полю’, *по чело* ‘по лбу’, *отиде по вода* ‘пойти за водой’, *се разотидоа по своите работни места / разотидоха се по работните си места* ‘(они) разошлись по своим рабочим местам’, а также дистрибутивные значения: *им дадов по две задачи / дадох им по две задачи* ‘я им дал по два задания’; временные значения: *по полноќ / по полноц* ‘после полуночи’, *чита по цели ноќи / чете по цели ноци* ‘(он) читает целыми ночами’; другие значения: *учебник по литература* ‘учебник по литературе’, *по желба / по желание* ‘по желанию’, *по пижама* ‘в одной пижаме (т. е. без ничего другого)’; *прати книги по пошта / по поща* ‘послать книги по почте’ и др. значения.

Союзы. Сочинительные союзы выражают связь между членами предложения и предложениями. Соединительные союзы: *и ‘и’, на, та / и, на, та, пџк ‘и затем’, исто и / сџцо и* ‘также и’. Противительные союзы: *но, ама, ала* ‘но’; *ами* ‘но и’, *а ‘а’, а – а* ‘как только – сразу же’. Разделительные союзы: *или* ‘или’, *туку / само* ‘но, но и, только’; *меѓутоа / обаче* ‘однако, между

тем', *само што* / *само че* 'лишь только, разве что', *ем – ем* / *хем – хем* 'и – и', *ни(ту) – ни(ту)* / *ни(то) – ни(то)* 'ни – ни'.

Подчинительные союзы, а также союзные слова, в которых функционируют относительные местоимения и наречия, открывают придаточные предложения.

В болгарском относительные местоимения и наречия образуются от вопросительных присоединением морфемы *-то*: *кой – който* 'кто, который', *кога – когато* 'когда', *защо – защото* 'потому что' и др. В македонском подчинительные союзные слова могут выражаться вопросительными местоимениями и наречиями, к которым часто присоединяется *што*: *кој – којшто* 'кто, который', но *што* 'что' может выступать и самостоятельно: *Книгата која (којашто, што) ми ја дадовте е многу интересна* / *Книгата којато ми дадохте, е многу интересна* 'Книга, которую (что) вы мне дали, очень интересная'.

В обоих языках часто используется союз *да* в разных типах придаточных самостоятельно или в сочетании с предлогами: *да* 'чтобы; если', *за да* 'чтобы (цель)'; *пред да* / *преди да* 'прежде чем', *место да* / *вместо да* 'вместо того, чтобы', *макар (и) да* 'хотя', *и да* 'если даже'.

Другие подчинительные союзы и союзные слова в придаточных предложениях разного типа: (макед. / болг.):

дека / *че, дека* 'что';

оти, зашто / *защото* 'потому что';

кој, што, којшто / *кой, който* 'который';

кога / *когато* 'когда'; *дури, додека* / *докато* 'до тех пор, пока';

штом / *щом* 'как только';

без да 'без того чтобы; не + деепричастие (*без да даде, не давайки* / *не давајќи* 'не давая; без того чтобы дать)';

иако, макар што, макар да / *макар че, макар да* 'хотя и; несмотря на то что';

така што / *така че, тџй че* 'так что'.

И в болгарском, и в македонском языке подчинительный союз *да*, как и частица *да*, всегда стоит перед глаголом, поэтому часть членов придаточного предложения может ставиться впереди придаточного (*Сакам жена ти да дојде тука* / *Искам жена ти да дојде тук* 'Хочу, чтобы твоя жена пришла сюда'). В союзах, состоящих из предлога + *да*, придаточное предложение начинается с предлога как части этого подчинительного союза: *За војната да не се повтори и да се потрети, треба да се војува* / *за војната да не се повтори, треба да се војува* 'Чтобы война не повторилась второй и третий раз, нужно воевать'.

Частицы и модальные слова. Как было показано, некоторые частицы служат формообразующими морфемами (макед. *ке* / болг. *ше*, в обоих языках *би, еди, годе* и нек. др.). Семантические разряды частиц, употребляемых как самостоятельные слова:

утвердительные – *да* ‘да’, отрицательные – *не* ‘нет’, ‘не (в сочетании перед глаголом, существительным и т. п.)’, *ни, ниту / нито* ‘ни’;

вопросительные: *ли* (энклитика после лексемы, о которой спрашивается), *дали*; ‘ли’; макед. *нели* / болг. *нали* ‘не так ли?, ведь так? не правда ли?’; макед. *зар* / болг. *нима* ‘разве, неужели?’;

побудительные и оптативные – *нека / нейсе* ‘пусть так’, *да* ‘да’, *ајде! / хайде!* ‘айда!’, *дано* ‘пусть (пожелание)’;

указательные – *ете, еве / ето, ей* ‘вот’, *ене / ей, хе* ‘вон там’ (употребляются самостоятельно или в сочетании с вин. или дат. пад. личного местоимения: *Еве ти го!* ‘Вот тебе он (это)!’, *Ене / ей го село-то!* ‘Вон оно, село!’), *на!* ‘вот, на!’; вокативные (фамильярные): при обращении к мужчине: *бе, бре, абе*; к женщине: *ма, мари* (они же функционируют и как междометия). В функции частиц употребляются и некоторые другие части речи (наречия, вводные слова и словосочетания): *барем / поне* ‘по крайней мере, хотя бы’, *баш* ‘как раз, именно’, *речиси* ‘так сказать’, *божем / като че ли* ‘как будто’, *дури / дори, даже* ‘даже’, *веројатно / вероятно* ‘вероятно’, *очебијно / очевидно* ‘очевидно’, *сигурно* ‘точно, наверняка’, *за жал / за съжаление* ‘к сожалению’, *токму / таман* ‘как раз’, *односно / сиреч, тоест* ‘то есть’; *божем / сякаш* ‘как будто’ и др.

В обоих языках степени сравнения выражаются частицами *по-* и *нај-* / *най-* перед прилагательными и наречиями, напр. *повисоко* / *по-високо* ‘выше’, *највисоко* / *най-високо* ‘выше всего’, *повисок* / *по-висок* ‘выше, более высокий’, *највисок* / *най-висок* ‘самый высокий’. Эти частицы могут использоваться и с другими частями речи, а также со словосочетаниями при выражении степени интенсивности (произносятся с ударением): *пó го сакам* / *пó го обичам* ‘я его (это) больше люблю’, *пó мајстор* / *пó-мајстор* ‘более хороший мастер’, *нај мајстор* / *най-мајстор* ‘самый лучший мастер’.

Междометия в обоих языках в принципе одинаковы и различаются лишь отдельными звуками: макед. *Оф!* / болг. *Ох!* ‘Ох!’, *Ај!* / *Хай!* ‘Ну давай!’ Междометия часто употребляются как вокативные частицы при обращении *бре, брей!* / *бре, брей!* (к мужчине), *море!* (к мужчине или ребенку), *мори!* (к женщине) ‘Эй, слушай!’, *Долу!* ‘Долой!’, *Боже!* ‘Господи!’; *по ѓаволите / по дяволите!* ‘ко всем чертям!’, *ура!* ‘ура!’ и т. д.

Синтаксис. Общие сведения. В обоих языках синтаксические связи существительных и местоимений в предложении выражаются одинаково: а) подлежащее обычно стоит в начале предложения, прямое дополнение следует после сказуемого: (болг. / макед.) *Иван обича Мария / Иван ја сака Марија* ‘Иван любит Марию’ и *Мария обича Иван(а) / Марија го сака Иван* ‘Мария любит Ивана’; б) при этом в македонском прямое дополнение, выраженное личным существительным или нарицательным в определенной форме с членом, или же полной формой личного местоимения, обязательно удваивается кратким личным местоимением (*Го видов Иван, Ги видов децата, Нив ги видов*, но *Видов деца* ‘Я увидел детей’), а в болгарском – лишь при логическом ударении и обратном порядке слов (*Иван го обича Мария* ‘Ивана любит Мария’; *Мария ја обича Иван* ‘Марию любит Иван’, *Мария него го обича* ‘Мария его любит’); прямое дополнение может выражаться также беспредложным сочетанием глагольного существительного с предметным (*купување книги / купуване книги* ‘покупка книг’); в) значение принадлежности выражается сочетаниями существительных с предлогом *на* (*книга на децата* ‘книга детей’); г) значение предназначения выражается предлогом *за* (*книги за децата* ‘книги для детей’; *Купих ги за децата / Ги купив за децата* ‘Я купил их для детей’); д) приглагольное дополнение адресата в обоих языках выражается предлогом *на* (*Давам на децата книги*); при этом в македонском обязательно удвоение дополнения адресата кратким личным местоимением в дат. п. (*Им давам на децата книги* ‘Я даю детям книги’); в болгарском удвоение адресата обязательно лишь при логическом ударении (*На децата им давам книги* ‘Это детям я даю книги’); е) одинаково в обоих языках выражен агент в пассивных конструкциях – с предлогом *од / от* (*Книгата ми е подарена од мајка ми / Книгата ми е подарена от мајка ми* ‘Книга мне подарена мамой’); ж) обстоятельства выражаются сочетанием существительного (и местоимения) с предлогами (состав предлогов был дан выше).

Сказуемое выражено различными глагольными формами; в именном сказуемом обычно глагол-связка не опускается.

В болгарском и македонском языках употребляются союзы и союзные слова как в сложносочиненных, так и в сложноподчиненных предложениях. И здесь надо выделить различия между болгарским и македонским в формах относительных местоимений как союзных слов в придаточных предложениях (см. выше).

Основной вывод о синтаксической и грамматической структуре в обоих языках.

1) Можно сказать, что грамматическая структура – аналитическая, как в именах, так и в сложной системе глагольных форм и категорий. Синтаксическую структуру в этих языках можно назвать также балканской.

2) Но сами формы частей речи – имен существительных, прилагательных, местоимений и глаголов – славянского происхождения, и их в основе можно считать славянскими.

3) Лексический состав в обоих языках базируется на южнославянской основе, хотя есть и немало заимствований из соседних балканских и из других языков, а также из современных литературных славянских языков.

Общая характеристика болгарского и македонского литературных языков: они различаются между собой конкретными формами и лексемами, но сходны в грамматической и синтаксической структуре и являются южнославянскими балканскими языками.

Основная литература

Бояджиев Т., Куцаров И., Пенчев Й. Съвременен български език / Под редакцията на чл.-кор. проф. д-р Тодор Бояджиев. София, 1999.

Велковска С. Изразување на резултативноста во македонскиот стандарден јазик. Скопје, 1998.

Верижникова Е. Формите *ќе + да +* вербум финитум во македонскиот литературен јазик // Македонски јазик XLV–XLVII, 1994–1996. Скопје, 1998. С. 235–242.

Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.

Минова-Ѓуркова Л. Синтакса на македонскиот стандарден јазик. Скопје, 1994.

Усикова Р.П. Грамматика македонского литературного языка. М., 2003.

Тополинска З. Студии од македонско-бугарска јазична конфронтација. Скопје, 1996.

Сведения об авторе:

Рина Павловна Усикова,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Rina P. Usikova
Doctor of Philology
Professor
|Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Ратко Р. Марковић Риђанин

Петар Кочић и Први светски рат (са освртом на његове политичке радове и ставове)

Анстракт: Петар Кочић је свим својим бићем одређен као поборник слободе. Сви његови књижевни радови указују на тежак положај српског народа након окупације БиХ од стране Аустрије. Социјални положај сељака се није изменио, реформе су одлагане. Поред књижевног, Кочић је ангажован као политичка личност јавно иступајући и позивајући на отпор, на борбу за ослобођење и уједињење српског народа у јединствену државу.

Кључне речи: Петар Кочић, Први светски рат, политички и књижевни радови

Анотација: Писатељ Петар Кочич всегда был поборником свободы. Все его литературные сочинения раскрывают тяжелое положение сербского народа после оккупации в начале XX в Боснии и Герцеговины Австрией. Кочич участвовал в политической деятельности, выступая с открытыми призывами к сопротивлению, борьбе за освобождение и к объединению сербского народа в единое государство.

Кључеве слова: Петар Кочич, Первая мировая война, политические и литературные сочинения

Abstract: As the editor and publisher of the magazines Razvitak (Development) and Otadžbina (Fatherland), as well as author of short stories, of the play The Badger before the Court, of poems and essayistic-critical supplements, Petar Kočić was directly engaged in the raising of the morale of the Serbian people concerning its preparations for the fight and liberation. His complete political and cultural engagement was a form of an open fight against the Austrian occupying authorities, as well as against the individuals in the service of the occupier.

Kočić's works evoked the authorities' suspicion and that was why he was arrested. Kočić's entire activity and rebellion was in accordance with the Young Bosnia movement. The speeches of Petar Kočić in the Parliament of Bosnia and Herzegovina were extremely critically severe regarding the unprincipled and authoritarian attitude of Vienna toward the Serbian people, as well as regarding the Serbian layer that was subservient to the occupying authorities. Kočić founded his political beliefs upon the democratic principles that resulted from the chain of historical events, especially in regard to the influence of the French Revolution on the subsequent historical events. The relevance of these beliefs keeps increasing today considering the neocolonialist policy of the USA and London in the world and the slavery of the millions of workers on our Planet.

Key words: Petar Kočić, First World War, the political and literary works

Zusammenfassung: Petar Kocic hat mit seiner Arbeit als Chefredakteur und Herausgeber der Zeitschriften «Razvitak» und «Otadžbina», dann als Erzähler, Autor des Dramas «Jazavac pred sudom» («Dachs vor dem Gericht»), dann mit Gedichten und mit esseyistisch-kritischer Beiträge viel der Moralerhebung des serbischen Volkes und seiner Vorbereitung für den Befreiungskampf beigetragen. Sein ganzes politisches und gesellschaftliches Engagement ist eine Art des offenen Kampfes gegen die öster-

reichische Okkupationsmacht, als auch gegen die Einzelne, die sich in Dienst des Okkupators gestellt haben.

Die Arbeiten von Kocic haben bei der Regierung Zweifel hervorgerufen, und deshalb wurde er verhaftet. Die ganze Tätigkeit von Kocic war in Einklang mit der Bewegung «Mlada Bosna». Die Reden von Petar Kocic in dem Parlament von Bosnien und Herzegovina waren sehr kritisch gegen autoritäre Haltung von Wien gegen das serbische Volk, als auch gegen die Serben, die sich entgegenkommend gegen die Okkupatoren benehmen. Seine politische Einstellungen hat Kocic auf den demokratischen Prinzipien begründet, die als Produkt einer Reihe historischer Ereignisse vorkamen, und besonders in Bezug auf den Einfluss der Französischen Bürgerrevolution auf weitere historische Entwicklung. Die Aktualität solcher Einstellungen ist heute immer grösser wenn man die neukoloniale Politik der USA und London, als auch die sklavische Lage der Millionen von Arbeiter in der Welt in Rücksicht nimmt.

Schlüsselwörter: Petar Kočić, Erster Weltkrieg, die politischen und literarischen Werken

Петар Кочић (29. јун 1877. Стричићи – 27. Август 1916. Београд) је као гимназијалац испољио се као бескомпромисан борац за слободу. Његова света дужност је борба за слободу и уједињење српскога народа у јединствену државу, што ће одмах на почетку предговора Сабраним делима истаћи Велибор Глигорић. Он је имао јасан став: ослободити БиХ аустријске окупације, као и утицаја политичких првака који чине компромис са окупационим властима на штету српског сељаштва. То осећање неправде коју спроводе окупационе власти са политичким првацима, опортунистима из народа, сржна је линија његових књижевних, есејистичких и историографских радова. Услед слободарског става Кочић је избачен у Сарајеву из Гимназије, а као уредник листа Отаџбина, стално је на мети цензора и суда. Први број Отаџбине забрањен је због Кочићевог чланка Тежак¹. Кочић је у судници био дрзак рекавши да му је изрека Живела слобода, најмилија, и да би је и на вешалима поновио. Кочићев етички и слободарски дух основан је на исконским вредностима човека и његова природног права на слободу. Српски народ у БиХ није могао да се мири са заменом господара, уместо отоманске дошла је аустријска окупација и задржала многе по живот штетне уредбе, а нове су учиниле да покорност буде чвршће организована. Кочић је суочен са тешким изазовом, он одлучно улази у борбу кроз свој књижевни и политички рад, у борбу за ослобађање народа из драматично тешких окова. Та борба трајала је до краја његова живота у коме се смењују узлети и падови. Одушевљење и резигнација. Његова су осећања у крајностима услед жеље којом би да васкрсне успон државе и народа до царских висина, а са друге стране, реалност је све тврђа, немилосрдно падање и распад државе и народа. Пад на просјачки штап Кочића чини несрећним, на крају, трагичним. Окупација БиХ само је увод у егзистенцијалну драму српскога народа пред заторним силама рата. Као што је немилосрдно сечена шума из Вукова гаја, тако је сасецан срп-

¹ Глигорић, Велибор: Предговор. У: Кочић, Петар: Сабрана дела, I. Редакција и коментар Ђуро Гавела. Београд: Просвета, 1961, 8.

ски народ. Кочић прима ударце под којима народ посрће, и сам се топи у драми обезнађених.

Књижевно дело Кочића ставља у ред прворазредних писаца у потпуности везаног за судбину српског народа. Егзистенцијалну драму у БиХ у време окупације Аустро-Угарска монархија није смањила са одласком Турске. Уместо данка у крви, омладинци су одвођени у војну службу на више година, тако су многи тамо живот и окончали. Приповетка Туба основана је на причи о сиротом Благоју који умире у Грацу као редов, а изабраница Туба за успомену добија јабуку. Једна од многих љубави угашена је, а да није ни процветала.

Кочић је своју тежњу, своју жељу и наду уобличио у причу Јаблан, у којој ће народ задобити слободу кроз борбу. Дакле, судар волова, Рудоње у коме је царска снага и Јаблана у коме је снага Босне и Херцеговине и њеног народа опредељеног за борбу до ослобођења, само је израз и потврда да уметник ни једнога трена не сумња у потребу борбе и њен исход. Приповетка је објављена у Босанској вили 1902. године. Њен садржај исказује осећања и тежње младобосанске интелигенције, то је увертира у организован отпор окупаторима, а који ће резултирати конкретним акцијама све до атентата у Сарајеву 1914. године.

Приповетком Код Марканова точка¹ Кочић наставља да исказује социјалну и егзистенцијалну драму у којој живи сељак, православац у БиХ. Он потпуно зависи од милости господара, јер, односи у аграру нису измењени. Спахија је власник имања, а сељак је у потпуној зависности: Ми смо ти једни, што се каже, незаробљени робови: код куће, а без куће; код земље, а без земље; код постојбине, а без постојбине. Једино што је сигурно припадало народу, то је солдација, сиротиња и гробови. Гробови гињеника и ови попут гроба слатке душе, како је Мијо крштавао свакога свога саговорника, а сам завршио на трагу правде без радости и наде. У вечној кући названој по њему: Гроб слатке душе².

Петар Кочић је и у причи Мргуда³ која се оснива на личној драми девојке као трагедији карактера, нашао начина да искаже критички став и неподношљивост окупационе власти у БиХ, те проклете укопације. И њена судбина, одређена пламом жестоке крви и пожуде, снажно је одређена ситуацијом, и њен драги одлази из њеног живота у солдате, а она, из живота се отискује напрасно. Жест тела обара је у мистичне вирове самоубице.

---

¹ Кочић, Петар: Сабрана дела, I. Редакција и коментар Ђуро Гавела. Београд: Просвета, 1961, 89–93.

² Кочић, Петар: Сабрана дела, I. Редакција и коментар Ђуро Гавела. Београд: Просвета, 1961, 94–101.

³ Кочић, Петар: Сабрана дела, I. Редакција и коментар Ђуро Гавела. Београд: Просвета, 1961, 118–124.

Приповетка Јуре Пилиграп¹, реална је слика сеоског живота, хришћанина царске вере, што га чини радосним и агилним. Он се у народу истиче ревношћу у служби као заступник кнеза, он је тај који за све налази законито решење, и његова очекивања у новом времену, од нове власти су велика. Он се заветовао богу и цару да ће радити по параграфима закона, сам је истицао своју оданост, а све у нади да ће се домоћи улоге кнеза. У селу се пронео глас да ће Јуре бити кнез, и дође дан избора. Царски чиновник сакупи тежаке и прочита друго име. Јуре задрхта, и капа му испаде из руку, а народ незадовољан избором и наметањем кнеза од стране власти, разилази се гунђајући. Неко од тежака именованог новог кнеза, Иву Шику, карактерише подсмехом, такав је да га бог није ни мислио створити.

Најупечатљивији вид критике окупационе власти исказан је драмским радом Јазавац пред судом. Пред главату и велеважну господу Давид Штрабац изводи јазавца на суд. Јазавца који је рођен за земана ове царевине, а то се види по томе што напада туђу сиротињу. Давид поштује законе нове власти која је добром и милином умртвила народ². Поред власти као да се и природа окренула против српскога народа, магле и мећаве покривају крик беспомоћнога. Сам Петар Кочић је искусио тамнички живот у новој царевини, његов простор деловања своди се на молитву Свевишњем за снагу речи како му се душа не би од туге разгубала.

Кочић често кратким записима какав је Кмети, исказује своја осећања бола због векова који пролазе, а над Босном се мењају царевине и проклетства кметовања и робовања. Док ловци гоне звери пушкама, царске власти народ изгоне са гробова својих старих параграфима прописа силом уписиваних у кости таме и чемера осиротелих и обезнађених³.

Кочићев лирски запис у прози Слободи⁴ истовремено је усхићење и молитвени вапај божанској сили у којој је моћ слободе. У њему ври хајдучка крв предака, немира и отпора према развратној сили под велом права прикривеној бестидници, тој царевини која кужним задахом трује српску земљу. Он призива силу лепоте да сагори својим сјајем кукавице што служе својој и народној покори. Кочић призива слободу, ту боголику жену да песмом подигне народ на борбу, да свежином распе скамењену и језиву тишину велом блуднице покривену. Кочић без двојбе позива на отпор, он свесно и неустрашиво говори, његов принцип је у принципу Гаврила Принципа, дакле, борба

---

¹ Кочић, Петар: Сабрана дела, I. Редакција и коментар Ђуро Гавела. Београд: Просвета, 1961, 125–136.

² Кочић, Петар: Сабрана дела, I. Редакција и коментар Ђуро Гавела. Београд: Просвета, 1961, 177.

³ Кочић, Петар: Сабрана дела, I. Редакција и коментар Ђуро Гавела. Београд: Просвета, 1961, 436–437.

⁴ Кочић, Петар: Сабрана дела, I. Редакција и коментар Ђуро Гавела. Београд: Просвета, 1961, 438–439.

за слободу је бескомпромисна. Из тог осећања младобосанаца рађа се покрет отпора, наде и вере у победу.

Данас поједини аутори текстова уметничкога порива постављају питања смисла жртве за слободу. Има тумачења да је распадом Југославије обесмишљена и борба за ослобођење од аустријске окупације, као да је слобода једном изборена вечна. Наравно, слобода није предмет који се може дати из руке у руку, слобода је стално на провери. Данас треба поставити питање: ко је тај ко нас ослобађа слободе? Ко поништава смисао слободног понашања, слободнога начина живота и организовања појединца и друштва, дакле, народа и државе? Да ли је данас српски народ, расут у више држава и широм света, у бољој, или, пак, у тежој ситуацији од оне у време окупације? Које треба обесмишљавање сваког покрета у циљу слободнога организовања народа? Делује ли песма у прози Петра Кочића Слободи данас као занос, илузија и бесмисленост, или је, управо, њен смисао данас нешто о чему се не жели говорити ради новог поретка у свету и ширења утицаја светских центара моћи који шире под видом демократије један вид обезнађеног, ропски покорног индивидуалца који не треба ни да помисли да има излаза ка слободи? Наравно, накнадно се може сваки догађај тумачити различито, свакој жртви се може одузети смисао, слобода је добила други вид испољавања. Данас слободу поистовећују поједини интелектуалци са богатством, са самим егзистирањем у светској породици народа. Тај вид саодноса делује формално привлачним, сви смо заједно у глобалним кретањима, сви имамо исте шансе, наизглед, али, једни јачају и расту, други сиромаше и топе се. Откуда то да се дешава у таквом, привидно, једнако успостављеном окружењу, са условима и шансама сасвим истим? Наравно да су услови диктирани из центара моћи, и ни у ком случају нису исти за све народе. Стога, уметници који доводе под знак питања борбу за слободу, иду на руку поробљивачима успављујући човека и његове здраве снаге. Тиме се подупире стварање новог светског система тоталитарне власти која обесмишљава слободну вољу, а принципе слободе чини илузорним. Из тога лавиринта човек може изаћи ослањајући се на историјска искуства и на умне и духовне снаге које човек има.

Кочић је и у својим приказима побуњени човек. Он ће пропратити појаву Алексе Шантића у Српској књижевној задрузи, књ. 135, 20-то коло прилогом у листу Отаџбина, 1911, бр. 23, под насловом: Пјесме Алексе Шантића¹. У родољубивим стиховима код Шантића, и поред блажности и нежности лирике, има према Кочићу, побуне и позива на борбу. Његови стихови указују на трагичну истину саображавања са ропством, на Искарјота у нашим њивама, на ругобу која нас обезвређује. Кочић изводи закључак: народ у БиХ обезвређује феудални и колонијални поредак. Недвосмислено се намеће паралела тога и садашњег времена. То је разлог за потпуније анализе ради изналажења путева на којима ће дух слободе бити речит.

---

¹ Кочић, Петар: Сабрана дела, II. Редакција и коментар Ђуро Гавела. Београд: Просвета, 1961, 97–100.

Кочићев рад *За српски језик*¹ преузет из Босанске виле, 1913, бр. 13/14, указује на перманентно кварење српскога језика услед колонијалнога односа Аустрије према српском народу и његовом језику. Полуписмени странци пишући уџбенике српскога језика услед незнања доводе ученике у забуну, такав језик није народни, није јасан, постаје неодржив. Некада је говор Срба из БиХ био врело лепоте кроз народне умотворине на које је Вук Караџић с правом указивао, данас тај језик губи снагу услед административног утицаја и кварења. Кочић указује на дела Слободана Јовановића која потврђују став да је српски језик раскошан, на њему је могуће исказати и најсложеније умне домете. И ово је поље које данас пред нама стоји као вид посрнућа. Савремени српски језик потпуно је ослабљен услед немара државних институција и препуштања културне политике стихији.

У прилогу *Балкански рат и аустриска интервенција*² објављеном у Босанској вили 1913, бр. 13/14, Кочић указује на рад француског публицисте Андре Шерадама из часописа *Les Annales des Nationalités*, којим се разоткрива манипулација Беча статистичким подацима на штету већинског словенског становништва у царевини, као и на претензије даљег утицаја и интервенцију на Балкану с циљем да се онемогући развој словенских држава, нарочито Србије, након победа у ослободилачким ратовима.

Кочић пуном снагом, отворено иступа против окупационе власти у БиХ. Оштар критички став изнео је у уводнику *Наша прва реч у првом броју листа Отаџбина 1907. године*. Власник српског гласила *Отаџбина* у Бањој Луци је Вукосав Груберовић, одговорни уредник Васо Кондић. Ради критичких текстова често је забрањиван, а аутори и уредници су строго кажњавани. Од бр. 26 (1907) власник *Отаџбине* је Петар Кочић. Обновљено је њено излажење након прекида 1908. у Сарајеву где излази од августа 1911. до 26. јуна 1914.

Кочићев уводник из првог броја 1907. године указује на потребу заступања народног интереса једним независним гласилом каква је *Отаџбина*. Циљ излажења гласила *Отаџбина* је да се нађе лека невољама народа које долазе од апсолутистичко-полицајног система који не узима у обзир вољу народа и његов интерес. Дакле, уредништво се обавезује на борбу, на критички однос и изношење свих мана система и владе која ради противуставно у многим случајевима. Младобосански покрет у свим својим испољавањима и делатницима је на истим принципима: слобода је први циљ, потом, економске реформе и стварање демократских институција система да се у маси народној олакшају и ублаже данашње љуте социјалне биједи у свим гранама народног живота³. Посебно Кочић скреће пажњу на запарложеност у просвети и образовању, затим, тражи

¹ Кочић, Петар: *Сабрана дела*, II. Редакција и коментар Ђуро Гавела. Београд: Просвета, 1961, 101–107.

² Кочић, Петар: *Сабрана дела*, II. Редакција и коментар Ђуро Гавела. Београд: Просвета, 1961, 108–112.

³ Кочић, Петар: *Сабрана дела*, II. Редакција и коментар Ђуро Гавела. Београд: Просвета, 1961, 134.

потпуну слободу верским осећањима и аутономију у односу на државну управу. Он Босну и Херцеговину у националном смислу види као српске земље, али се залаже за пуну толеранцију према другим осећањима и припадностима другим нацијама, сматра да никоме не треба наметати национално одређење. Даље, у уводнику истиче залагање за сарадњу са Србима у другим земљама, као и за идеју Југословенске заједнице. Након забрана и кажњавања током 1907–1908. године Отаџбина креће поново са год. 1, бр. 1, 20. августа 1911. године са програмом Српског Одбора тридесет деветорице. Као и српски посланици часопис ће се залагати за самосталну управну област БиХ као историјску чињеницу и државну посебност. Од босанско-херцеговачког Сабора се очекује самостално одлучивање и поштовање воље народа.

Кочић истиче у новом уводу: О програму обновљене «Отаџбине», у првом броју 1911. године, да се обезбеди демократско одлучивање кроз одговорну владу, независност судова, једноставну администрацију, заштиту интереса појединаца од државе, слободу верског и националног живота са потпуном толеранцијом. Као посебно важна чињеница развоја је у аграрној реформи и откупу кметова. Затим, заштита домаће производње. Просвета је потреба свих слојева становништва, према одлукама Одбора. Школску наставу треба ускладити са слободоумним духом и националним интересима. Српски језик треба увести као искључиви у сва државна звања, осигуравајући првенство ћирилици¹. Даље, потребно је унапредити здравствено васпитање. Националне институције треба организовати да раде у корист општег интереса свих грађана земље БиХ. Овај програм је настао као одговор на све веће размере корупције и неодговорног односа посланика у Сабору.

У прилогу Гавро Вучковић, објављеном у часопису Развитак, бр. 1 (1910), Кочић трага за историјским чињеницама како би расветлио време и збивања у БиХ. У Цариграду је 1858. године Вучковић изабран за посланика у Собранију у име целе БиХ. Наводи да је овај Крајишник био образован, да је говорио турски, грчки, талијански и француски. Заступао је интерес православних хришћана у Турској са успехом сузбијајући грчке фанариоте. Посебан допринос дао је на развоју школства у време Осман – паше, као и изградњи путева, школа, отварању вилајетске штампарије. Дошло је до извесних побољшања у законодавној власти, нарочито у време Топал – паше и јавног рада Вучковића.

Говори у Сабору су посебан акценат у Кочићевом раду. Његови су говори песнички обојени, али са директном критиком и указивањем на недостатке законодавства, као и спровођења њиховога. У говору: Шумско сервитутно право² (4. јул 1910) Кочић истиче продужетак законодавства из времена турске управе у делу који одговара аустријској управи, док су нови закони уве-

¹ Кочић, Петар: Сабрана дела, II. Редакција и коментар Ђуро Гавела. Београд: Просвета, 1961, 154.

² Кочић, Петар: Сабрана дела, II. Редакција и коментар Ђуро Гавела. Београд: Просвета, 1961, 187–192.

дени у области за које има, опет, користи нова царевина. Продаја шума и забрана њенога коришћења сељацима доводи у питање сам опстанак сиромашних слојева народа. Дакле, природна богатства БиХ постају власништво странаца, односно, окупатора. У расправи о буџету Кочић (25. јула 1910) ставку о врховној управи сматра непотребном стога што БиХ није потребна та управа из Беча. У својим говорима Кочић је каткад саркастичан као у делу о жандармима које пореди с варварима, ширитељима неморала, а који су уједно и шпијуни. Политичке власти су биле туђинске кад су дошле, и након тридесет година су остале туђинске, наглашава Кочић. Он се користи у обраћању видом писма које је добио као посланик па га чита у Сабору. Поредићи турску власт с аустријском он чита писмо које му је упућено као посланику из народа: Кажем ти, рођено моје, могло се лијепо живкарити и деверати, а откад заступи ова проклета и црна укупација, налет је било, све нас у црно зави. Бијели некакви људи у црној одјећи и црним шкрљацима размиљеше се к'о мрави по земљи нашој и отроваше нам земљу и живот. Љетина нам поче издавати, сермија пропадати, а у људе уђе некакво проклетство и невјерлук. Царевина удари тешке намете, а владике накривише наеро камилавке и ударише у страну од народа. И вјера нам посрну. Замрзну свијет сам на се¹. Сваку појаву и предмет расправе у Сабору Кочић сагледава у односу на аустријску окупациону власт и у том светлу говори, износи проблем смело и са потпуном осудом страног утицаја уз очит позив на отпор. Он је свестан да је та ситуација привремена, стога, наступа оштро, победнички. Он верује у ослобођење и уједињење српског народа у једној држави.

На седници Сабора 24. новембра 1910. Кочић говорећи о чиновничком питању негодује, подвлачи да је положај чиновника у БиХ биједан, али је извор прихода, а то је тежак и његов положај још тежи. Са друге стране, он сматра да је чиновништво у служби колонизатора. И треће, аустријска власт и влада не држи до мишљења Сабора БиХ. На следећем заседању 16. фебруара 1911. године Кочић говори у поводу закона о обавезној основној школи. Сам Кочић је учествовао као члан Просвјетног одбора у предлогу и његовој корекцији у односу на понуђени закон од стране Владе. Чланови Просвјетног одбора су елиминисали превелик уплив власти и полиције тиме што су предложили, а Влада их је подржала у оснивању школских одбора који ће школама управљати. То је један демократски успешан корак кроз лавиринт окупационе власти.

Образложење за промене у аграрној политици Владе, Кочић подноси на седници Сабора 27. марта 1911. године са озбиљним аргументима о застарелости и тешкоћама у којима живе и раде људи у положају кметова. Застарео начин производње, велики намети и стари, турски порески систем са новим наметима онемогућавају било какво унапређење производње на плану пољопривреде и сточарства. На следећој седници 4. априла 1911. године Кочић

---

¹ Кочић, Петар: Сабрана дела, II. Редакција и коментар Ђуро Гавела. Београд: Просвета, 1961, 203.

објашњава историјски след својинских односа и обраде земљишта од Египта, Римског царства, Византије и Србије у време Немањића, па, преко доласка Османлија до Беча. Он је на становишту да постоје два система односа: аристократски и демократски. Савремени тренутак о коме говори у БиХ је нека комбинација старог и новог. Он се залаже за решавање кметскога положаја реформама система и државним откупом. У интересу земље и државе треба одмах ријешити аграрно питање, да једанпут ова земља добије мира, да стечемо стотине хиљада слободних грађана, који би били од трајне и стварне користи за земљу и отаџбину¹. У то време Хрватска народна заједница ради на решавању аграрног питања само католичког становништва путем тајног вида трговине, а јавно проповеда јединство са српским становништвом и заједничким интересом. Кочић је аргументовано заступао општи интерес становништва дајући предлоге којима би се поправило стање кроз аграрне реформе у интересу обесправљеног кмета ма које вере и нације био.

На заседању Сабора на трећој седници 16. октобра 1911. године Кочић у име своје и својих другова даје Изјаву о раду Сабора² којом позива посланике у борбу за општи интерес земље. Он износи незадовољство положаја свих посланичких клубова и Сабора БиХ који има ограничено дејство уставом. Кочић апелује на одбацивање ситних зађевица у циљу организовања борбе за проширење уставних и грађанских слобода. Након ове Изјаве наишао је на бурно поздрављање и одобравање посланика.

Сви Кочићеви иступи у Сабору били су у складу са општим интересом народа. Он је схватио неопходност борбе за потпуно ослобађање БиХ, као и потребу за савременим, демократским уређењем односа у земљи. Његови су говори стога оштро критички интонирани. Он је у складу са моралним кодексом и опредељењима побуњенога човека какав је био сваки младобосанац у то време.

Кочићева преписка обилује подацима који су значајни за потпуније сагледавање слике живота српског народа у БиХ. Писма су одраз социјалног стања у БиХ под окупацијом Аустрије, као и израза осећања и свести поробљенога народа спремнога на отпор и припрему за борбу. Спремност на жртву код Кочића је безрезервна, о томе потврду налазимо у писму његовоме Милки Вукомановић из Загреба 25. маја 1901. године у коме јој износи своја нескривено топла осећања љубави, потпуне преданости и разлаза са оцем ради ње. Даље јој предочава: Ја се данас патим и мучим са школом само да теби и себи извојујем добар положај у друштву. Али треба да и ово знаш: да ћу ја можда и по затворима и апсанама провести већи дио свог живота, јер ћемо ми сви ђаци отпочети борбу против Швабе, који гули наш народ, отима му слободу и убија срећу. Ако си на све приправна, можеш поћи за ме; ако ниси, онда је боље да ме оставиш, па са мном шта буде³. Даље у писму Кочић јој предочава могућу ситуацију у којој ће он као професор

¹ Кочић, Петар: Сабрана дела, II. Редакција и коментар Ђуро Гавела. Београд: Просвета, 1961, 273.

² Кочић, Петар: Сабрана дела, II. Редакција и коментар Ђуро Гавела. Београд: Просвета, 1961, 275–277.

филозофије бити у просјачком положају у друштву, а још већа драма је у томе, како каже у даљем тексту истога писма: Како ме болно тишти кад помислим да ће моја рођена дјеца обијати туђе прагове. Дакле, Кочић свесно иде у сусрет историјским догађајима, у борбу за ослобођење српскога народа.

Цена слободе мери се животом. Кочић без компромиса иде ка ослобођењу, његова реч делује подстицајно, отржењујуће, улива наду. У писму супрузи Милки из Црне куће бањалучке 11. новембра 1907. Кочић се правда пред њом што је у робијашници: Наш народ је тако убијен и сатрвен јадом и невољом, па је неко морао устати и подвикнути против силних зулума и неправди које се над њим непрестано чине. Тај неко у овом случају био је твој Кочо. Опрости му и заборави на своје патње, јер ћете благосиљати народ. Како живим да живим, – умријећемо и иза нас ће остати свијетла успомена да смо се жртвовали за свој народ¹.

Затворска казна коју је изражавао у Бања Луци и Тузли утицала је на Кочића и његово здравље доводећи га на ивицу опстанка, али, ништа није могло поколебати његову веру у долазак слободе. Ни у једном трену он није посумњао у сврху личне жртве за слободу народа. У садејству у борби за ослобођење и уједињење српског народа биле су са њим најистакнутије личности нашег народа као што је Јован Скерлић, Јован Цвијић, Јован Дучић, Никола Кашиковић, Павле Лагарић, Вељко Петровић, Светозар Зрнић, Осман Ћикић и други.

Писмо Светозара Милошевића из Трста упућено Кочићу у Бању Луку 24. марта 1909. године сведочи о великој забринутости за опстанак услед реалне опасности у којој се налазе српски интелектуалци у БиХ:

Драги Петре!

Опрости ми да ти по обећању не могах одмах јавити ради путовања за Солун, пошто сам, чим сам се овамо вратио, морао пратити у Венецију Алексу Шантића камо је стругнуо, те смо тамо затекли и Николу Кашиковића и Свет. Ћоровића. Они су се уклонили, јер, по њиховоме причању, за који ће се дан прогласити опсадно стање; они се сада сва тројица налазе у Венецији и станују скупа у улици коју ти на дну руком назначујем, те су ми изразили жељу да би ради били када би се и ти у њиховоме друштву нашао, па би из Венеције још лакше могао преко Турске камо желиш...²

Како се Аустрија спремала за рат против Србије, она је настојала да онемогући слободарски покрет који живи у српским интелектуалцима, а који је основа покретању народа на отпор.

³ Кочић, Петар: Сабрана дела, II. Редакција и коментар Ђуро Гавела. Београд: Просвета, 1961, 301.

¹ Кочић, Петар: Сабрана дела, II. Редакција и коментар Ђуро Гавела. Београд: Просвета, 1961, 327.

² Кочић, Петар: Сабрана дела, II. Редакција и коментар Ђуро Гавела. Београд: Просвета, 1961, 348–349.

Сви они били су окупљени осећањем идеала, а то је осећање које човеку даје божанска лепота постојања и остваривања себе делом, дакле радом свим својим бићем за човека као интегралну личност. Заслуга Кочићева је у томе што је његово књижевно дело било светлост која се видела са свих страна света, и никаква тамница није могла угасити ту топлину осећања која радосте пут којим човек пролази, човек племенита и искрена осећања какав је Кочић. У њему је слобода рођена, она је израз осећања природе која држи овај рајски свет на длану, само што има људи који нису у могућности да ту лепоту и законитост сагледају, те је узалуд нарушавају. Идеали Петра Кочића и младобосанаца нису поништени историјским збивањима, напротив, евидентно је да је слобода у савременим збивањима светост која се замагљује.

Данас кад упоредимо стање у Европи и на Балкану, у политичким и интелектуалним круговима, чини нам се да истину говоре они који тврде да су жртве за слободу биле узалудне. С једне стране, рат је однео велики број живота, унесрећио је народ са свих страна, а у Великом рату поражени су данас економски и политички доминантни, моћни, они диктирају правце развоја, тако да има и међу уметницима значајан број оних, који се колебају или тврде, да је узалудно било борити се за слободу. Можемо ли прихватити такву тврдњу као истину? Наравно да не. То је слика која је настала након новог освајачкога похода и новог неоколонијалног ширења моћних на ове просторе. Та слика само је израз онога што је свет уводило у драматичне догађаје, и, неопозиво нам потврђује да је данас свет у драматичном устројству. Промене које убрзано воде из конфликта у конфликт не оспоравају учинак борбе за слободу, оне само говоре и потврђују да се слобода не стиче као комад хлеба, она је нешто дубље и шире, она је израз духа, осећања, схватања, слобода је радост човека у човеку. Онај ко то не осећа, мири се са улогом коју му одређује неко други. Мири се са положајем који му околности дају. Величанственост и лепоту слободе осећа онај ко има дара за то и снаге да се одговорно, самосвесно, понаша и организује. Кочић је осећао божанску лепоту света и тежио је пуној слободи у своме личном животу, а циљ му је био да српски народ избори равноправан положај међу другима у свету. Идеал слободе није идеја, није мода, није идеализам, слобода је бог у човеку. Лепота без дилеме коју Кочић осветљава књижевним делом и животом.

Петар Кочић је као писац приповедачким радом достигао задивљујућу висину. За живота био је цењен и поштован од стране критике, а у народу је слављен и поштован. Био је орјентир српском народу, стога, што је његов књижевни рад био израз племенитих осећања и схватања положаја обесправљених и поробљених. Он вида ране у народу искреним речима уметника, он ставовима у политичким говорима указује шта је узрок таквом стању у БиХ и који начин је излечења од те пошасте која сатира народ и његову имовину. Јасно је да страна окупациона власт има за помоћника један слој људи међу становницима рођеним и одраслим у БиХ. Кочић је свесно био опредељен за отворену борбу, како кроз уметнички, политички, тако и сваки дру-

ги вид отпора и организовања снага српског народа у слободну и самосвојну државу. Окупационе власти, са друге стране, имале су у виду колика је снага побуњенога човека, пре свега, уметника и интелектуалца. Отуда власт предузима строге мере против свакога вида организовања, тако су хапшени због слободарских идеја и омладинци, и свештеници, и уредници, сви који су показивали знаке неслагања са погубним стањем у земљи. У првом реду окупациона власт је онемогућавала развој самосталнога школства, онемогућавала је рад културних и уметничких друштава, спутавала је српску православну цркву. У таквим условима отпор је нарастао у свести народа, како организације нису биле скоро могуће под тешким репресалијама и учесталим хапшењима, настајао је и растао покрет Млада Босна. Све већи број појединаца је спреман на бескомпромисну борбу, на личну жртву зарад ослобођења народа. У то време обесправљени су имали слободу на видику. Данас је видик иза видикове линије, а пут изласка на чистину тежи и замршенији.

Литература

Кочић, Петар. Сабрана дјела. Уредио Ника Милићевић, Тодор Крушевац. Сарајево: Свјетлост, 1951. Књ. 1–2.

Кочић, Петар. Сабрана дела. Редакција и коментар Ђуро Гавела. Београд: Просвета, 1961. Књ. 1–2.

Кочић, Петар. Сабрана дјела. Приредио Тодор Крушевац. Сарајево: Свјетлост; Београд: Просвета, 1967. Књ. 1–3.

Кочић, Петар. Сабрана дјела. Приређивачи Никола Цветковић, Ненад Новаковић. Бања Лука: Бесједа; Београд: Ars libri, 2002. Књ. 1–4.

Отаџбина: политичко-информативни лист / власник Вукосав Грубеновић; одговорни уредник Васо Кондић. Год. 1, бр. 1 (15. јуни 1907) – год. 2, бр. 10 (14. март 1908); год. 1, бр. 1 (20. август 1911) – год. 5, бр. 46 (26. јуни 1914). Бања Лука, 1907–1908; 1911–1914.

Развитак: часопис за просвјету и књижевност / власник и издавач Петар Кочић. Год. 1, бр. 1–5/6 (1. јануар – мај / јун 1910). Бања Лука, 1910.

Братић, Радослав. Кочићев аманет. Београд, Књижевност, ISSN 0023-2408, 49, књ. 104, св. 10 (1999), 1703–1704.

Vulin, Miodrag M. Kočić i bosanskohercegovački socijaldemokrati. Beleške. Ideje. ISSN 0350-6339, 18, br. 6 (1988), str. 65–78.

Голубовић, Видосава. Аустрија у српској књижевности: од Кочића до Винавера. Београд, Књижевна историја ISSN 0350-6428, 36, 122/123 (2004), 193–202.

Egerić, Miroslav. Petar Kočić je velika savest naša – u stablu nacionalnog pamćenja : slovo izgovoreno na dodeli nagrade «Kočićevo pero». Багдала. ISSN 0005-3880, 40, 438 (1998), 23–26.

Ивановић, Јован Н. Окрупњавање и презентација Кочићеве преписке. Београд, Књижевна историја, ISSN 0350-6428, 41, 139 (2009), 787–800.

Илић-Марковић, Гордана. Петар Кочић и Беч. Београд, Даница, ISSN 0354-4974, 15 (2008), 330–341.

Јелић, Војислав: Елементи драмског у Кочићевој приповеци «Кроз мећаву». Драма у српској књижевности. 1 / 25. Научни састанак слависта у Вукове дане, Београд, Нови Сад, 1–6. 9. 1995, Београд: Међународни славистички центар, 1996, 277–281.

Јовановић, Зоран Т. Сто година Кочићевог Јазавца пред судом. Београд, Даница. ISSN 0354-4974, 12 (2005), 65–71.

Љубинковић, Ненад. Непознати фолклорни записи и тамничке забелешке Петра Кочића. Београд, Књижевна историја. ISSN 0350-6428, 37, 125/126, (2005), 389–408.

Максимовић, Горан. Говор Кочићеве преписке. Нови Сад, Летопис Матице српске, ISSN 0025-5939, 180, 474, 3 (2004), 334–349.

Максимовић, Горан. Петар Кочић и Македонија. Ниш, Српски југ. ISSN 1820–3507, 1, 1 (2004), 81–89.

Сведения об авторе:

Ратко Р. Маркович Риджанин,
старший библиограф
Национальная библиотека Србии (Белград)

Ratko R. Marković Riđanin,
виши библиограф
Народна библиотека Србије (Београд)

Ratko R. Marković Riđanin,
Senior Bibliographer
National Library of Serbia (Belgrade)
ratko.markovic@nb.rs

А.А. Пауткин

Древнерусская книжность: историко-литературные альтернативы

Аннотация: Автор анализирует памятники древнерусской книжности, не соответствующие общим тенденциям развития повествовательных форм той эпохи и предлагает рассматривать их как свидетельство нереализованных потенциалов – знаки тех литературных тенденций, которые не были реализованы в силу ряда объективных и субъективных причин.

Ключевые слова: древнерусская книжность, «Поучение» Владимира Мономаха, «Слово о полку Игореве», «Моление» Даниила Заточника, «Слово о погибели Русской земли», «Повесть о Петре и Февронии», повествовательная, историческая, агиографическая литература, светский биографизм, автор и текст, элементы автобиографизма

Abstract: The author analyzes the monuments of ancient Russian bookishness that do not meet the general trends in the development of narrative forms of that epoch and treats them as illustrations of unrealized potential – manifestations of the literary trends that were not implemented due to a number of objective and subjective reasons.

Key words: Ancient Russian bookishness, «Pouchenie» Vladimira Monomakha, «Slovo o polku Igoreve», «Molenie Daniila Zatochnika», «Slovo o pogibeli Russkoj zemli», «Povest' o Petre i Fevronii», narrative, historical, hagiographic literature, secular biography, author and text, elements of autobiography

В практике преподавания древнерусской литературы при характеристике системы жанров мы обычно отмечаем целый ряд памятников, которые не встраиваются в традиционную картину развития повествовательных форм. Вне зависимости от того, придерживаемся ли мы лихачевской концепции¹ или нет, склоняемся ли к идеям Р. Пиккио о литературе Slavia Orthodoxa² или опираемся на какие-то иные модели, все равно, давая общую характеристику сохранившемуся до наших дней литературному наследию, приходится упоминать эти выдающиеся произведения. «Поучение» Владимира Мономаха,

¹ В данной статье не затрагиваются дискуссионные вопросы существования системы жанров в литературе Древней Руси. В настоящее время имеется ряд точек зрения на эту проблему, оспаривающих положения теории Д.С. Лихачева.

² См., например: Пиккио Р. Slavia Orthodoxa и Slavia Romana // Пиккио Рикардо. Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003. С. 3–82.

«Слово о полку Игореве», «Моление» Даниила Заточника, «Слово о погибели Русской земли», «Повесть о Петре и Февронии» и некоторые другие памятники заставляют медиевиста искать своеобразное оправдание с позиций соотношения с традицией, функцией в жизни средневекового общества, стилистическими топосами и т. д. При построении курса древнерусской литературы непременно отмечается, что эти яркие произведения не подходят ни под один жанровый стереотип.

Каждая встреча с таким материалом вызывает потребность обратить внимание на подобные «сбои» в проявлении того, что именуется спецификой средневековой литературы. Эти тексты нуждаются в особом толковании, встраивании в круг явлений, соответствующих «норме». Поиск различных аналогий в этом случае обязателен и методически оправдан. Произведения, воспринимаемые сегодня как некие художественные вершины, сохранились, как правило, в ограниченном количестве списков и приобрели особую влияние уже в культуре нового времени. Возможен иной взгляд на эти произведения. Что если расценить их как свидетельство нереализованных потенций, знаки литературных тенденций, не обретших свободу и продолжение, точки несостоявшегося поворота?

Что дает такой подход к изучаемому материалу и как его можно обосновать? Во-первых, подобные «мечтания о прошлом» гораздо отчетливее передают традиционные особенности средневековой книжности. Во-вторых, это одна из дополнительных возможностей уловить ускользающий литературный процесс эпохи, хотя бы немного отступить от привычной периодизации, основанной на обществоведческих и географических критериях, по-иному классифицировать хорошо известные литературные явления¹. Подобные рассуждения ограничено уместны и при компаративистических наблюдениях. Речь, конечно, идет не о подчеркивании проявлений историко-литературной случайности, а об обозначении культурных перекрестков. Под таким углом зрения отчетливее видны судьбы литературной традиции, ее пересечения и развитие при переходе из одного центра книжности в другой, а также синтез различных элементов при формировании оригинальных текстов.

Хотя историзм древнерусской литературы более чем очевиден, бессмысленно говорить в сослагательном наклонении о самих событиях, формировавших содержание тех или иных произведений и даже групп произведений. Например, что представлял бы собой борисоглебский цикл, если бы Святополк «светился братолюбием». Или как выглядели бы памятники Куликовского цикла, если бы верх одержал Мамай. Речь совершенно об ином. Нас интересуют обстоятельства собственно литературной жизни, позволяющие заметить нереализовавшееся обновление или возможности вариативности дальнейшего движения. Конечно, в определении точек бифуркации есть

¹ На рубеже XX–XXI вв. оживился интерес к проблемам периодизации древнерусской литературы. Однако в появившихся работах не было предложено какой-либо концепции, которая могла бы быть принята медиевистами в качестве универсального инструмента.

элемент субъективности, ведь фактической реализации иных векторов литературная история нам не предоставила. Объективности ради отметим, вдобавок мы оказываемся в плену аксиологических представлений нового времени, словно бы сожалея о несостоявшемся.

Семивековая ретроспекция дает объективно сложившуюся последовательность фактов литературной жизни. Между тем элемент описания нереализованных возможностей присутствует и при вполне традиционном хронологическом изложении материала. Например, когда рассуждают об отсутствии древнего жития Антония Печерского или о не получившем развития маририи – летописном известии об отце и сыне варягах, сохраненном ПВЛ под 983 г. И вообще существует множество гипотез, реконструкций, в том числе текстологических, при изучении рукописной истории того или иного памятника.

Теперь несколько слов о рациональных основаниях подобного не строго рационального взгляда. В одной из своих статей, названной «Клио на распутье», Ю.М. Лотман справедливо замечал, что «в области искусства и предсказание, и одновременное сотворение идентичных объектов – вещи практически невозможные». Это сфера, где история «предстает как огромное множество альтернатив, выбор между которыми осуществляется интеллектуальной и волевой силой человека»¹. Сказанное всецело относится к литературе нового времени. Рассуждать об иных путях литературного процесса тут просто невозможно. Иное дело – Средневековье, где архаическое творчество зиждется на традиции, каноне, прецеденте, поэтике «готового слова», а ретроспективная историческая аналогия – один из важнейших принципов культуры эпохи. Словом, закономерное тут почти не оставляет места случайному.

По справедливому определению А.М. Панченко, история литературы Древней Руси «строится всегда как история памятников, текстов, а не как набор медальонов с профилями художников»². В связи с тем, что роль авторского начала здесь ограничена, высока степень предопределенности процесса. Поэтому обозначение точек бифуркации имеет под собой некоторые основания. Однако подобная версия не может претендовать на полноту и исчерпанность, даже несмотря на то, что всякая последовательность творческих актов в средние века не личностна, а корпоративна.

Средневековое – время, прежде всего, литургическое и аграрное. Стремление к выстраиванию ретроспективных аналогий – проявление ранней стадии исторических представлений. Оно цементировало традиционность культуры. И, несмотря на то что «у христиан священными книгами являются книги исторические»³, формирование историко-литературных представлений, по крайней мере в России, происходит уже в новое время. Примерно из пятидесяти поколений наших писателей и читателей только пятнадцать в разной степени осознавали литературно-художественную эволюцию и хро-

¹ Лотман Ю.М. Клио на распутье // Наше наследие. 1988. №5. С. 3.

² Панченко А.М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. СПб., 2008. С. 386.

³ Блок Марк. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 6.

нологию. Отсутствие в Древней Руси теоретических и историко-литературных рефлексий дает дополнительные основания для поиска альтернативных тенденций.

Обозначим отдельные моменты, которые могут рассматриваться под предложенным углом зрения. Еще В.М. Истрин, рассуждая о «внутреннем влиянии византийской литературы на древнерусскую»¹, замечал: «Можно было бы ожидать, что ближайшее влияние на возникновение самостоятельных произведений окажет переводная повествовательная литература, которая... появилась очень рано, таковы, напр., “Повесть об Акире” и “Александрия”. Однако... здесь самостоятельности не проявилось... они не побудили древнерусского книжника создать из русской жизни какую-либо повесть вроде “Александрии”»².

Это же можно сказать и об «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия. Все ограничилось вольностями славянского перевода, воздействием на формирование стиля воинских повестей. Переводной трактат Георгия Хиробоска «Об образех», содержащийся в «Изборнике» Святослава 1073 г., судя по всему, не вызвал особого интереса и подражания. Лишь в XVII в. наступит черед поэтик и риторик.

Почему «Слово о Законе и Благодати» не повлекло за собой череду изысканных произведений эпидектического красноречия? Сочинение Илариона, знаменующее начало нашей литературы, по признанию самого автора, адресовано людям «преизлиха насытышимся сладости книжныя». Вот загадка сложности и смысловой, и формальной. «Слово» оказало влияние на позднейшие произведения разных жанров и регионов. Но рецепция главным образом касается самой простой и функционально ориентированной части текста. Это похвала Владимиру Святославичу. И вольнские, и московские книжники воспользовались именно этим фрагментом. Проповедники выдающегося таланта будут творить и в последующие века, однако ничего подобного не появится вплоть до петровского времени. А ведь могла сложиться интересная литературная традиция.

Каким могло бы стать историческое повествование, не прервись традиция, наметившаяся на юго-западе Руси еще на рубеже XI–XII вв. («Повесть об ослеплении Василька Теробовльского»), а затем во всей красе явленная в середине XIII в. («Летописец» Даниила Галицкого)? Возможно, продолжилось бы движение по пути светского биографизма с очевидными признаками авторской индивидуальности. Ведь северо-восток Руси закреплял совершенно иные повествовательные формы.

Говоря о «Поучении» Владимира Мономаха, обычно пытаются встроить его в мировую литературу отеческих поучений. А ведь тут кроется мощнейшая энергия будущего. Она вырвется лишь спустя много столетий. Это ав-

¹ *Истрин В.М.* Очерки истории древнерусской литературы домосковского периода (XI–XIII вв.). М., 2003. С. 35.

² Там же. С. 33.

торское произведение, содержащее элементы автобиографизма, созданное первым светским писателем; имеет место объединение текстов конкретного автора в некое «собрание сочинений» («Повесть временных лет» под 1096 г.) и т. д. Византийски образованный князь-книжник мог открыть новое направление в нашей книжности, сопоставимое с деятельностью Михаила Пселла, Михаила Атталиата, Анны Комниной и других. В этом случае по-иному выглядела бы жанровая система и соотношение литературы-дающейницы и литературы-восприемницы. Сочинения, подобные текстам князей-мемуаристов эпохи Смуты, могли появиться гораздо раньше.

«Моление» Даниила Заточника – знаковый момент в истории взаимодействия книжного и устнопоэтического начал. Удивительный синтез высокого и низового не стал основанием для дальнейшего освоения этой области словесного искусства задолго до шедевра, принадлежащего перу Ермолая – Еразма («Повесть о Петре и Февронии»).

Если обратиться к сюжетосложению, то, конечно, трудно пройти мимо Киево-Печерского патерика, дающего поразительный пример романического начала. Еще А.Н. Веселовский упоминал о «романических приемах» в переводных житиях¹. Рассказ о Моисее Угрине и его польской истязательнице, движимой страстными побуждениями, заключал в себе огромные нереализованные возможности. Неогляден разрыв во времени между этим повествованием и бытовой повестью конца XVII в. И тем не менее похождения Саввы Грудцына и Фрола Скобеева легко сближаются с сюжетом об иноке и любопытной паненке.

В свое время Д.С. Лихачев, рассуждая о профессионализме в литературе, писал: «Один из первых профессиональных писателей – это Пахомий Серб, но в дальнейшем профессионализм удерживается лишь на уровне переписчиков рукописей. Профессионализм вновь возрождается в XVII в.»². Факты, подтверждающие необычность деятельности Пахомия, приводил и Л.А. Дмитриев³. Следует упомянуть и тверского инока Фому, создавшего прижизненную похвалу князю Борису Александровичу (1453). Как бы могло выглядеть книжное сообщество, если бы авторское самосознание получило на рубеже XIV–XV вв. более отчетливое выражение?⁴ Вспомним хотя бы послание Елифания Премудрого Кириллу Тверскому. К сожалению, письмо, содержащее личный взгляд агиографа на художество, – достаточно слабое свидетельство на фоне официальной книжной практики.

¹ См.: *Веселовский А.Н.* Из истории романа и повести. Вып. I. СПб., 1886, С. 29–31.

² *Лихачев Д.С.* Прошлое – будущему: Статьи и очерки. Л., 1985. С. 179.

³ *Дмитриев Л.А.* Житийные повести русского севера как памятники литературы XIII–XVII вв. С. 264–265.

⁴ Вопрос авторского самосознания исследовала Е.Л. Конявская. См.: *Конявская Е.Л.* Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – сер. XV вв.). М., 2000.

Иначе могла бы выглядеть и «линия расширения мирового опыта литературы»⁵. На это со всей очевидностью указывают тексты «русского зарубежья» XVI–XVII вв. Ведь обличительные и нравоописательные сочинения Андрея Курбского и Григория Котошихина, созданные для европейского читателя, обладают признаками, отличными от текстов, созданных на Руси. Оказавшись на чужбине, эти авторы идут по пути создания новых форм. Иноземцы же, попавшие в Московию, напротив, практически не могли повлиять своим творчеством на русских книжных людей, прежде всего из-за профессиональных препятствий. Например, сонеты Пауля Флеминга, путешествовавшего с Адамом Олеарием и прожившего только в Новгороде около полугода, будут переведены Сумароковым лишь в 1755 г. А о трагической судьбе мистика Квирина Кульмана и его сочинений и говорить не приходится. Лихачев в связи с этим констатировал: «Все-таки опыт, который имела русская литература, был опытом ограниченных географических границ»⁶.

В приведенных рассуждениях вовсе не следует усматривать своеобразную ревность медиевиста к исследователям литературы новой или желание иметь другую историю древнерусской литературы, но, отраженная в зеркале литературы новой, древнерусская книжность становится понятней обратившемуся к ней читателю. Если история литературы не только изложение по порядку, а попытка ретроспективного объяснения связей и факторов эволюции, то форма условного наклона лишь один из способов оттенить господствовавшие на протяжении семи столетий закономерности и процессы.

Сведения об авторе:

Алексей Аркадьевич Пауткин,
докт. филол. наук.
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexey A. Pautkin,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

---

⁵ Лихачев Д.С. Прошлое – будущему. С. 192.

⁶ Там же. С. 193.

Таня Попович

Европеизм и античность в повести Гоголя «Старосветские помещики»

Аннотация: Данное исследование посвящено анализу повести Гоголя «Старосветские помещики». Здесь рассматриваются разные значения идеологии европеизма и античности в русской прозе XIX века.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, античность, европеизм

Abstract: The study primarily focuses on «Starosvetsky pomeshchiki» and discusses the problem of European ideology and antique tradition of Russian prose on XIXth century.

Key words: N.V. Gogol, F.M. Dostoevsky, ancient heritage, european idea

Повесть Гоголя «Старосветские помещики» открывается картиной идиллической жизни в малорусской провинции. Изображение семейного счастья и гармонии природы создано на почве литературной и художественной традиций («Невольно отказываешься... от всех дерзких мечтаний и незаметно переходишь всеми чувствами в неизменную буколическую жизнь»¹). Героев повести, Афанасия Ивановича и Пульхерию Ивановну Товстогубых, «двух старчиков прошедшего века», автор сравнивает с героями античного мифа – Филемоном и Бавкидой: «Если бы я был живописец и хотел изобразить на полотне Филемона и Бавкиду, я бы никогда не избрал другого оригинала, кроме их».

Итак, в начале повести отчетливо обозначены основные рамки ее художественного мира: он соткан из ткани разных исторических времен и литературных пространств. Но сама действительность в повествовании изображена неподвижно, как в живописи. Мир повести представлен извне, с точки зрения повествователя («Я отсюда вижу низенький домик с галерею из маленьких почернелых деревянных столбиков»). Картина буколической жизни является ему как бы во сне («Жизнь их скромных владельцев так тиха, так тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желания и неспо-

---

¹ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 7 т. Т. 2. М., 1978. С. 33. В дальнейшем повести, вошедшие в сборник «Миргород», цитируются по этому изданию.

койные порождения злого духа, возмущающие мир, вовсе не существуют и ты их видел только в блестящем, сверкающем сновидении»), или как воспоминание о прошлом («Их лица мне представляются и теперь иногда в шуме и толпе среди модных фраков, и тогда вдруг на меня находит полусон и мерещится былое»). Повествовательный дискурс совсем не реалистичен. Здесь речь идет о мнимой действительности, созданной на почве традиционных, исторических и мифологических представлений. Внешний мир старосветских помещиков преобразен внутренними впечатлениями повествователя, представлен с особой, идеологической точки зрения. Именно с этой позиции вводится читатель во внутреннюю картину повести, которая, в свою очередь, насыщена значениями, одновременно заимствованными как из античного мифа, так из русского, т. е. из общеевропейского прошлого.

Для лучшего понимания миросозерцания, воплощенного в повести, надо вспомнить содержание предания о Филемоне и Бавкиде, с которыми сравниваются Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна. Судьба древних супругов, происходящих из города Тианы во Фригии, представлена в Метаморфозах Овидия. Однажды Зевс и Гермес под видом обычных путников посетили Фригию и напрасно стучались в двери многих домов, ища приюта, – всюду им отказывали. Лишь в маленькой, покрытой соломой хижине, где жили старые Филемон и Бавкида, им оказали радушный прием. Чтобы получше накормить гостей, старики решили пожертвовать даже своим единственным гусем; убегая от Бавкиды, птица бросилась к ногам Зевса, который не разрешил ее зарезать. К удивлению хозяев, количество еды на столе стало само по себе увеличиваться. В ответ на их испуг, Зевс открыл старикам, кто он и его спутник, и приказал следовать за собой на вершину горы, поднявшись на которую те увидели, что хижина их превратилась в величественный храм, а местность покрылась водой, скрыв все дома вокруг. Зевс позволил Филемону и Бавкиде загадать любое желание, пообещав его исполнить – старики пожелали до конца своих дней служить жрецом и жрицей в храме Зевса и умереть одновременно, чтобы ни одному из них не пришлось жить без другого. Громовержец исполнил их желание: после долгой жизни Филемон и Бавкида превратились в деревья, растущие из одного корня.

Если мы сравним фабулу античного мифа с фабулой гоголевской повести, заметим что они похожи. Герои «Старосветских помещиков» – пожилые, гостеприимные люди, очень преданные друг другу. Дом их отличается изобилием, а сад – богатыми дарами плодоносящих деревьев, как в любом ландшафте, характерном для идиллического жанра (идиллии, буколики, эклоги, пасторали). Но развертывание сюжета у Гоголя шло по другому сценарию. В отличие от стариков из древнего предания, Пульхерии Ивановне и Афанасию Ивановичу не удалось умереть в один день. Первой покинула этот мир Пульхерия Ивановна, а через пять лет упокоился и Афанасий Иванович. По его собственному желанию его похоронили «возле церкви, близ могилы»

супруги¹. После смерти «старосветских помещиков» изменилась вся жизнь: хотя «все было по-прежнему», повествователь «заметил во всем какой-то странный беспорядок». «Домик барский уже сделался вовсе пуст», а окончательное разрушение спокойной, счастливой и гармоничной жизни обозначено появлением «дальнего родственника», наследника, «страшного реформатора», который приехал «неизвестно откуда».

Таким образом, первая буколическая часть повести к концу превращается в свою противоположность: вместо богатства там – пустота, изобилие домашней пищи сменили «разные большие произведения, продающиеся оптом» на ярмарках; некогда уютный домик и окружающие его избы сейчас «развалились вовсе». Новый хозяин «решился... ввести во всем порядок. Накупил шесть прекрасных английских серпов, приколотил к каждой избе особенный номер и, наконец, так хорошо распорядился, что имение через шесть месяцев взято было в опеку». А он удалился из имения и «приезжал очень редко в свою деревню и проживал недолго».

Как уже сказано, начало повести во всем соответствует законам буколики. Покой ее жителей и гармония природы перенесены в древние времена. Кроме того, описание прошедшей жизни дается статично, как будто речь идет о застывшей картине. Рассказчик даже говорит о себе как о живописце, а о семейном счастье Пульхерии Ивановны и Афанасия Ивановича как о художественном произведении, перенесенном на полотно. Потому и фон повествования выглядит древним и неподвижным, причем в нем соединились античное (общеевропейское) прошлое с русской стариной. В противоположность этому в конце повести изображено разрушение первоначального идиллического мира, как европейского, так и русского. Признаками, а можно добавить, и причинами уничтожения общечеловеческого счастья и доброты явились чужие вещи («английский серп», произведения, продававшиеся на ярмарках), чуждые повествованию персонажи, как наследник-реформатор, и даже животные (кошка Пульхерии Ивановны) – все приходящее извне, находящееся вне рамок этого неподвижного, ограниченного мира. Возникает вопрос: откуда они взялись и почему расстроили гармоничную жизнь?

Рассказчик намекает на это в конце повести, прежде всего в «портрете» нового хозяина старого поместья. «Страшный реформатор» появился «неизвестно откуда», как бы из дикого мира, равно как и кошка Пульхерии Ивановны. Если начало «печального события», изменившего «навсегда жизнь этого мирного уголка», обозначено возвращением домашней кошки из «дикого, мрачного леса», то окончательное разрушение буколической жизни намечено реформами «какого-то дальнего родственника». И наследник, и кош-

---

¹ Ср. замечание И.А. Есаулова: «Православная церковь и становится в данном произведении для героев таким духовным пространством, которое и посмертно соединяет героев; для овидиевских Филемона и Бавкиды, превращенных в деревья, подобную функцию имел общий корень» (Есаулов И.А. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения: «Миргород» Н.В. Гоголя. М., 1995. С. 53).

ка являются персонажами, которые проникли в буколическую жизнь из чужого мира. В первом случае этот мир изображен как мрачный, дикий лес, во втором – как чужой город, в котором наследник имения служил прежде поручиком, «не помню в каком полку». Кроме того, несколько раз в повести упоминается, что оба они, и домашняя кошка и наследник-реформатор, «привыкли к цивилизации». Таким образом, они противопоставлены не только прежним обитателям старосветского поместья, но и настоящим «диким» существам. Говоря о лесе за садом помещиков, рассказчик знакомит читателя с его обитателями:

В этом лесу обитали дикие коты. Лесных диких котов не должно смешивать с теми удалцами, которые бегают по крышам домов. Находясь в городах, они, несмотря на крутой нрав свой, гораздо более цивилизованы, нежели обитатели лесов. Это, напротив того, большею частию народ мрачный и дикий; они всегда ходят тощие, худые, мяукают грубым, необработанным голосом. Они подрываются иногда подземным ходом под самые амбары и крадут сало, являются даже в самой кухне, прыгнувши внезапно в растворенное окно, когда заметят, что повар пошел в бурьян. Вообще никакие благородные чувства им не известны; они живут хищничеством и душат маленьких воробьев в самых их гнездах.

Отсюда следует, что причиной уничтожения буколической жизни, которая является олицетворением первоначального человеческого счастливого и гармоничного мира, был не «народ мрачный и дикий», а те, что «гораздо более цивилизованы». Замечательно, что «цивилизованные» существа остались без отчетливых признаков – повествователь говорит только о том, что они пришли из «неизвестного» пространства (города / полка), а перемены, которые они вносят в «барский домик», приходят из «дикого леса» или из Англии (ср. «английские серпы» и «номера, приколотенные к каждой избе»).

В повести «Старосветские помещики», как и в других произведениях Гоголя, каждая мелочь таит в себе множество различных значений. Многие исследователи его творчества указывали, что гоголевское художественное пространство, как правило, подразумевает существование двух миров – реального и потустороннего. Поэтому важно отметить, какими признаками наделен каждый из миров, проникнуть в их нравственный и идеологический смысл. Повествование у Гоголя часто похоже на театральную постановку, причем персонажи, аксессуары и другие подробности сопряжены в каждой отдельной сцене с определенными смысловыми тенденциями. Именно с этой точки зрения упоминания «цивилизации», «ярмарки», «реформы», или «крыши с английским серпом» в конце произведения можно толковать не только как описание атмосферы новой, современной жизни, но и как авторские комментарии и интертекстуальный диалог. Гоголевским прототекстом в начале повести был античный сюжет (овидиевский миф о Филемоне и Бавкиде), равно

как и античный жанр (идиллия); в конце повести метатекстом стали некоторые идеи, характерные для современной ему общественной мысли.

Повесть сначала преобразуется по формальным и семантическим законам идиллии. Возрождение античного жанра, однако, осуществляется не с помощью повествовательных приемов, а благодаря приемам изобразительного и театрального искусства. Таким образом, один и тот же сюжет воплощен средствами разных искусств. Как утверждает Ю. Лотман, «пространство в художественном произведении моделирует разные связи картины мира: временные, социальные, этические. Это происходит потому, что в той или иной модели мира категория пространства сложно слита с теми или иными понятиями, существующими в нашей картине мира как отдельные или противоположные»¹. Поэтому для лучшего понимания художественного мира повести «Старосветские помещики» важно обратить внимание на то, что изображение ее действительности, хотя и представлено в литературном жанре, оформлено по законам изобразительного искусства. Такое живописное изображение потом превращается в повествование, что, несомненно, сделано с определенными идеологическими претензиями. Если диалог с античной традицией с помощью идиллии оказался положительным, то диалог со «страшными реформами», приходящими «неизвестно откуда», который получил форму мелодрамы, превратился в своеобразную полемику с современными культурными тенденциями.

Гоголь остановился на отрицательном представлении влияния новой цивилизации без подробных комментариев. Как и в конце первого тома «Мертвых душ», где вопрос о том, куда мимо других народов и государств «летит Русь», – остался без ответа, так и в «Старосветских помещиках» финал остается открытым. Он, по крайней мере, оставляет вопросы, как надо истолковать связь с античным наследием, где корни европейской, а также и русской культуры.

Гоголю не удалось подробно ответить на этот вопрос, но он своим творчеством оказал влияние на дальнейшее рассмотрение подобных проблем в русской прозе XIX в. Так, например, у Ф.М. Достоевского, творчество которого опиралось, в частности, на гоголевское наследие, можно заметить продолжение такого рода полемики с современными искажениями древней европейской цивилизации. Более того, в романе «Подросток» мы также находим живописное изображение буколической жизни, или «золотого века», – повествовательное развертывание сюжета дрезденской картины Клода Лоррена на тему античного мифа об Ацисе и Галатее. Речь идет о сне Андрея Петровича Версилового, о котором он рассказывает своему внебрачному сыну Аркадию. Добавим, что такой же сон приснился и «смешному человеку» (в повести «Сон смешного человека»), и Ставрогину (в романе «Бесы»), но его смысл в данных произведениях несколько иной, чем в версиловском сновидении.

---

¹ Лотман Ю.М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 252.

Версилов эмигрировал в Европу, как он сам свидетельствует, «от внезапной тоски»¹. И ему там приснился золотой век, «но не как картина, а как будто какая-то быль».

Я, впрочем, не знаю, что мне именно снилось: точно так, как и в картине, – уголок Греческого архипелага, причем и время как бы перешло за три тысячи лет назад; голубые, ласковые волны, острова и скалы, цветущее побережье, волшебная панорама вдаль, заходящее зовущее солнце – словами не передашь. Тут запомнило свою колыбель европейское человечество, и мысль о том как бы наполнила и мою душу родною любовью. Здесь был земной рай человечества: боги сходили с небес и рождались с людьми... О, тут жили прекрасные люди! Они вставали и засыпали счастливые и невинные; луга и рощи наполнялись их песнями и веселыми криками; великий избыток непочатых сил уходил в любовь и в простодушную радость. Солнце обливало их теплом и светом, радуясь на своих прекрасных детей... Чудный сон, высокое заблуждение человечества! Золотой век – мечта самая невероятная из всех, какие были, но за которую люди отдавали всю жизнь свою и все свои силы, для которой умирали и убивались пророки, без которой народы не хотят жить и не могут даже и умереть! И все это ощущение я как будто прожил в этом сне; скалы, и море, и косые лучи заходящего солнца – все это я как будто еще видел, когда проснулся и раскрыл глаза, буквально омооченные слезами. Помню, что я был рад. Ощущение счастья, мне еще неизвестного, прошло сквозь сердце мое, даже до боли; это была всечеловеческая любовь. Был уже полный вечер; в окно моей маленькой комнаты, сквозь зелень стоявших на окне цветов, прорывался пук косых лучей и обливал меня светом. И вот, друг мой, и вот – это заходящее солнце первого дня европейского человечества, которое я видел во сне моем, обратилось для меня тотчас, как я проснулся, наяву, в заходящее солнце последнего дня европейского человечества!

Версилов в конце отмечает, что он, «как русский, был тогда в Европе единственным европейцем». И потом подчеркивает, что говорит не только про себя, а про всю русскую мысль.

Если сравнить данный отрывок романа «Подросток» с повестью «Старо-светские помещики», можно заметить, что изображение первоначальных счастья и гармонии Европы, вместе с их разрушением в современном мире, напоминают друг друга. Достоевский пользовался теми же самыми приемами повествования, как и Гоголь: один и тот же сюжет воплощен средствами разных искусств. Аллегория идиллической любви представлена в форме живописи, так как Версилову приснился золотой век, «но не как картина, а как будто какая-то быль». И персонажи Достоевского, как и персонажи Гоголя, получили античные имена с определенным смыслом – Пульхерия (в ла-

---

¹ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 16. С. 378. В дальнейшем текст «Подростка» цитируется по этому изданию.

тинском – прекрасная), Афанасий (в греческом – бессмертный); имя сына Версилова – Аркадий – указывает на ландшафт идиллии, т. е. на Аркадию, древнегреческую страну счастливой жизни, беззаботности и радости. Кроме того, имя Аркадий намекает и на тургеневского героя, Аркадия Кирсанова, тем более что Достоевский в романе затрагивает проблему «отцов и детей». Старому русскому европейцу, дворянину Версилу, писатель противопоставляет его сына Аркадия, характер которого испортило «образование» нового типа, и его личность формируется под влиянием алчности, жажды наживы и разврата. На другом полюсе этого мира стоит Макар Долгорукий, формальный отец Аркадия, который для автора становится символом понимания народной правды и идеи нравственного «благообразия». Итак, персонажи Достоевского в повествовательном мире расположены таким же способом, как и персонажи гоголевской повести: они разделены на древних, добрых, домашних – и новых, чужих, испорченных новой цивилизацией.

В повести «Старосветские помещики» тоже противопоставляются два искусства, два поколения, два времени и два пространства. В оформлении такого художественного мира Гоголь, а позже и Достоевский, пользуются аллегорией «золотога века», которая читателя уводит в общеевропейскую древность.

Таким образом, идеологии «Старосветских помещиков» и сновидения Версилова из романа «Подросток» связаны, с одной стороны, с традиционными мифологическими картинками из античности, а с другой – с пониманием новой цивилизации и европеизма в русской мысли XIX в. Начало человеческой истории, ее процесс в Западной Европе и России были общие, но их цивилизации и развитие культуры оказались неодинаковыми. С исторической точки зрения русская традиция для Гоголя и для Достоевского этически и эстетически ближе подходит к античному наследию, чем западноевропейская цивилизация.

Сведения об авторе:

Таня Попович,
докт. филол. наук
профессор

Филологический факультет в Белграде
кафедра мировой литературы и теории литературы,
читает лекции о европейском романе XIX столетия
и по истории всемирной литературы,
ред. журналов Књижевна историја,
Зборник Матице српске за славистику,
Poznańskie Studia Slawistyczne, Филолошки преглед.
Автор книг: Формалисты о Пушкине (Белград, 1994),
Динамика традиции (Pisa, 1996; на рус. яз.),
Сербская романтическая поэма (Белград, 1999),
Словарь литературоведческих терминов (Белград, 2007, 2010),
Этюды о сравнительном литературоведении (Белград, 2007),
Поэма или современный эпос (Белград, 2010),
Поэты и поклонники (Белград, 2010),

Стратегији повествовања (Белград, 2011)
(Белград, Србија)
Тања Поповић,
Doctor of Philology
Professor
Faculty of Philology in Belgrade
Department of World Literature and Theory of Literature,
reads lectures on the European novel of XIX century
and on the history of world literature,
editor of journals:
Knizhevna istoria, Zbornik Matitse serpske za slavistiku,
Poznanske Studia Slavistishe, Filoloshki pregled.
author of books:
Formalisty o Pushkine (Belgrade, 1994),
Dinamika traditsii (Pisa, 1996; in Russian. lang.),
Serbskaja romanticheskaja poema (Belgrade, 1999),
Slovar' literaturovedcheskikh terminov (Beograd, 2007, 2010)
Etjudy o sravnitel'nom literaturivedenii (Belgrade, 2007),
Poema ili sovremenyj epos (Belgrade, 2010),
Poety i poklonniki (Belgrade, 2010),
Strategii povestvovanija (Belgrade, 2011),
(Belgrade, Serbia)

А.А. Холиков

**Значимое отсутствие
в «Автобиографической заметке» Д.С. Мережковского:
из опыта реального комментария
к «Полному собранию сочинений» (1914)**

Аннотация: В статье реконструируются события и лица эмпирической действительности, которые преломились в произведениях, составивших второе прижизненное «Полное собрание сочинений» (1914) Д.С. Мережковского, но при этом не вошли в «Автобиографическую заметку» (1913), размещенную в конце последнего тома издания. Между тем, согласно концепции исследователя, сведения, представленные в ней, можно трактовать как источник и контекст всего собрания сочинений.

Ключевые слова: русская литература, Д.С. Мережковский, автобиография, реальный комментарий

Abstract: The article deals with reconstructs of the events and persons of empirical reality refracted in the works that made up the second «Complete Works» (1914) published during the life of D.S. Merezhkovsky, which were not included in the «Autobiographical Notes» (1913), placed in last volume of this edition. Meanwhile, according to the concept of the researcher, the given data may be regarded as the source and context of the entire collected works.

Key words: Russian literature, D.S. Merezhkovsky, autobiography, real commentary

Изначально «Автобиографическая заметка» Д.С. Мережковского предназначалась для издания «Русская литература XX века (1890–1910)» (под ред. С.А. Венгерова), но впервые была опубликована в газете «Русское слово» (1913. №65. 19 марта). В этом поступке прежде всего сказался практицизм Мережковского, который сотрудничал в «Русском слове» и получал за свои публикации неплохой гонорар. Однако в результате случилось непредвиденное. Из письма Мережковского к Ф.И. Благову от 26 марта (7 апреля) 1913 г. узнаем: «Я поставил условием и Вам это сообщил, конечно, В.А. Руманов, чтобы “Автоб<и>ографическая> Заметка” пошла не очередным фельетоном за моею подписью, а в виде сообщения от редакции и с оговоркой, что это биография для книги Венгерова. А так вышло неприлично, нескромно в высшей степени. И даже просто смешно. Меня за это

будут ругать. А мне и без того достаточно ругани»¹. Расхождения между газетной публикацией и текстом, вошедшим в «Русскую литературу XX века (1890–1910)», незначительны и обусловлены, судя по всему, редакторской правкой Венгерова. При этом в составе второго прижизненного «Полного собрания сочинений» (1914, далее – ППСС-2) Мережковского воспроизведен вариант из «Русского слова». К счастью, сохранилась еще и рукопись «Автобиографической заметки» (РО ИРЛИ. Ф. 177. № 24384; датирована автором «Ментона. Февраль 1913 г.»), по которой видно, что Мережковский особое внимание уделял синтаксическим конструкциям и подбору слов. Писатель явно стремился к лаконичности, однако не все сокращения принадлежат ему. Заключительный фрагмент изъят цензурой. «Автобиографическая заметка» более чем органично смотрится в конце XXIV тома, заключающего ППСС-2. Сведения, представленные в ней, можно воспринимать как источник и контекст всего собрания². Однако не менее важно, на наш взгляд, кратко остановиться на некоторых событиях и лицах эмпирической действительности, которые не вошли в «Автобиографическую заметку», но преломились в произведениях, составивших ППСС-2.

***

Прежде всего, это запечатленные в «Старинных октавах» образы братьев, с которыми, за исключением Константина, у Мережковского не было близких отношений: будущий биолог Сергей Сергеевич (1863–1930; «С Сергеем мы ходили в тот же класс. / Напоминая бойкую лисичку, / Зрачки зеленоватых быстрых глаз / Лукаво щурить он имел привычку; / Лицо в веснушках помню, как сейчас, / Пронырливый и острый носик, кличку / Всему давал он метко: был актер / И дипломат, насмешлив и хитер»³), будущий мировой посредник Александр Сергеевич (1862– ?; «А неуклюжий Саша, молчаливый, / С лицом румяным и тупым, в очках. – / Как медвежонок, дикий и ленивый; / В монахи собирался он, в делах / Земных не видя толку; горделивый / Тот замысел погиб и стал монах – / Немало в жизни всяких превращений – / Чиновником особых поручений»⁴), будущий надворный советник Николай Сергеевич (1860– ?; «Благоразумен, важен, как старик, / Был Коля гимназистом идеальным; / Премудрость всех учебников постиг. / С лицом худым, бескровным и печальным, / Питая страсть, как первый ученик, / К пятеркам с плюсом и листам похвальным, / Смиряться он умел, терпеть и ждать / И всякому начальству угождать»⁵). Не останавливается Мережковский и на членах семьи Гиппиус (бабушка, тетя, сестры Наталья и Татьяна, мать, няня), которые

¹НИОР РГБ. Ф. 259. К. 17. Ед. хр. 12. Л. 8–9.

²См.: *Холиков А.А.* Прижизненное полное собрание сочинений Дмитрия Мережковского: Текстология, история литературы, поэтика. М.; СПб., 2014.

³Мережковский Д.С. Старинные октавы // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 24. М., 1914. С. 44.

⁴Там же.

⁵Там же.

стали героями поэмы «Семейная идиллия», описывающей лето 1890 г., проведенное вместе на даче в Дубровицах.

В стороне остается несколько романтических увлечений, к которым Мережковский имел склонность с отроческих лет. В «Старинных октавах» поэт вспоминает первую любовь сразу к двум девушкам («елагинской фее» и «прачке Лене» – их прототипы нам неизвестны), которая, видимо, должна символизировать душевную раздвоенность автора и отсылать читателя к волновавшей писателя дихотомии плоти и духа. Таким образом, Мережковский через творчество выстраивает собственную жизнь, закладывая координаты судьбы в раннем возрасте: «Уже тогда, с младенческих времен, / Лукавым духом, Янусом двуликим, / Неопытный мой ум был соблазнен, / И с этих пор я с ужасом великим / Всю жизнь внимал, как с Богом спорит бес, / Дух грешной плоти с ангелом небес»¹.

Юношеским увлечением баронессой Варварой Ивановной Иксуль фон Гильдебрант, урожд. Лутковской (1850–1928), в салоне которой Мережковский появился будучи студентом, навеяны стихотворения: «С потухшим факелом мой гений отлетает...» (1886), «Когда безмолвные светила над землей...» (1886), «Покоря, забвенья!.. Уснуть, позабыть...» (1887), «В путь, скорее в далекий, неведомый путь!..» (1886), «Признание» (1886), «Мы идем по цветущей дороге...» (1886), «Ты читала ль преданья, как жгли христиан...» (1886), «О дитя, живое сердце...» (1886), «По дебрям усталый брожу я в тоске...» (1886), «Не думала ли ты, что, бледный и безмолвный...» (1886), «Давно ль желанный мир я звал к себе, тоскуя...» (1886), «Ищи во мне не радости мгновенной...» (1886). Почти все эти тексты вошли в ППСС-2. Ольге Дмитриевне Ниловой, загадочной, но вполне реальной фигуре, посвящено в журнальном варианте стихотворение «Леда» (1895). Вероятно, правы те, кто считает, что ответные письма Ниловой (которые не сохранились) за подписью «Снежная Королева» с восторженными откликами на стихотворения Мережковского – мистификация Гиппиус, которая таким образом восполняла супругу нехватку читательской любви. Как бы то ни было, но письма к Ниловой Мережковского и Гиппиус сохранились. В одном из них читаем: «Я приду к вам сегодня немного раньше девяти. Вы еще не устали от Д<митрия> С<ергееви>ча, видно, если хотите его писем к Сн<ежной> К<оролеве>. Но я думаю так: принести вам письма – значит смеяться вдвоем над обманутым общим другом. Как бы то ни было – он писал их Снежной Королеве, и Сн<ежная> Королева, кто бы она ни оказалась, не должна показывать их никому. Ведь вы сами против дружбы двух – и одного. А мы с вами злоупотребим нашей дружбой против Дм<итрия> С<ергееви>ча, если станем вместе читать эти письма. Я не знаю писем, которые он вам пишет – и даже осудила бы вас в душе невольно, если бы вы их стали показывать третьему другу – хотя бы мне»². По мнению К.А. Кумпан, именно Ниловой посвящен весь третий поэтический сборник

¹Там же. С. 65.

²НИОР РГБ. Ф. 178. К. 9836. Ед. хр. 4. Л. 1–2.

Мережковского¹. К числу ее же предположений относится возможность посвящения стихотворений «Люблю или нет, – легка мне безнадежность...» (1910) и «Ты ушла, но поздно...» (в журнальной публикации с датой – 1907), следующих в ПСС-2 друг за другом, Марии Николаевне Деревицкой², названной в мемуарах Гиппиус «Марусей», знакомство с которой «имело для Д.С. большое значение и оставило след на всю его жизнь»³.

Умолчав о раннем интересе к поэзии Лермонтова и сознательно дистанцировавшись от декадентства, Мережковский ни слова не говорит и о Ницше, об увлечении которым можно судить не только по сборнику «Новые стихотворения» и романам «Смерть богов (Юлиан Отступник)», «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)», но и по признанию самого писателя: «Ницше ведь тоже – и уж это мы знаем по опыту нашего собственного сердца и разума – вышел из жизни и входит в жизнь»⁴. Более того, Мережковский, согласно мнению ученых, «был среди первых и самых энергичных популяризаторов Ницше в России»⁵, однако вскоре преодолел это «искушение» и, скорее всего, не хотел о нем вспоминать («Да и как бы я мог, – недоумевал писатель в 1902 г., – признавая учение Христово за абсолютную истину, сочувствовать нитцшеанству?»⁶), хотя «элементы ницшевской мысли прочно укоренились в его сознании»⁷.

Точно так же Мережковский не стал упоминать имени Акима Львовича Волынского (1861–1926), при поддержке которого на страницах «Северного вестника» в 1895 г. появился «Отверженный» («Юлиан Отступник») – первый символистский роман, привлечший колоссальное внимание читателей. Возможно,

¹См.: *Кумпан К.А.* Д.С. Мережковский-поэт (у истоков «нового религиозного сознания») // Мережковский Д.С. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 70.

²Там же. С. 893.

³*Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Гиппиус З.* Ничего не боюсь. М., 2004. С. 139. Ср. с признанием самого Мережковского в письме к О.А. Флоренской от 1910 г.: «Я хотел бы Вам один мой сон описать, как я был влюблен в Марусю. Маруся эта живая девушка – я в прошлом году в Париже был в нее действительно влюблен – она вышла замуж, хотя любила, т. е. люблена была в меня по-настоящему. Так вышло, случилось. И я в этом виноват. Я уверен, что она и теперь меня любит, т. е. полюбила бы, если бы со мной была. И вот она вдруг приснилась мне – звала меня, упрекала, и я понял во сне, как я перед ней виноват. И тяжело было. Особенно тяжело, когда поправить нельзя...» (*Шутова Т.* «Да будут совершены воедино...»: Переписка Мережковских с О. Флоренской // *Новый журн.* Нью-Йорк, 2009. №256. С. 126).

⁴*Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 11. М., 1914. С. 129.

⁵*Розенталь Б.Г.* Мережковский и Ницше. (К истории заимствований) // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 120.

⁶*Мережковский Д.* Что такое язычество? // *Новое время.* СПб., 1902. №9543. С. 4.

⁷*Розенталь Б.Г.* Мережковский и Ницше. (К истории заимствований) // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 121. О своем расхождении с Ницше Мережковский писал Перцову 22 сентября 1899 г., рассуждая об отношениях между Христом и Антихристом в романе «Воскресшие боги»: «...Нитче, однако, с которым я во многом, даже в главном, не согласен (у него древнее, первое единство, а у меня новое, второе соединение), гораздо глубже, чем Вы думаете» (Письма Д.С. Мережковского к П.П. Перцову // *Рус. лит.* Л., 1991. №3. С. 136–137).

поэтому свое «деятельное участие» в журнале Мережковский относит к наиболее раннему периоду, до того как фактическое руководство «Северным вестником» начала осуществлять Л.Я. Гуревич (с 1891 по 1898 г.). 24 сентября 1891 г. Мережковский писал Плещееву: «“Сев<ерный> Вест<ник>” окончательно перешел в руки Гуревич, т. е. еврея Флексера (наст. имя и фам. А.Л. Волынского. – А.Х.), потому что Гуревич сама вся в руках Флексера. Он необычайно сделан важен»¹. По утверждению исследователей, среди русских журналов «Северный вестник» выделялся одной особенностью – абсолютной гегемонией критика Волынского, который видел себя в качестве наставника зарождающегося русского символизма.

Несмотря на острую критику некоторых работ Мережковского, Волынский усматривал в творчестве писателя «живую нервную восприимчивость к тому, что возникает и нарастает в душах современных людей»², ростки уже символистского, а не декадентского творчества. Мережковский, в свою очередь, симпатизировал критике: «Во всех трудах г. Волынского есть одна характерная черта – не русская, но глубоко симпатичная. В этом пламенном, несколько сухом, но возвышенном мистицизме поклонника великого еврейского философа, в неутолимой ненависти к пошлой стороне позитивизма, в этой национальной, так сказать, прирожденной способности к тончайшим метафизическим абстракциям – сразу чувствуется нравственный и философский темперамент семита. Более всего меня привлекает к таким семитическим темпераментам неподдельная чистота, наивность философского жара, пламенная и вместе с тем целомудренная страстность ума. Недаром еврейская национальность до сих пор носительница страшного и благодатного огня – тысячелетней жажды Бога. Сколько раз, погибая, оплодотворяла она своим огнем более спокойные арийские культуры, которым грозили бесплодием научный материализм и позитивная уравновешенность»³.

Дружба Мережковских с Волынским продолжалась до 1897 г. Они даже совершили весной 1896-го совместное путешествие в Италию «по следам Леонардо да Винчи», роман о котором писатель надеялся опубликовать в «Северном вестнике». Но его чаяниям не суждено было сбыться. В 1897 г., после разрыва личных отношений с Гиппиус, которому предшествовала череда грубых ссор, Волынский начал публиковать собственное исследование о Леонардо да Винчи, а вдобавок без предупреждения исключил имена Мережковских из списка сотрудников «Северного вестника». «Смердяковская у него сущность»⁴, – возмущался таким поступком Мережковский. В январе 1898 г. в отношениях с Волынским была поставлена точка. В том же году прекратил свое существование «Северный вестник».

¹ НИОР РГБ. Ф. 359. К. 8228. Ед. хр. 48. Л. 2.

² Волынский А. Литературные заметки // Северный вестник. СПб., 1896. №2. С. 335.

³ Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 18. М., 1914. С. 207.

⁴ Письма Д.С. Мережковского к П.П. Перцову // Рус. лит. Л., 1991. №2. С. 172.

Умолчание Мережковского в «Автобиографической заметке» бросается в глаза, поскольку М.А. Лятский в критико-биографическом очерке, выполняющем аналогичную функцию в первом прижизненном собрании сочинений Мережковского, напротив, акцентирует внимание читателя на том, что с переходом «Северного вестника» в руки Гуревич (а значит – и Волынского) «Мережковский становится не только одним из главных сотрудников журнала, но и членом редакции его»¹.

Мережковский не оставляет подробностей о пребывании за границей с 1906 по 1908 г. К этому времени относится ряд встреч, свидетельства которых рассеяны по критическим работам писателя. «Встречи мои с Жоресом и А. Франсом, – читаем в одной из статей, – были так мимолетны, что, пожалуй, и рассказывать не стоило бы, если бы не было тут кое-чего символического для нас и для них, для нас, русских, и для них, французов, может быть, вообще европейцев»². Если с Франсом Мережковский уже был заочно знаком, опубликовав в 1895 г. перевод³ его рассказа «Святой сатир», то с Жоресом встретился впервые. Разговор, как известно, зашел «о русской революции»⁴.

Тогда же началось сближение Мережковского с эмигрантами-революционерами. «Мне казалось, – признается писатель, – и теперь мне кажется, что это лучшие русские люди, каких я встречал за всю свою жизнь. Сближение наше произошло на почве не только общественной, но и религиозной. Здесь я увидел воочию, как бы осязал руками, связь русской революции с религией. В схождении с ними я пережил то, что потом часто высказывал, возможность новой религиозной общественности, глубочайшую связь русского освобождения с религиозными судьбами России»⁵. Эта мысль Мережковского будет последовательно развиваться в художественном творчестве и публицистике.

В романе «Александр I» мы становимся свидетелями разговора Валерьяна Голицына и Рылеева: «– А у вас лампадки везде, – сказал Голицын, заметив здесь, в кабинете, так же, как в столовой и гостиной, затепленную лампадку перед образом. – Да, жена любит. А что? Голицын ничего не ответил, но Рылеев опять угадал. – Мне все равно – лампадки. Я в Бога не верую. А впрочем, не знаю. Мало думал. Что за гробом, то не наше. Но кажется, есть что-то такое... А вы? – Я верю. – То-то вы о черте давеча... А зачем? – Что зачем? – Да вот верить? – Не знаю. Но, кажется, без этого нельзя ничего... – И револю-

¹Лятский М.А. Дмитрий Сергеевич Мережковский // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. Т. 1. СПб.; М., 1912. С. VII.

²Мережковский Д.С. Цветы мещанства // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 16. М., 1914. С. 66.

³Не соответствует истине утверждение, что «текст Мережковского полностью оригинален» (см.: Корчинская И.Я. Западноевропейские традиции в «итальянских» новеллах Д.С. Мережковского // Традиции в русской литературе. Н. Новгород, 2002. С. 182).

⁴Мережковский Д.С. Цветы мещанства // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 16. М., 1914. С. 69.

⁵Цит. по: Соболев А.Л. Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица: Биографический альманах. Вып. 1. М.; СПб., 1992. С. 353.

цию нельзя? – И революцию»¹. На том же настаивает Сергей Муравьев: «Да не я ли вам сейчас говорил, что нам думать надо больше всего о религии, а политика сама приложится? Именно у нас, в России, более, чем где-либо, в случае восстания, в смутные времена переворота, привязанность к вере должна быть надеждой и опорой нашей твердейшею, – вот все, что я говорю. Вольность и вера вместе в России погублены и восстановлены могут быть только вместе...»² Идея революции во главе с Христом не только обдумывается героями романа (ср.: «Голицын снял шапку и перекрестился, думая о предстоящей великой скорби, великой радости: – С Богом! С Богом!»³), но и озвучивается (ср. слова Бестужева: «На будущий год всему конец! Самовластье падет, Россия избавится от рабства, и Бог нам поможет...»⁴). Наша сосредоточенность на данном произведении обусловлена позицией автора, за несколько лет до написания романа утверждавшего, что «внутреннее единство религиозного и революционного движения в России всего нагляднее обнаружил внук Екатерины II, император Александр I»⁵.

В публицистике Мережковского примеров еще больше: «Но, во всяком случае, ежели не с мистической, то с исторической точки зрения, если не для будущего, то для прошлого русская революция, низвержение русского единовластия, имеет великий смысл религиозный»⁶; «Религия и революция – не причина и следствие, а одно и то же явление в двух категориях: религия – не что иное, как революция в категории Божеского; революция – не что иное, как религия в категории человеческого. Религия и революция – не два, а одно: религия и есть революция, революция и есть религия»⁷; «Оставаясь в старой церкви, можно только чинить гнилые бревна, делать реформацию; но чтобы сделать революцию, создать новую церковь не в бревнах, а в ребрах, надо выйти из старой»⁸; «...я уже раз говорил (“В обезьяньих лапах” (О Леониде Андрееве) – примеч. авт. – А.Х.) и теперь повторяю – об этом нужно твердить без конца, – в настоящее время в России революция и религия – не два, а одно: революция и есть религия, религия и есть революция»⁹; «Постепенности, непрерывности недостаточно для того, чтобы объяснить закон эволюции; нужно допустить и другой,

---

¹Мережковский Д.С. Александр I // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 6. М., 1914. С. 257–258.

²Там же. Т. 8. С. 11–12.

³Там же. С. 197.

⁴Там же. С. 106.

⁵Мережковский Д.С. Революция и религия // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 13. М., 1914. С. 46.

⁶Там же. С. 37.

⁷Мережковский Д.С. В обезьяньих лапах // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 16. М., 1914. С. 35–36.

⁸Мережковский Д.С. Реформация или революция? // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 16. М., 1914. С. 93.

⁹Мережковский Д.С. Христианство и государство // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 16. М., 1914. С. 101.

смежный закон – прерывности, внезапности, катастрофичности, – то “непредвидимое” (imprévisible Бергсона), что в стихии общественной называется революцией»¹.

Мережковский, по свидетельству Гиппиус, «не сомневался, что революция в России будет, что сделают ее, может быть, вот эти самые революционеры-народники, но что им не хватает религиозного, христианского самосознания, хотя, по существу, они к христианству близки»². Это подтверждают критические высказывания писателя: «Нерелигиозное самоутверждение приводит к самоотрицанию, самоубийству личности»³; «...несмотря на безбожие русского освобождения, есть у него тайный религиозный смысл...»⁴; «Ежели смотреть не на то, что русские революционеры говорят, а на то, что они делают, нельзя не увидеть, что эти безбожники иногда святые. Со времени первых мучеников христианских не было людей, которые бы так умирали: по слову Тертуллиана, “они летят на смерть, как пчелы на мед”»⁵.

«Субботники» Мережковских посещали видные члены партии социалистов-революционеров. Через И.И. Фондаминского (Бунакова), жене которого – А.О. Фондаминской (урожд. Гавронской) – посвящено стихотворение «Амалии» (1907), Мережковские познакомились с одним из лидеров «Боевой организации» – Б.В. Савинковым. «Великий русский патриот» (так назовет его Мережковский), соучастник убийства Плеве и великого князя Сергея, был частым гостем в квартире на улице Теофиля Готье. Мережковские быстро с ним подружились. «Главная тяжесть, – по словам Гиппиус, – была в том, что Савинков сам как будто чувствовал себя убиваемым – убивая. Говорил, что кровь убитых давит его своей тяжестью. И подходил к Д<митрию> С<ергеевичу> не то с надеждой оправдания революционного террора, не то за окончательным ему – и себе в этом случае – приговором»⁶. Ко всему прочему в Савинкове обнаружился литературный талант. Он написал роман о террористе, проливающим кровь во имя идеи. Несмотря ни на что, герою удается выживать, но лишь до тех пор, пока он не убивает какого-то офицера ради собственной любви. Мережковские стали едва ли не первыми слушателями и критиками захватывающей истории. «Заглавие, – вспоминает Гиппиус, – довольно нелепое, я ему переменяла, назвав роман “Конь бледный” (с эпитафией из Апокалипсиса), а псевдоним, тоже неинтересный, предложила заменить одним из своих...»⁷. Так появился писа-

¹Мережковский Д.С. Вечные спутники // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. М., 1914. Т. 17. С. 145.

²Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Гиппиус З. Ничего не боюсь. М., 2004. С. 144.

³Мережковский Д.С. Конь бледный // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 15. М., 1914. С.30.

⁴Мережковский Д.С. Семь смиренных // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 15. М., 1914. С. 83.

⁵Мережковский Д.С. Предисловие к одной книге // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 13. М., 1914. С. 164.

⁶Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Гиппиус З. Ничего не боюсь. М., 2004. С. 131.

⁷Там же. С. 146.

тель В. Ропшин. В 1909 г. Мережковский опубликовал об этом романе одноименную статью, а личность Савинкова напоминает созданный писателем образ Пестеля – тоже идеолога революции: «Истребить всех, начать революцию покушением на жизнь всех членов царской фамилии»¹; «Избранные к сему (убийству царской семьи. – А.Х.) должны находиться вне Общества; когда сделают они свое дело, оно немедленно казнит их смертью, как бы отмщая за жизнь царской фамилии, и тем отклонит от себя всякое подозрение в участие. Нам надобно быть чистыми от крови»².

Одновременно с эсерами Мережковских привлекали анархисты, выступавшие за общественный порядок, основанный на свободном соглашении между людьми. Ничем не ограниченная свобода личности, по мнению анархистов, достигается уничтожением любой формы государственности, эксплуатации и частной собственности. Мережковским повезло. В Париже они познакомились со знаменитым анархистом Петром Кропоткиным. Встречу организовал И.С. Книжник-Ветров³. О ней Гиппиус рассказала в письме к Брюсову: «А знаете, кто самый мирный и добрый человек на свете? Кропоткин. Это такой славный и безобидный дядя, что его только по лысинке хлопать, да чай с ним пить. Все о муравьях, да о пчелках, и дочку, главное, свою любит, “Сашок” ее зовут. Наряжает, веселит. Вот так анархист! Пожалуй мистические наши, и те страшнее»⁴.

В анархизме Мережковский видит ростки нового религиозного сознания: «В настоящее время говорить об анархизме, как о реальном явлении общественном, почти невозможно. Научно-философское обоснование анархической общественности принадлежит будущему. А в современной зачаточной стадии своей анархизм есть, по преимуществу, лишь анархический индивидуализм»⁵; «Только будущий анархист, человек последнего бунта, последнего отчаяния есть первый из людей, который услышит и примет благовестие новой религиозной надежды»⁶; «Последнее утверждение новой религиозной безгосударственной общественности есть новое религиозное сознание и действие, новое религиозное соединение личности и общества, единого и всех, беспредельной свободы и беспредельной любви. Истинное безвластие есть Боговластие. Слова эти загадочны. Но пусть пока так и останутся они загадкой»⁷.

О «добровольном изгнании» Мережковского в 1906–1908 гг. отдаленно напоминает биография Лунина, одного из героев романа «Александр I»: «Поселился

¹Мережковский Д.С. Александр I // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 7. М., 1914. С. 12.

²Там же. С. 12–13.

³И.С. Книжник-Ветров (наст. фам. и имя И.С. Бланк; 1878–1965) – историк, библиограф. См.: РНБ. АДП. Ф. 352. Ед. хр. 173. Л. 6.

⁴НИОР РГБ. Ф. 386. К. 82. Ед. хр. 39. Л. 5 об.–6.

⁵Мережковский Д.С. Меч // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 13. М., 1914. С. 12.

⁶Там же. С. 13.

⁷Мережковский Д.С. Предисловие к одной книге // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 13. М., 1914. С. 166.

в Париже и провел здесь несколько лет в нужде. Отец его был очень богат, но скуп и не в ладах с сыном. По смерти отца¹ он получил наследство, с доходом в 200.000 рублей. В Париже сошелся с карбонарами и с иезуитами, которые не могли простить русскому правительству своего изгнания из России»². Очевидно, что в «Автобиографической заметке» по цензурным соображениям не могли появиться имена революционеров и даже намек на общение с ними. Кроме того, Мережковский наверняка опасался судебного преследования. Только что, в 1912 г., с него было снято обвинение в «дерзостном неуважении к верховной власти» за пьесу «Павел I». Гиппиус утверждает, ссылаясь на мужа, что, если бы Мережковского не оправдали, он лучше сел бы в тюрьму, но эмигрантом не сделался³.

Однако известно, что, сбежав от большевиков, писатель подтвердил верность своих слов, сказанных еще в 1908 г.: «Я люблю свободу больше, чем родину: ведь у рабов нет родины...»⁴ В эмиграции его рассуждения на эту тему приобрели иной смысл: «– Зина, что тебе дороже: Россия без свободы или свобода без России? Она думала минуту. – Свобода без России, – отвечала она, – и потому я здесь, а не там. – Я тоже здесь, а не там, потому что Россия без свободы для меня невозможна. Но... – и он задумывался, ни на кого не глядя, – на что мне собственно нужна свобода, если нет России? Что мне без России делать с этой свободой? И он замолкал...»⁵

При внимательном чтении обращаешь внимание на то, что рассуждения о родине и чужбине периодически встречаются на страницах произведений Мережковского. Здесь можно вспомнить Макиавелли и Леонардо, которые «молча посмотрели друг другу в глаза и вдруг оба почувствовали, что в этом они до последней глубины сердца навеки различны, чужды друг другу и никогда не стоворятся: для одного как будто вовсе не было родины; другой любил ее, по выражению Цезаря, “больше, чем душу свою”»⁶. Сбежавший за границу царевич Алексей едва сдерживает слезы: «Никогда еще, казалось, он так не любил Россию, как теперь. Но он любил ее новою всемирною любовью, вместе с Европою; любил чужую землю, как свою. И любовь к родной, и любовь

---

¹Заметим, что весной 1908 г., находясь за границей, Мережковский узнал о смерти отца.

²*Мережковский Д.С.* Александр I // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 8. М., 1914. С. 51.

³*Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // Гиппиус З. Ничего не боюсь. М., 2004. С. 161. Слова З. Гиппиус подтверждаются дневниковой записью С.П. Каблукова: «Конечно, Дм<итрий> Серг<еевич> недоволен перспективой засесть на годы в крепость, но предпочитает заключение эмигрантству <...>» (цит. по: *Гончарова Е.И.* «Революционное христовство» // «Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову. СПб., 2009. С. 61).

⁴*Мережковский Д.С.* Красная Шапочка // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 16. М., 1914. С. 54.

⁵См.: *Берберова Н.* Курсив мой // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 493.

⁶*Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 3. М., 1914. С. 139.

к чужой земле сливались, как эти две песни, в одну»¹. Даже Езопка, как ни стремился в Россию, «подобно царевичу, полюбил чужую землю, как родную, полюбил и Россию, вместе с Европою, новою всемирною любовью»². По возвращении из заграничного путешествия еще в 1891 г. Мережковский написал пророческие для себя строки: «О, березы, даль немая, / Грустные поля... / Это ты, – моя родная, / Бедная земля! / Непокорный сын к чужбине, / К воле я ушел, / Но и там в моей кручине / Я тебя нашел»³.

Приведенных примеров достаточно, чтобы увидеть, как в случае с Мережковским речь может идти не только об однонаправленном влиянии биографического факта на творчество и его отражении в нем, но и о ситуации, когда факт жизни, прежде чем стать таковым, реализуется в литературе, что отвечает житнетворческим установкам писателей-символистов. Зачастую Мережковский сознательно согласовывал автобиографический и художественный тексты, реализуя собственный тезис о том, что лучшая из автобиографий – это произведения писателя.

Сведения об авторе:
Алексей Александрович Холиков,
канд. филол. наук
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова
Alexey A. Kholikov,
PhD
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

---

¹Мережковский Д.С. Антихрист (Петр и Алексей) // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 5. М., 1914. С. 10.

²Там же. С. 13.

³Мережковский Д.С. Возвращение // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 23. М., 1914. С. 172.

Кс. Климова

What does ΔΡΙΜΙΕΣ stand for?

Аннотация: Словом Δρίμιες в традиционной греческой культуре обычно обозначаются первые шесть дней августа, марта или (реже) сентября, в течение которых необходимо соблюдать запрет на контакт с водой. В статье рассматриваются известные версии происхождения этого термина, сопоставление с аналогичными представлениями у других балканских народов, а также приводятся соответствующие мифологические параллели, показывающие связь этого термина с женскими мифологическими персонажами (нереидами, анемикес и пр.).

Ключевые слова: Греция, народная культура, фольклор, Балканы, мифология, нереиды, дримы, новогреческая этимология

Abstract: In the traditional culture of Greece the word Δρίμιες usually meant the first three, six, or twelve days of August, March, or (very rarely) September. The time of δρίμιες is mainly characterized as dangerous and the contacts with water are strictly regulated as considered to be harmful. The article represents common versions of the origin of the term, a comparison with similar concepts in other Balkan cultures, as well as mythological parallels, which show the connection of this term with female mythological characters (nereids, anemikes etc.)

Key words: Greece, popular culture, folklore, Balkans, mythology, Nereids, drimies, Modern Greek etymology

In the traditional culture of Greece the word Δρίμιες usually meant the first three, six, or twelve days of August, March, or (very rarely) September. There are many dialect variants of this word: most widespread of them – δρίμιες or δρύμιες (Dodecanese, Peloponnese etc.), along with it meet variants δρίματα, δρίμιες, ντρίμιες.

From the point of view of etymology the most extended version is that the word δρίμιες ascends in Ancient Greek δριμύς ‘possessing sharp taste or a smell, hard, strong’. Then, at later time, in the Greek language of the Byzantine empire, there was a word δρίμαι which meant ‘a cold’. In modern Greek language the word δριμύς also is used, keeping its initial meaning. The variant δρίμαι, with the meaning ‘a cold’ is considered by some researchers as the proof of that δρίμιες (comes from) < δριμύς (compare the expression δριμύς καιρός ‘cold (bad) weather’, often in the folk etymology the name δρίμιες causes in this way – «γιατί ο

καιρός είναι δριμύς, κάνει κρύο» (because weather is hard, it is cold). Another acknowledgement of this etymology is also used: «ο ήλιος είναι δριμύς και δριμώνονται (τα πράγματα)» (Μπούτουρας 1923: 64) (the sun is strong and «dri-mies» come). One more variant of etymology of this word ascends to δρυμός ‘an oak grove, wood’ or even to Δρυάς ‘Dryad’. However this point of view already is considered erroneous (Μπούτουρας 1923: 64).

The word δρίμιες, as it was already marked, basically designates the first six days of August. Both the number of these days, and the month in which it happens, can vary. So, it can be not six, but three or twelve first days of month, and the month can be not only August, but also September or March. There are mentions that δρίμιες could be called also twelve days of Christmas (Μπούτουρας 1923: 64). The Greek researcher Buturas matches an interesting similarity, as through a mirror reflexion which can be noticed between twelve days of Christmas and the δρίμιες:

- the twelve days of Christmas passe during the period from December, 25th till January, 6th, δρίμιες – approximately from July, 25th till August, 6th;

- at twelve days of Christmas mythological characters kallikandzari become more active, making harm to people who do not keep certain interdictions. During δρίμιες it is also necessary to keep a number of interdictions not to suffer from them, and in some areas of Greece it is considered that especially during this period Nereides can activate;

- at twelve days of Christmas people get released from the harmful influence of kallikandzari after water consecration at Theophania. The «bad» time of δρίμιες also comes to an end with water consecration on Transformation (on August, 6th).

The time during which it is necessary to take special care, can be not defined particularly (it is said simply «first six days» or even «the beginning of August») or there are mentions that dangerous can be only one day (for example, only on August, 6th, «on Sotiros») or only one hour within these first days of month: «Not the whole the day is bad, only one hour of this day, but the man doesn’t know, what hour is this and suffers from it. This bad hour is know only Jews. People say that in one of these days a woman went to the river to rinse linen. She has already started to throw linen in water, and at this hour which was bad, one Jew was passing there, he was familiar to that woman, and he has disturbed her. That part of linen that has got to the water, was scattered in ashes, and only the part that the woman had not time to wet, was left.

Also tell that there was one woman who often damned her child. These damnations were listened by one neighbour who knew when bad hour comes. And as soon as the bad hour had come, she run to the woman and said: «Neighbor, now damn the child to make it squint-eyed!» «Get squint-eyed yourself, you, – she answered, – how can I damn my child?!» Well, the hour was bad, and the neighbor got squint-eyed» (Αθανασόπουλος 1915: 209).

The object, through which the person can get the harmful influence of δρίμιες, is almost in all cases water. Therefore during the time of δρίμιες it is necessary to follow strict regulations for contacts with water, as usual it is prohibited:

- to bathe in the sea;
- to bathe in springs of fresh water, to go at night to a well;
- to wash these days, especially – to wash hair (often in the places which are removed from the sea or big springs) otherwise hair will drop out or the man will get ill;
- to wash linen, otherwise the linen will be scattered in ashes.

Somewhere it is a common belief that these days are simply «bad», without the further explanations or prohibitions concerning the contacts with water, e. g. these days are not considered suitable for harvesting because the crops will get rotten (Αθανασόπουλος 1915: 209), for cutting trees for winter because the wood will get decayed, for working in a vineyard, as grapes will dry up (Μπούτουρας 1923: 64). It is also impossible to start any new business as it will not be successful (Κεφαλληνιάδης 1979: 144), etc.

Among the Modern Greek mythological characters *neraides* have the closest connection with the water:

- they live in springs, usually fresh watered (however somewhere the «*neraides*» are believed to be sea inhabitants);
- they swim and wash in springs (narratives put special emphasis on their hair washing);
- they sleep in the water, therefore it is impossible to drink water from a spring «without having preliminary awoken» *neraides* who sleeps there.

The connection between δρίμιες and *neraides* is proved by the existence of the term Αλουστίνες (Πολίτης 1904: 391–392, 429, 489) which, on the one hand, is used for the nomination of *neraides* in many areas of Greece (e.g. These island). Αλουστίνες etymologically derived from λούζω ‘to wash hair’ + a negative prefix α – so Αλουστίνες literally mean «those who do not wash hair». On the other hand, the word Αλουστος is a popular name of August in the Greek calendar, because – which is important to keep in mind – during the several days in August any contact with water is strictly prohibited. Perhaps, *neraides*, that are thought to possess the greatest activity these days, get their name after August.

The above mentioned connection between *neraides* and δρίμιες is also proved by the Arcadian narrative (published in 1917 in Λαογραφία journal:

«Do you know why it is impossible to bathe on Savior day (celebrated on 6th August)? Once *neraides* had a brother called Sotiris (literally Savior), and he sank. And early in the morning on Savior day they [i. e. *neraides*] go joyfully to the seashore to pull him out, therefore if they meet anybody they give them everything they would ask for. Well, there they go to the seashore coast and try to pull the brother out by hair. But when they are about to manage to get him out, he slips out of their hands and again drops into water. Then they get angry, God save you to meet them on their way back: the person will be made curved, warped mouthed, they suffice person’s neck and do much more harm» (Φραγκούλης 1917: 250).

The word Ανεράιδες (<<air>>) is frequently used for the *neraidos*' nomination as *neraides* are considered to move by air (Πολίτης 1904: 390, 396, 410, 473, 424, 479), and also Ανεμικές – «windy» (compare with the believes that, about a whirlwind as caused by *neraides*' dance). In the Greek Macedonia Ανεμικές are special «spring» demons: «...it is demons of spring (in particular month of March), they are invisible, but do harm. In first nine days of March their influence is especially strong, therefore it is necessary to accept safety measures: women cannot wash hair, it is impossible to sleep in the afternoon, it is impossible to urinate the holes where they throw out ashes. If someone falls asleep in the afternoon in the street and will wake up «spoilt», it is necessary to spread the earth with honey, to collect a dry grass and other subjects from that place where he «have spoilt», to bring them home and to burn in the centre. Once get smoked with a smoke from this fire, you will be released from damage» (Λουκόπουλος 1917: 113). The same source informs that in Macedonia there are some places named ανεμονέρι 'windy water', which are told to possess curative elements and used for treatment of the illnesses sent by mythological characters, and also all illnesses in general.

In general δρίμιες appear to be connected not only with *neraides*, but with other characters (e. g. *kalikantzory*). The important is that δρύμιες connected with *neraides* in the greatest degree, as we have already seen.

Similar representations about «bad» first days of March or August are meet and in other Balkan traditions (see Bulgarian дрибни дeнe 'bad first three days of March' – СД, 2: 95) or even wider (see Ukrainian and Russian believes that after St. Ilya's day (on August, 2nd) it is impossible to bathe, as from this day devils again start their living in the water or «мідвiдь ускочiу at water» (СД, 1: 387) or «Илја has pissed into the water»).

So, what δρίμιες stand for? Or who are these δρίμιες? The time of δρίμιες is mainly characterized as dangerous and the contacts with water are strictly regulated as considered to be harmful. In modern Greek mythology traditional «water» characters are (as it's mentioned above) *neraides* first of all. So it would be possible to consider that these days are devoted to *neraides*. However direct instructions on this communication are meet extremely seldom, besides, δρίμιες last only during certain time whereas *neraides* are usually active all over the year, and δρίμιες keep the special name, which genesis is still unknown.

Perhaps, we deal with the special mythological characters (*drimes*) who live in the water and become more active during this period of time (compare *kalikantzari* at twelve days of Christmas). In the Greek Macedonia it is a common belief that there are some spring demons, Ανεμικές by name, and that can be seen as an example of existence of such kind of characters. From the grammatical point of view a word δρίμιες – of a feminine gender, as well as all words nominating days (η μέρα, names of all days of week etc.) Therefore it cannot be a proof of that originally this word didn't mean days, but certain female mythological characters. Here it is worth putting into account the rejected etymology of a word δρύμιες which is derived from Δρυάς, despite the fact it didn't seem certain. Nevertheless,

in our opinion, it is possible to consider the version that here we deal with a word referring us to special spirits whose cult and memory got lost in modern Greece, so their image completely assimilated with image of other «water» characters – *neraides*. At the current stage of research we haven't managed yet to find either indisputable proofs, or refutations of this version and while the question put in the title, remains without the full answer, however we hope that it will be received during the further researches on modern Greek mythology.

Bibliography

СД – Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. Москва, 1995–2004

Αθανασόπουλος 1915 – *Αθανασόπουλος Θ.* Παραδόσεις και δοξασίες Σοποτοτ (Καλαβρυτων) // Λαογραφία. Τ.Ε΄. Εν Αθήναις, 1915.

Κεφαλληνιάδης 1979 – *Κεφαλληνιάδης Ν.* Τρίποδες. Το χωριό των ανεμομύλων. Αθήνα, 1979.

Λουκόπουλος 1917 – *Λουκόπουλος Δ.* Σύμμεικτα λαογραφικά Μακεδονίας // Λαογραφία. Τ. ΣΤ΄. Εν Αθήναις, 1917.

Μπούτουρας 1923 – *Μπούτουρας Α.* Περί των λέξεων καλικάντζαρος και δρίμα // Λαογραφία. Τ.Ζ΄. Εν Αθήναις, 1923.

Πολίτης 1904 – Πολίτη Ν.Γ. Παραδόσεις. Μελέται περί του βίου και της γλώσσης του ελληνικού λαού. Τόμος Α΄. Αθήνα, 1904.

Φραγκούλης 1917 – *Φραγκούλης Χ.* Παραδόσεις Μεγάλης Μαντίνας // Λαογραφία. Τ. ΣΤ΄. Εν Αθήναις, 1917.

Сведения об авторе:

Ксения Анатольевна Климова,
канд. филол. наук

старший преподаватель

кафедра византийской и новогреческой филологии

филологический факультет

МГУ имени М.В. Ломоносова.

Сфера научных интересов:

новогреческий язык, диалектология,

фольклор и этнолингвистика,

новогреческая литература.

Ksenia A. Klimova,

PhD

Senior Lecturer

Department of Byzantine and Modern Greek Philology

Philological Faculty

Lomonosov Moscow State University.

Fields of research:

Modern Greek language, dialectology, folklore and ethnolinguistics,

Modern Greek literature

Материалы и сообщения

В.Б. Катаев

Московский университет и Лермонтов

Аннотация: Публикуется текст доклада, прочитанного автором на Международной научной конференции «200-летие со дня рождения М.Ю. Лермонтова» (Петербург, октябрь 2014). Автор освещает два аспекта темы «Московский университет и Лермонтов»: Лермонтов – студент Московского университета и изучение творчества Лермонтова в стенах университета. Названы те исследователи творчества поэта (начиная с С.П. Шевырева и заканчивая А.И. Журавлевой), которые внесли весомый вклад в лермонтоведение. Вспоминает автор семинар В.Н. Турбина и его участников, которые продолжили традиции изучения Лермонтова в Московском университете.

Ключевые слова: Московский университет и Лермонтов, С.П. Шевырев, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, В.О. Ключевский, Вл.С. Соловьев, Б.М. Эйхенбаум, Н.Л. Бродский, А.Н. Соколов, А.И. Журавлева, И.И. Виноградов, Ник. Бурляев

Abstract: Published the text of a paper read by the author at the International Scientific Conference «200th anniversary of the birth M.U. Lermontov» (Petersburg, October 2014). The author analyses two aspects of the theme «Moscow University and Lermontov»: Lermontov – a student at Moscow University, the study works of Lermontov at the Moscow University. were named those researchers of works of the poet (from S.P. Shevyrev to A.I. Zhuravleva), which made a significant contribution to these investigations. The author remembers a seminar of V.N. Turbin and its participants, who continued the tradition of studying Lermontov at Moscow University.

Key words: Moscow University and Lermontov, S.P. Shevyrev, V.G. Belinsky, A.I. Herzen, V.O. Klyuchevsky Vl.S. Soloviev, B.M. Eichenbaum, N.L. Brodsky, A.N. Sokolov, A.I. Zhuravleva, I.I. Vinogradov, Nick. Burlyayev

Тема о Лермонтове и Московском университете имеет две различные, хотя и взаимосвязанные стороны. Время с сентября 1828-го, года поступления в университетский Благородный пансион, по июнь 1832-го, «увольнения» из университета с формулировкой «consilium abeundi», несомненно, важный период в жизни поэта. Иногда в существующих жизнеописаниях сквозит пренебрежение этой полосой. В известной биографической киноленте Николая Бурляева нет многого, без чего не понять Лермонтова, может быть, в первую очередь отсутствует даже упоминание о пансионе и универ-

ситете – там из лет отрочества Лермонтов сразу перепрыгивает на плац юнкерской школы. Или – если упоминается, то так, например, как в биографическо-эзотерическом обзоре Павла Митюшёва: «Настала осень 1830-го. Чтобы хоть чем-то отвлечься [от безнадежной любви к Пушкину], Лермонтов начинает сдавать экзамены в Московский университет...» и т. п.

В серьезных исследованиях, в которых эта часть лермонтовской биографии освещается, причины недолгого пребывания Лермонтова в рядах студентов и объяснение «увольнения» его из университета представляются довольно однотипно (чаще всего – неудовлетворенность уровнем преподавания, со ссылками на слова Пушкина из письма к М.П. Погодину – «ученость, деятельность и ум чужды Московскому университету», или на мнение ровесника и однокашника Лермонтова Константина Аксакова: «Солнце истины освещало наши умы очень тускло и холодно»). Можно увидеть автобиографические штрихи в строках о Жорже Печорине из «Княгини Лиговской»: «Он в продолжение года почти не ходил на лекции и намеревался теперь пожертвовать несколько ночей науке и одним прыжком догнать товарищей». И «la bande joyeuse» – «Печорин с товарищи» – ничем не напоминает кружки Герцена или Станкевича.

Приводятся и иные, противоположные мнения об уровне профессорского преподавания в начале 1830-х гг. Но действительно, Лермонтов ушел до того возрождения университетского уровня, которое произойдет во второй половине десятилетия. Исключение Лермонтова осталось в ряду подобных неприятных страниц в богатой истории Московского университета, как и исключение Белинского, а в XX в., например, исключение моего однокурсника Венедикта Ерофеева (тоже после 2-го курса). Историческим парадоксом становилось последующее изучение творчества этих изгнанников профессорами и студентами их *alma mater*.

Как бы то ни было, остается определение Московского университета из «Сашки»: «Святое место! Помню я, как сон, / Твои кафедры, залы, коридоры, / Твоих сынов заносчивые споры...» – и университет ныне с гордостью считает Лермонтова одним из своих славных воспитанников.

Другая сторона темы – «Московский университет и Лермонтов» – изучалась и систематизировалась, пожалуй, в меньшей степени. Но в сплетении венка Лермонтову в русской критике и науке о литературе роль воспитанников Московского университета несомненна. Я коснусь лишь некоторых страниц этой темы.

Первыми здесь должны быть названы имена Белинского и Герцена, его сверстников и однокашников.

Очевидна основополагающая роль многих оценок из статей Белинского. Он первый поставил Лермонтова в ряд гениев мировой литературы, первый задал параметры сопоставления с ближайшими предшественниками – Байроном и Пушкиным. Десятилетия спустя Б.М. Эйхенбаум будет иронизировать над «общими фразами и неопределенными метафорами» в характери-

стихах Белинским лермонтовского стиха. Но доказывать необходимость обращения к историко-литературной специфике в изучении Лермонтова ученый XX в. будет начинать с того, что первым наметил именно Белинский – с поворота от «пушкинского периода русской словесности» к эпохе Лермонтова. В стихотворениях и романе Лермонтова Белинский увидел точное отражение состояния современного русского общества – и в то же время вывел искания героя романа и его автора из календарного в большое временное пространство, заметив их близость всем, «кто принадлежит к нашему времени не по одному году и числу месяца, в которые родился...»

Герцен имел возможность прямо назвать исторические корни того состояния духа, которое выразил Лермонтов, – он вывел их из трагедии декабря 1825 года и также провел контрастное сопоставление поэтического мира Лермонтова с пушкинским. И Герцен дал понимание роли Московского университета в воспитании русских юношей своего с Лермонтовым поколения. «Московский университет свое дело делал; профессора, способствовавшие своими лекциями развитию Лермонтова, Белинского, И. Тургенева, Кавелина, Пирогова, могут спокойно играть в бостон и еще спокойнее лежать под землей...»

Далее следует перейти к неоднозначной фигуре в истории русской критики и науки – Степану Петровичу Шевыреву. Поэт, выступивший раньше Лермонтова (одно из его стихотворений благосклонно отмечено Пушкиным). Критик, одновременно с Белинским откликнувшийся на сборник стихотворений и роман Лермонтова. Уже после ухода Лермонтова из университета стал адъюнктом, а затем профессором Московского университета. Всё это нашло отражение в его обращениях к Лермонтову. Лермонтову-поэту Шевырев явно завидовал. Его статья о «Стихотворениях Лермонтова» начинается с едва скрываемого раздражения и недоумения по поводу того, что молодой поэт рано издал свой сборник: в современной русской поэзии есть более заслуженные стихотворцы. В памфлете Белинского «Педант» указан точный источник подобного шевыревского сетования: «досада на успехи других и на собственные неудачи». (Серьезное сопоставление Шевырева-поэта с Лермонтовым будет проделано учеными уже в XX в.) Убого выглядит сведение Шевыревым причин выраженного Лермонтовым состояния русского общества лишь к тлетворному влиянию западной литературы.

Но сохраняет значение одна из сторон критики Шевырева. Стремясь приуменьшить оригинальность лермонтовской поэзии, он педантично перечислил примеры многих переключек стихов Лермонтова со стихами предшественников и современников – от Кирилла Данилова и Жуковского до Дениса Давыдова и Баратынского и дал этому свое определение – «протеизм Лермонтова» (другими давались иные определения: «эkleктизм», по Кюхельбекеру; «собираемость, сплачивание», по Эйхенбауму). Можно сказать, что Шевырев проделал полезную работу; в истории лермонтоведения эти его разыскания упоминаются в числе первых шагов, хотя истинное объяснение этой стороны

лермонтовской поэзии Шевыреву оказалось отнюдь не по силам. Если сейчас и используется предложенный им термин, то по аналогии с подобными примерами протезизма великих поэтов – от Шекспира до Пушкина.

На протяжении последующих десятилетий XIX-го и первой половины XX-го столетий развитие лермонтоведения – издание собраний сочинений, собирание мемуаров, первые монографии, интерпретации, – шло почти минуя Московский университет. Значимыми сегодня выглядят два выступления университетских профессоров, статьи В.О. Ключевского и Вл.С. Соловьева.

В своей статье «Грусть (Памяти М.Ю. Лермонтова)» (1891) Василий Осипович Ключевский назвал «личную грусть» (а не «мировую скорбь») ведущим мотивом и главным поэтическим содержанием лирики Лермонтова и увидел в этом отражение «национально-религиозных настроений» русского народа. Еще Белинский в статье о «Герое нашего времени» говорил о «невъизучимо грустном впечатлении», которое производит образ Печорина, называл роман «грустной думой о нашем времени». Но Ключевский, выводя понимание Лермонтова за пределы его исторической эпохи, скорее развивал высказанную ранее Аполлоном Григорьевым (также выпускником Московского университета) мысль о «русской душе» поэта и о присутствии в его произведениях начал «не чуждых вообще нашей народной сущности».

Странным могло показаться в статье выдающегося историка утверждение о безотносительности исторических событий времен отрочества и юности Лермонтова к формированию основных мотивов его творчества: «На каких развалинах сидел Лермонтов? Какой разрушенный Иерусалим он оплакивал? Ни на каких и никакого. В те годы у нас бывали и потрясения, но ни одного из них нельзя назвать крушением идеалов». Ключевский тем самым опровергал ответ на поставленные вопросы, данный в свое время Герценом, – о решающем влиянии на Лермонтова и все его поколение крушения декабризма и его идеалов. Спор о Лермонтове переводился из исторического истолкования во всевременное, вечное.

Другим, но прямо противоположным по выводам опытом осмысления лермонтовского наследия стала на рубеже XIX и XX столетий предсмертная статья Владимира Сергеевича Соловьева «Лермонтов» (1899). Лермонтов для него – ближайший предшественник нищезанятия, обуянный демонизмом («демон кровожадности», «демон нечистоты», «демон гордости»). «Как высока была степень прирожденной гениальности Лермонтова, так же низка была его степень нравственного усовершенствования». Статья Соловьева была признана «недоброй», исполненной «глухой ненависти»; но, как и многое другое, выходящее из-под его пера, соловьевское толкование Лермонтова оказало влияние на несколько поколений начала столетия. Оспариваемые оценки, вынесенные в статье Соловьева, поэты и критики Серебряного века усваивали и принимали предложенный в ней «метафизический» угол зрения.

Перейду к именам, заявившим о себе в середине XX в. Филологический факультет был возрожден в составе Московского университета в декабре 1941 г. Во все последующие десятилетия Лермонтов оставался в центре преподавания и изучения на факультете.

Профессор кафедры истории русской литературы МГУ Николай Леонтьевич Бродский в первом томе не завершённой им биографии Лермонтова (1948) впервые ввел в оборот богатый фактический материал, в том числе связанный с окружением Лермонтова в годы пребывания его в Благородном пансионе и Университете.

Авторы обзора «Лермонтоведение» в «Лермонтовской энциклопедии» из всего потока писавшегося о Лермонтове на сумрачном рубеже 1940–1950-х гг. заслуженно выделяют работы Александра Николаевича Соколова. Не поддаваясь на провокации и соблазны тогдашних проработочных кампаний, А.Н. Соколов последовательно и благородно вел разработку проблем поэтики и стилистики. В его исследованиях истории русской поэмы особое место занимали работы о Лермонтове – «Композиция “Демона”» (1941), «Лермонтов и судьбы русской поэмы» (1964), «Художественный образ в лирике Лермонтова» (1964) и другие. Они создали ему бесспорную репутацию ведущего исследователя Лермонтова. Заведуя кафедрой, работая деканом филологического факультета, А.Н. Соколов немало сделал для сохранения и приумножения кадров опытных и молодых литературоведов и оставил после себя немало достойных учеников.

Среди тех, кто был на филфаке МГУ в годы деканства и заведования кафедрой А.Н. Соколова и оставил свой след в лермонтоведении, я хотел бы назвать двоих.

Первый из них – Игорь Иванович Виноградов, наш выпускник и некоторое время преподаватель кафедры (в моей студенческой группе он вел занятия по введению в литературоведение). Его статья «Философский роман Лермонтова» появилась на страницах «Нового мира» в 1964 г. В ней Виноградов обосновывал особое, «ключевое» положение «Фаталиста» в романе. Эта статья тогда была в ряду других новомирских статей о современном звучании классических произведений (Юрия Манна о Базарове или Владимира Лакшина о «мудрецах» Островского), и читалась она тогда как один из манифестов шестидесятничества, наряду, скажем, со статьями Лакшина и того же Игоря Виноградова о солженицынском Иване Денисовиче.

Критика тогдашнего «Нового мира», борясь с закостеневшими догмами предшествующих интерпретаций, предлагала, в духе добролюбовской «реальной критики», при разговоре о литературном произведении говорить «о жизни». Произведения русской классики, в их числе лермонтовский роман, говорилось в статье Виноградова, «живут и сегодня, участвуют в сегодняшних спорах и поисках». Для этого необходимо, утверждали новомирцы, «видеть вещи в их настоящем свете». Выходя уже за пределы анализируемого произведения (а анализ и всего романа, и «Фаталиста» предлагался весьма

интересный и глубокий), автор статьи, например, вопрошал: «Задумывались ли вы о том, читатель (а это обращение к читателю «Нового мира» 60-х! – В.К.)... о сомнительной привычке считать вполне естественным, «житейским» делом отступничество от любых идеалов, раз их сегодняшнее осуществление невозможно?»

Размышления Печорина об отсутствии у него веры «людей премудрых», отказ героя от, как формулировал критик, «добреньких иллюзий религии», «прекраснодушных упований розового гуманизма» должны были находить и действительно находили понимание у тогдашних новых поколений. «Он (Лермонтов. – В.К.) близок нам, сегодняшним людям, он наш предшественник и союзник».

С той поры прошло полвека. Виноградов от университетского преподавания ушел всецело в критику и журналистику, а в последние десятилетия, очевидно, многое переосмыслил, – об этом свидетельствует изменение некоторых формулировок в новом издании данной статьи. Но эволюция советского шестидесятиничества в годы рубежа веков – это тема отдельная.

Я же обращаюсь к другому представителю лермонтоведения тех десятилетий в Московском университете – Владимиру Николаевичу Турбину. Книга Турбина «Пушкин. Лермонтов. Гоголь. Об изучении литературных жанров» (1978) тоже может рассматриваться как свидетельство изменения общественных и литературоведческих вех и как отражение личных особенностей и пристрастий автора.

Книга, вышедшая в издательстве «Просвещение» тиражом 150 тысяч экземпляров, обращена прежде всего к студентам-филологам, будущим словесникам, учителям средней школы. Критики, обвинившие книгу Турбина в «голом экспериментаторстве», поисках непрременной оригинальности, «методологической невесомости» и т. п., были и правы, и неправы. Книга многослойна, и составляющие ее слои неравноценны. Тут и последовательное применение к избранным авторам бахтинской (в огласовке П. Медведева) теории жанров, и собственные находки, добавляющие новые штрихи к истории создания великих произведений (например, отклики большой литературы на материалы текущей журналистики – особенно перепаханный в книге вдоль и поперек «Благонамеренный»; присутствие малых жанров – эпиграммы, мадригала, эпитафии и др. в метафорике «Героя нашего времени»; прослеженная полемика в этом романе с «Иваном Выжигиным» Ф. Булгарина и т. д.). Главное же – особая манера изложения и подачи материала, специфика разговора с читателем – своеобразная арабесочность в противовес привычной монументальности литературоведческих трудов. Турбин, стремясь опровергнуть представление о литературе как о застывшем «множестве книг», вовлекает читателей в игру, поиск нестандартных ответов, при этом нередко ошеломляя головокружительными параллелями и сопоставлениями, порой вызывая изумление или желание возразить (пример: «съедобную» фамилию

Грушницкого он выводит от Аграфены – Груни, Груши – из «Ивана Выжигина»; ассоциация смелая, но совсем не обязательная).

Надо сказать, что именно в такой манере он вообще писал свои статьи (а был он автором многих громких публикаций в те же 1960-е гг.), а главное – читал лекции и вел занятия своих семинаров. След, оставленный В.Н. Турбиным в истории лермонтоведения в Московском университете, отнюдь не ограничивается названной и другими публикациями. Турбин-преподаватель был и остается одной из видных, почти мифологических фигур в памяти факультета. Понятия «турбинизмы», «турбинисты(-тки)» актуальны и поныне, более 10 лет после его ухода. Оставшийся, как и его кумир М.М. Бахтин, в учебной иерархии лишь доцентом, Турбин, как магнит, притягивал слушателей в свой лермонтовский семинар. То, что кому-то могло показаться несерьезной игрой, уходом от методологической догматики, воспитывало в слушателях Турбина не боязнь идти нетривиальными путями в науке и в жизни.

Продуктами лермонтовского семинара Турбина становились и будущие вольнодумцы наступающих десятилетий (впрочем, одной из поклонниц и любимых его учениц была студентка Ирина Андропова), но немало и собственно исследователей Лермонтова и других писателей. В.Н. Турбин и Л.С. Мелихова, В.Н. Турбин и И.Е. Усок, В.Н. Турбин и А.И. Журавлева – так, под двойным авторством, выходили работы, ныне представленные во всех лермонтовских библиографиях, а ведь соавторы Турбина в них – его студенты и аспиранты. Он замечал на самых ранних подступах – в курсовых и дипломных работах – проблески серьезных находок или умозаключений и выводил их в печать, делая общим достоянием. В этом было что-то лермонтовское – поиск души родной в грядущих поколениях.

Вряд ли можно говорить об особой школе Турбина в лермонтоведении, но несомненна заслуга его в том, что своей многолетней работой со студентами лермонтовского семинара, пестованием новых исследователей он прокладывал живые пути, формировал кадры лермонтоведения завтрашнего дня.

Одной из самых заметных воспитанниц турбинского семинара (как впрочем, и научного руководства А.Н. Соколова) стала Анна Ивановна Журавлева. Я помню, как еще в аспирантские годы она посетовала: «Почти всё, что я думала сказать, написала в последних книгах Л.Я. Гинзбург. Что же мне делать?» Но вопреки этим, вполне понятным, сомнениям, Журавлева выросла в одного из видных и оригинальных лермонтоведов последнего времени.

Одна из наиболее значимых ее книг – «Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики» (2002) – рассматривает творчество Лермонтова в ближнем и дальнем контекстах, в малом и большом историческом времени. Лермонтовское наследие в освещении А.И. Журавлевой предстает как «активный участник» всего последующего развития русской поэзии и прозы. Шевырев, Веневитинов, Кюхельбекер, Баратынский, поэты кружка Станкевича, Хомяков, Тютчев а затем Некрасов, Достоевский предстают в конкретных сопоставлениях с Лермонтовым, и каждый раз исследователь находит специ-

фический аспект такого сопоставления. Вот некоторые из них: ««Московская поэтическая школа» и проблема альтернативных путей в литературе»; или две ветви в философской лирике: «поэзия мысли» и «поэзия мышления»; или «поэзия антитез» Баратынского и «поэзия контрастов» Лермонтова; изменение и диффузия жанра элегии; адаптация балладности другими жанрами; синкретичность лермонтовской прозы; наконец, русская классическая литература XIX в. как национальная мифология. Это соединение конкретики анализа с постановкой широких теоретических проблем отличает книгу А.И. Журавлевой, одно из интереснейших явлений лермонтоведения последнего времени.

Анну Ивановну отличала способность спокойно, но твердо отстаивать важные, по ее понятиям, позиции – не только в науке, но в жизни в целом. В книге памяти А.И. Журавлевой, собранной ее учениками, опубликовано ее письмо, адресованное кинорежиссеру Николаю Бурляеву, приглашавшему ее участвовать в работе над фильмом «Лермонтов» (1986). Это письмо – не просто высказывание литературоведа, удрученного многочисленными несообразностями в киносценарии. Журавлева высказывает свою гражданскую, мировоззренческую позицию, настойчиво (хотя, как оказалось, безуспешно) пытается предостеречь талантливого художника от набиравшей силу тенденции представлять Лермонтова глашатаем националистических идей, игнорируя всё в творчестве поэта, что не «влезает» в такую концепцию.

И вновь – не создано, может быть, отдельной школы, но остались преданные ученики, на которых научные и общемировоззренческие заветы учителя оказали прочное и продолжающееся влияние.

И сегодня на филологическом факультете МГУ работает лермонтовский семинар, в него идут студенты; и, как показала только что прошедшая московская часть юбилейной конференции, Лермонтов остается жить в стенах своего, Московского университета.

Сведения об авторе:

Владимир Борисович Катаев,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Vladimir B. Kataev,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

**Материалы Семинара-совещания на филологическом факультете МГУ.
«Тарас Шевченко и славянские культуры.
К 200-летию со дня рождения»**

А.Г. Машкова

Всеславянская идея и Т. Шевченко

А я тихо
Богу помолюся,
Щоб усі слав'яне стали
Добрими братами...
Т. Шевченко

Значение Шевченко известно всякому, кто любил родное славянское слово и был доступен чему-нибудь высокому...

Н.С. Лесков

Аннотация: Автор анализирует творчество и общественно-политические взгляды Т. Шевченко в контексте формирования в Славянском мире объединительной идеи и обращает внимание на существование и другой тенденции – формирование национального самосознания и национальных литератур.

Ключевые слова: общеславянское сознание, славянская идея, культура славянских народов, «Братство св. Кирилла и Мефодия»

Abstract: The author analyzes the literary works and socio-political views of T. Shevchenko in the context of the formation unifying idea in the Slavic world and draws attention to the existence of another trend – the formation of national identity and national literatures.

Key words: Slavic consciousness, Slavic idea, the cultures of the Slavic peoples, «Brotherhood of St. Cyril and Methodius»

Важной особенностью славянских литератур рубежа XVIII–XIX вв., т. е. периода, который вошел в историю как Национальное возрождение, является тесная связь литературы с процессом самоутверждения наций. По мере «пробуждения» славян в их общественном сознании противоборствуют две основные тенденции. Первая тенденция связана со стремлением как можно полнее выразить себя, проявить свои национальные особенности, свою самобытность. Вто-

рая тенденция, как определил ее русский славист Т.Д. Флоринский, – это «течение центростремительное», которое характеризуется широким проявлением общеславянского сознания, распространением всеславянской идеи. «Повсюду в славянском мире, – писал Флоринский, – раздаются голоса о племенном и культурном родстве всех ветвей славянского племени... и даже пожелания выработки общеславянской политической программы»¹.

Как известно, славянская идея декларирует общность, взаимность исторических судеб, культур и языкового родства славянских народов. Она всегда существовала как изменяющийся комплекс идеологий, мифов, артефактов. Зародившаяся в недрах культуры славянских народов в эпоху Петра I славянская идея под воздействием усиления политического и культурного влияния России, ее военных побед заставила Запад задуматься о том, кто такие славяне, и начать диалог с ними. Позже, в рамках уже новой мифологии, появляются различные западные версии этой идеи, воплощенные в трудах многих философов, и прежде всего – Гердера, который сравнивал процессы, происходящие в странах, где живут славяне, со становлением древнегреческой цивилизации. Немецкий ученый с большой симпатией относился к славянским народам, сожалел по поводу того, что «многие нации, но больше всего немецкие племена совершали по отношению к ним тяжелые преступления»². Гердер мечтал о том времени, когда славянское содружество «пробудится от своего долгого тяжкого сна, сбросит с себя цепи рабства...» и разбудит «погруженную в сон Европу, заставит ее служить тому же духовному началу»³. Не случайно, чешский историк, первый президент Чехословацкой республики Т.Г. Масарик называл Гердера «главным учителем славян в эпоху Возрождения»⁴.

Объединительную идею славянских народов отстаивали многие славянские общественные деятели, ученые, писатели XIX в. Будучи категорией концептуальной, идеологической и геополитической, она имела в разных частях славянского мира различные модификации. В частности, на территории Словакии и Чехии возникла и получила широкое распространение так называемая идея «славянской взаимности», которую активно популяризировали такие писатели и ученые, «будители», как Коллар, Шафарик, Добровский, Юнгман, Челаковский и др.

Ярким примером художественного воплощения славянской идеи является поэма словацкого поэта Яна Коллара «Дочь Славы» (1824). Аналогичные мысли были положены в основу его трактата под названием «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» (1841). Присутствие славянской идеи прослеживается в поэзии, а также в научных трудах словацкого ученого П.Й. Шафарика («Славянские древности», 1837; «Славянская этнография», 1841 и др.)⁵. Российские слависты, литераторы очень высоко оценивали творчество Шафарика

¹ Флоринский Т.Д. Людовит Штур и его сочинение «Славянство и мир будущего» // Штур Л. Славянство и мир будущего. 2-е изд. СПб., 1909. С. V.

² <http://coollid.net/d/153361/read>

³ Гердер И.Г. Избр. соч. М.; Л., 1959. С. 324.

⁴ Masaryk T.G. Česká otázka. Praha, 1969. S. 64.

и Коллара. Так, Будилович называл поэму «Дочь Славы» «евангелием всеславянства». Он отмечал, что славянская идея родилась в недрах истории славян, а заслуга Коллара состоит в том, что он «открыл и выяснил ее, подобно как Коперник – движение земли, а Ньютон – закон всемирного тяготения»¹. Именно тем, что славянская идея своими корнями уходит в далекое прошлое, по мнению Будиловича, «объясняется как цельность его (Коллара. – А.М.) мирозерцания, так и быстрота распространения колларовского всеславянства на Западе, отчасти и у нас. Особенно Словачина, – писал Будилович, – стала с тех пор как бы классической страной этого направления. Оно проникло во все отрасли науки и поэзии этого малого, но даровитого народа. В сочинениях, например, Голлого и Кузмани, Йоз. Гурбана и Годжи, Штура и Халупки, Хелло и Краля, Сладковича и Гвездослава (Орсага), особенно же даровитого поэта Светозара Гурбана... мы на каждом шагу натываемся на влияние идей Коллара. В меньшей степени это можно сказать о чехах, но все же в сочинениях Челаковского, Гавличека, Тыла, Воцеля, Эрбена, Святоп. Чеха заметно влияние «Дочери Славы», то же проявляется в сочинениях Людовита Гая, Станко Врза и Прерадовича, Кукулевича и Медо-Пучича, Петра II Негоша, князя Николая Черногорского у сербо-хорватов и Прешерна и Косеского у словинцев»².

Многие стихи из поэмы Коллара «Дочери Славы», по сути, стали хрестоматийными. А.Н. Пыпин и В.Д. Спасович признавали, что с нее «открывается целый ряд поэтических произведений, повторяющих ту же тему всеславянского единения...»³. Если говорить о русской поэзии, то мысли, созвучные колларовским, звучали в творчестве А.С. Пушкина, А.И. Одоевского, А.С. Хомякова, Ф.И. Тютчева и других поэтов. Выражая свое отношение к основным аспектам славянской идеи, они нередко даже использовали сходную образность. К примеру, это обращение к романтическому «водному» образу, т. е. изображению семейства славян как большой реки, а отдельных ее народов в виде ручьев, потоков, стекающих в эту реку или море. У Коллара мы читаем:

Сдается мне: весь род славян – большая
Река, что путь величественный свой
Хоть медленно, но мощно совершая,
*Течет упорно к цели вековой...*⁴

Пушкин в стихотворении «Клеветникам России» вопрошал:

---

⁵ Я. Коллар и П.Й. Шафарик были словаками, ощущали себя сыновьями словацкого народа, но в силу своих политических убеждений писали на чешском языке. Поэтому их нередко относят к чешской культуре.

¹ Будилович А.С. Ян Коллар. Речь, произнесенная в Торжественном собрании Санкт-Петербургского Славянского Общества, 13 декабря 1893 г., почетным членом профессором А.С. Будиловичем. СПб., 1893. С. 5.

² Ibid. С. 12–13

³ Пыпин А.Н., Спасович В.Д. История славянских литератур: В 2 т. Т. 2. СПб., 1881. С. 952.

⁴ Коллар Я. Сто сонетов. М., 1973. С. 125.

Славянские ль ручьи сольются в русском море?
*Оно ль иссякнет? Вот вопрос...*¹

Одоевский, сблизившийся с организацией Общество соединенных славян, в стихотворении «Славянские девы» писал по поводу семейства славянских народов:

Боже, когда же сольются потоки
В реку одну, как источник один?
Да потечет сей поток-исполин,
*Ясный, как небо, как море широкий...*²

Встречается этот «водный» образ и у украинского поэта Т. Шевченко, который был знаком с поэзией и научными трудами Коллара и Шафарика.

Среди сторонников идеи всеславянства был русско-украинский историк, просветитель, друг Срезневского, Бодянского, Данилевского, Пыпина – Николай Иванович Костомаров. С 1845 г. он жил в Киеве и был одним из идеологов и создателей тайного «Братства св. Кирилла и Мефодия» (1846). Он написал для этого общества «Устав и правила», в котором речь шла о «пропаганде идей освобождения и единения славянских народов». Будучи организацией политической, а не научной, «Братство» отстаивало необходимость объединения всех славян в федерацию, в состав которой должны были войти Украина, Россия, Польша, Чехия, Сербия и Болгария. Позже Костомаров вспоминал: «В то время всю мою душу занимала идея славянской взаимности, общения духовного народов славянского племени, и когда я навел разговор с Шевченко на этот вопрос, то услышал от него самое восторженное сочувствие, и это более всего сблизило меня с Тарасом Григорьевичем»³.

Именно Костомаров привлек Шевченко, который в 1840-е гг. был его соседом и тоже жил на Крещатике, в «Братство св. Кирилла и Мефодия». Один из современников Костомарова и Шевченко, поляк Ю. Беллина-Кенджицкий, хорошо знавший обоих, описывает сцену разговора Костомарова с Шевченко по поводу этой организации следующим образом: Костомаров с горячностью говорил о том, что «так, как есть, – плохо. Немцы, французы, англосаксы держатся вместе, а мы, Славяне, каждый ходим своей дорогой... Так вот, продолжал Костомаров: прежде всего надо собрать всех образованных славян в одно общество, пусть познакомятся, пусть обсудят сами дела, про долю поговорят и недолю, о том, что у всех наболело... такое братство проложит дорогу лучшему будущему – федерации славян. Когда между нами установится согласие, когда все поймут силу единения, когда народ получит образование, только тогда мы сможем стать единой политической силой...

¹ Пушкин А.С. Клеветникам России // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л., 1977–1979. Т. 2. С.339

² Одоевский А.И. Славянские девы // Стихи русских поэтов о родине. М., 1988. С. 23.

³ Брат мой Тарас. Шевченко и Николай Костомаров // <http://www.voskres.ru/bratstvo/malyutina2.htm>. С. 3.

Сегодня нас терзают все, кому не лень. Славянские народы стали удобрием для немцев. Немцы куют свою силу и славу на трупах славян...» В ответ на это Шевченко сказал: «Собирай в одно славянские головы! Должен же кто-нибудь собрать и пересчитать их... Когда капусту из мешка вываливают, она в разные стороны рассыпается, должен же ее кто-нибудь собрать»¹.

В своей автобиографии Костомаров вспоминал, что, когда он сообщил Шевченко о существовании общества, тот сразу же изъявил желание войти в него, но отнесся к его идеям, как пишет Костомаров, «с большим задором и крайнею нетерпимостью»², что послужило поводом для жарких споров между ними, так как в отличие от Костомарова Шевченко, представляя радикальную часть «Братства...», негативно воспринимал идею самодержавной формы правления для будущей федерации. Он был сторонником федерации, которую, по его мнению, должен быть возглавлять славянский собор, состоящий из представителей всех славянских народов. Под влиянием Шевченко и революционно настроенной части общества в его программу были записаны следующие слова: «восстанет Славянщина, и не останется ни царя, ни графа, ни герцога, ни помещика, ни боярина, ни крестьянина, ни холопа – ни в Великой России, ни в Польше, ни в Украине, ни в Чехии...» Как и другие члены «Братства», после его закрытия Шевченко был арестован, но никаких доказательств его принадлежности к организации обнаружено не было, поэтому следствием был сделан вывод о том, что он, не являясь ее членом, действовал самостоятельно, «увлекаясь», как было отмечено, «собственной испорченностью»³. В итоге его освободили и отправили на военную службу в Оренбург.

Еще до вступления в «Братство...», в начале 1840-х гг., в творчестве Шевченко отчетливо прослеживается колларовский мотив судьбы славянства. Как и у Коллара, в нем звучит боль по поводу распрей между славянскими народами, которые он призывает к согласию. С негодованием высказывается он в адрес их поработителей. Одновременно Шевченко верит в наступление времен, когда между славянами воцарится мир и они станут свободными. Все эти мысли присутствуют в поэме «Гайдамаки» (1842), в отрывке из трагедии «Никита Гайдай» (1841), в поэме «Еретик» (1845), в стихотворении «И мертвым и живым» (1845), где он вспоминает деятелей словацкой и чешской культуры – Коллара, Шафарика, Ганку. В разделе «Предисловие», который завершает поэму «Гайдамаки», Шевченко провозглашает: «Нехай житом-пшеницею, як золотом, покрита, не розмежованою останеться навіки од моря і до моря – слав'янська земля»⁴.

Еще более эмоционально призыв к объединению звучит в трагедии «Никита Гайдай». Сохранился отрывок из третьего действия этой трагедии, в котором рассказывается о том, как главный герой – юноша по имени Никита – намеревается исполнить свой патриотический долг и отправиться с послани-

¹ Ibid. S. 3–4.

² Ibid. S. 7.

³ Ibidem.

⁴ Шевченко Тарас. Гайдамаки // <http://lib.ru/su/ukraina/shevchenko/gaidamak.text>

ем Богдана Хмельницкого к польскому королю Владиславу IV с жалобой на бесчинства польской шляхты. Любовь к Украине, ее героическому прошлому, звучащие в этом отрывке, созвучны романтической концепции общеславянского единства:

«Славяне, несчастные славяне! Так нещадно и так много пролито храброй вашей крови междоусобными ножами. Ужели вам вечно суждено быть игрищем иноплеменников? Настанет ли час искупления? Придет ли мудрый вождь из среды вашей погасить пламенный раздора и слить воедино любовию и братством могущественное племя?»¹

В поэме «Еретик» (ее первоначальное название – «Ян Гус») мысли о судьбах славянских народов, необходимости их единения, избавления от иноземного владычества, как и в поэме Коллара «Дочь Славы», станут центральными. Произведение повествует о героической и трагической судьбе великого сына чешского народа Яна Гуса, разоблачавшего немецких феодалов и католическую церковь. Его судьбу Шевченко сравнивает с судьбой Христа. Гус так же мужественно шел на «суд нечестивый», как Христос на Голгофу. При этом историю Яна Гуса, «задумавшего разорвать оковы адовы», автор проецирует не только на чешский народ, но и на всех славян. В своей молитве Гус взывает:

Прозріте, люди, день настав!
Розправте руки, змийте луду.
Прокиньтесь, чехи, будьте люди,
А не посмішище ченцям!
Розбойники, кати в тіарах
Все потопили, все взяли,
Мов у Московії татаре,
І нам, сліпим, передали
Свої догмати!.. кров, пожари,
Всі зла на світі, війни, чвари,
*Пекельних мук безкрайї ряд...*²

И далее:

Кругом неправда і неволя,
Народ замучений мовчить.
І на апостольськїм престолі
Чернець годований сидить.
Людською кровію торгує
Людською кровію шинкує
І Рай у найми оддає!
Небесний Царю!..
О Боже! Суд Твій всеу
Небесний Царю! Суд Твій всеу,
*І всеу царствіє Твоє*³.

¹ Шевченко Тарас. Никита Гайдай // <http://litopys.org.ua/shevchenko/shev301.htm>

² Шевченко Тарас. Еретик // <http://litopys.org.ua/shevchenko/shev135.htm>. S. 3.

³ Ibid. S.2.

Вступительная часть поэмы «Еретик» посвящена Шафарику, которому автор послал ее в знак уважения. По воспоминаниям современников, читая это Посвящение, Шафарик, «плакал слезами благодарности». В этой части поэмы Шевченко славит великого сына словацкого народа, называя его «Світочим правди, волі...»:

Слава тобі, любомудре,
Чеху-слав'янине!
Що не дав ти потонути
В німецькій пучині
Нашій правді. Твоє море
*Слав'янськеє, нове!*¹

Чтобы придать миссии Шафарика общечеловеческую значимость, автор использует библейский образ Пророка Иезекииля из «Книги Пророка Иезекииля». Иезекииль был чудотворцем, призванным Богом на пророческое служение, спасителем иудеев. После катастрофы Иерусалима он стал утешителем и пророком спасения, выразителем надежд на будущее обновление. Аналогичную роль отводит Шевченко и Шафарику. И подобно тому, как за Иезекиилем пошел народ, славяне откликнулись на призыв Шафарика.

І слав'ян сім'ю велику
Во тьмі і неволі
Перелічив до одного,
Перелічив трупи,
А не слав'ян. І став єси
На великих купах,
На розпутті всесвітньому
Іезекілем,
І – о диво! трупи встали
І очі розкрили,
І брат з братом обнялися
І проговорили
Слово тихої любові
Навіки і віки!
І потекли в одно море
*Слав'янській ріці!*²

В этом же Посвящении есть и другой библейский образ, который также встречается в «Книге Пророка Иезекииля». Это образ огня войны, пожара, символизирующего гибель Иерусалима и иудеев. Поэма Шевченко также начинается с описания пожара, горящей хаты, которую зажег «злой сосед», с рассказа о драматической судьбе оставшихся сирот – «славянских детей». Однако, как пишет поэт, на этом пожарище

---

¹ Ibid. S. 1.

² Ibid. S. 2.

... Гліла іскра,
Та й гаснути стала,
Тихо дотлівала
Тихо дотлівала
Гліла, дожидала
На розпутті широкому,
Незримо сіяла
*Та й гаснути стала*¹.

Благодаря «доброму», «смелому», «орлиному» сердцу (так автор характеризует Шафарика), эта искра превратилась в огонь взаимной любви славянских народов, который зажег великий славянин Шафарик. Мотив освобождения славян прослеживается и в использовании автором 22 стиха из Псалма 117. Он звучит так: «Камень, который отвергли строители, сделался главою угла: это от Господа, и есть дивно в очах наших»². В этом Псалме речь идет о времени возвращения евреев из плена вавилонского. Описывается ликование еврейского народа, освободившегося от врагов и завершившего при поддержке Господа, несмотря на тяжелые обстоятельства, постройку второго храма. Еврейский народ был близок к гибели, но Господь спас его, помог построить храм, который можно рассматривать как церковь, основанную на Христе. Сама постройка храма в толковании Шевченко – это начало новой жизни, когда славяне будут свободны. Именно в этом заключена и миссия Гуса, с именем которого связано начало строительства новой церкви. Заключительные строки поэмы звучат оптимистически: несмотря на трагическую судьбу чешского патриота, его правое дело живет, оно в руках его соратника и преемника Яна Жижки. Именно в этом ключе следует воспринимать не только поэму, но и все творчество Шевченко.

Ченці і барони
Розвернулись у будинках
І гадки не мають
Бенкетують та інколи
Те Деум співають.
Все зробили... Постривайте!
Он над головою
Старий Жижка з Таборова
*Махнув булавою*³.

Литература

Флоринский Т.Д. Людовит Штур и его сочинение «Славянство и мир будущего» // Штур Л. Славянство и мир будущего. 2-е изд. СПб., 1909.

Гердер И.Г. Избр. соч. М.; Л., 1959.

Masaryk T.G. Česká otázka. Praha, 1969.

¹ Ibid. S. 1.

² Библия. Ветхий Завет. Псалтирь. 117: 22.

³ Шевченко Тарас. Еретик // <http://litopys.org.ua/shevchenko/shev135.htm>

Будилович А.С. Ян Коллар. Речь, произнесенная в Торжественном собрании Санкт-Петербургского Славянского Общества, 13 декабря 1893 г., почетным членом профессором А.С. Будиловичем. СПб., 1893.

Пытин А.Н., Спасович В.Д. История славянских литератур: В 2 т. Т. 2. СПб., 1881.

Коллар Я. Сто сонетов. М., 1973.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л., 1977–1979. Т. 2.

Стихи русских поэтов о родине. М., 1988.

Библия. Ветхий Завет. Псалтирь

Интернет-ресурсы

Брат мой Тарас. Шевченко и Николай Костомаров // <http://www.voskres.ru/bratstvo/malyutina2.htm>. С. 3.

Шевченко Тарас. Гайдамаки // <http://lib.ru/su/ukraina/shevchenko/gaidamak.text>

Шевченко Тарас. Никита Гайдай // <http://litopys.org.ua/shevchenko/shev301.htm>

Шевченко Тарас. Еретик. // <http://litopys.org.ua/shevchenko/shev135.htm>. С. 3.

Сведения об авторе:

Алла Германовна Машкова,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alla G. Mashkova,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Протоієрей Діонісій Мартишин

**Досвід християнської етики
та соціальної думки у спадщині Т.Г. Шевченка**

Усе своє життя Кобзар перебував у духовному пошуку. Він шукав здійснення вищої правди, Божої Правди. Пошук цей був непростим, сповненим сумнівів, бунтарства та вільнодумства.

Блаженніший Митрополит Володимир

Анотація: Пропонована стаття є спробою дослідження соціально-філософської проблематики у творчій спадщині Т.Г. Шевченка. Проаналізовано питання соціальної етики, вирішення проблеми соціальної справедливості та пошуку Правди Божої у житті соціуму, ролі морального вдосконалення особистості в процесі духовного буття суспільства.

Ключові слова: соціальна етика, Правда Божа, соціальна справедливість, моральне вдосконалення, соціальна думка, суспільний розвиток

Аннотация: Предложенная статья является попыткой исследования социально-философской проблематики в творческом наследии Т.Г. Шевченко. Проанализированы вопросы социальной этики, разрешения проблем социальной справедливости и поиска Правды Божией в жизни социума, роль нравственного совершенства личности в процессе духовного бытия общества.

Ключевые слова: социальная этика, Правда Божия, социальная справедливость, нравственное совершенство, социальная мысль, общественное развитие

Abstract: The article presents an endeavor of discovery the social and philosophical problematics in Taras Shevchenko's creative legacy. The research report analyzes issues of social ethics, solution to problems of social justice and the search of the Righteousness of God in the life of society, the role of moral personality's perfection in the process of spiritual existence of society.

Key words: social ethics, the Righteousness of God, social justice, moral perfection, social thought, social development

Духовний шлях Тараса Шевченка є класичним прикладом нелегкого шляху православного християнина, який шукає в умовах соціальної несправедливості

Правду Божу та волю до існування, взірцем пошуку духовного шляху всебічного пізнання людського буття та прагнення народу до самобутності.

З одного боку, життя Шевченка визначене його пристрасним, безкомпромісним, суперечливим характером, сповненим «непорушної хохлацької впертості»¹. З другого боку, життєвий шлях поета став школою вчителя моралі, вчителя життя та національної самосвідомості².

І це не випадково, бо лише через подолання людського страждання, суперечностей життя, надивившись на «похмуру декорацію та бездушних, грубих лицедіїв, з якими мені довелося розігрувати цю похмуру, монотонну десятилітню драму»³, та її «мерзенних уславлювачів»⁴, як писав Шевченко, – можна наблизитися до Істини.

Літературна спадщина Шевченка в сучасній науці досить ґрунтовно вивчається світськими дослідниками. Питання ж релігійної етики, соціальної думки, підняті мислителем, все ще вимагають серйозного богословського дослідження та певного церковного осмислення. Питання про місце соціальної етики в літературному спадку Шевченка стоїть сьогодні досить гостро не лише у філософії, а й у політичній теології. Цим стурбовані не лише професійні філологи, літературознавці, педагоги, а й взагалі всі, хто цікавиться спадком українського генія.

Питання пізнання життя, тимчасового та вічного, земного та небесного, місце людини у Всесвіті, рідної Вітчизни – України у світовій історії сповнили все створене Шевченком у літературі пекучою жагою відповіді. Творчість Великого Кобзаря стверджує життя, воно закликає на духовну боротьбу та соціальний спротив, пов'язує суперечності духовного та соціального буття людства.

Шевченко, порушуючи та розв'язуючи численні проблеми соціального устрою суспільства, вказує на велич Бога у світобудові, на місце людини в світі, Батьківщини в долі особистості, формуючи цим певні засади етичної самосвідомості людської особистості.

Доктор філософських наук професор Олександр Замалєєв зазначає, що російська «релігійна філософія в усьому обсязі свого змісту являє собою переважно богословську екзегезу, причому з ухилом у бік риторичного дискурсу»⁵. Із цілковитою впевненістю ці роздуми можна віднести до художнього спадку Тараса Шевченка.

---

¹ Шевченко Т.Г. Щоденник // Шевченко Т.Г. Художник: повісті, автобіографія, щоденник / Т.Г. Шевченко; примітки та коментарі Л. В. Ушкалова; худож.-оформлювач Ю.Ю. Романіка. Х.: Фоліо, 2012. С. 562.

² Митрополит Илларион. Религиозность Тараса Шевченко. Виннипег, 1964. С. 47.

³ Шевченко Т.Г. Щоденник // Шевченко Т.Г. Художник: повісті, автобіографія, щоденник. Х.: Фоліо, 2012. С. 553.

⁴ Шевченко Т. Г. Щоденник // Шевченко Т. Г. Художник: повісті, автобіографія, щоденник. Х.: Фоліо, 2012. С. 563.

⁵ Замалєєв А.Ф. Русская религиозная философия: XI–XX вв. СПб.: Изд. дом С.-Петербур. ун-та, 2007. С. 5.

Не лише творчість, а й саме життя Великого Кобзаря є складним шляхом духовного, релігійного, художнього, філософського та громадсько-політичного розвитку української етичної та соціальної думки. Шевченко закликає свого читача подивитися на світ з погляду Правди Божої, соціальної справедливості, він порушує перед людиною проблему, осмислює її з різних позицій, запрошуючи читача до спільного роздуму та соціальної дії, бо, служачи народові, він служить Богові.

Шевченко надихає людину на пошук шляхів виходу з кризових ситуацій, що склалися. Його завжди хвилює постанова та розв'язання проблеми, він вступає у діалог із читачем як партнер, як колега та християнин.

У літературній спадщині Шевченка знайшли відбиття думки та сподівання письменника-патріота, які презентують особливу позицію автора у суперечках про долю України, свободу людини, соціальну несправедливість, боротьбу народу за краще життя та можуть послужити базисом соціальної думки Кобзаря, який життям та творчістю уособлював душу українського народу.

Щире прагнення Шевченка до глобальних духовних та соціальних трансформацій являло собою його реакцію на насилля над «зневаженими та ображеними» – народами великої імперії, на казенщину, армійщину, тотальний бюрократизм російської держави. Шевченко як революціонер, бунтар та анархіст – це спрощене радянське, атеїстичне сприйняття його творчості. Релігійний мислитель, реформатор, ідейний натхненник соціальної трансформації російського та українського суспільства – ось філософські характеристики мислителя та пророка, який був захисником та охоронцем Правди Божої.

Творчість Шевченка спрямована на зміцнення духу, мужності, на духовну та революційну боротьбу, спротив, ствердження духовної сили¹, що протистоїть тотальному страху, рабству, моральному та соціальному розкладу². В поезії Шевченка, зазначає Предстоятель Української Православної Церкви, Блаженніший Митрополит Володимир, ми споглядаємо типову драму в боротьбі релігійної віри та відчаю, віри та сумніву³.

У минулому лідер дисидентського руху, політв'язень, а нині відомий український церковний та громадський діяч професор Мирослав Маринович зазначає, що Шевченко, так само, як і Гоголь, хотів здійснити революцію в душах людей⁴.

¹ Докладніше див.: *Степовик Дмитро*. Наслідуючи Христа: Віруючий у Бога Тарас Шевченко. К.: Вид. ім. Олени Теліги, 2013. 480 с.

² Докладніше див.: *Сверстюк С.О.* Шевченко понад часом. Есеї. Луцьк; Київ: ВМА «Герен»; ТОВ «Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2011. 280 с.

³ *Володимир (Сабодан), Митрополит Київський і всієї України*. Релігійне світобачення Тараса Шевченка (доповідь Блаженнішого Митрополита Київського і всієї України Володимира в Київській духовній академії на пленарному засіданні II студентської конференції «Студентська наука в духовній школі») // Володимир (Сабодан), Митрополит Київський та всієї України. Доповіді, промови, звернення. К.: Вид. відділ Української Православної Церкви, 2011. С. 402.

⁴ *Маринович Мирослав*. До чого кличуть учорашні «злочинці»? // Маринович М. Вибране: У шістьох томах. Т. 2. Постаті друзів. Дрогобицькі репортажі. Дорожні замальовки. Львів: Вид-во Католицького Університету, 2010. С. 146.

Поетія Кобзаря, за словами мислителя, це «камертон української душі»¹.

Блаженніший Митрополит Володимир завжди говорив про те, що «творчість Шевченка – це чаруюча простота і непримхливість, як сама душа українського народу – душа глибокого християнського світосприйняття, яким і живе Україна»².

Творчість Шевченкова стоїть поза всякою ідеологічною кон'юнктурою³, незважаючи на те, що в усі часи його хотіли зробити ідолом різних політичних сил, партій, рухів, ідеологій і навіть держав.

Скорботну, великотрудну життєву ходу Шевченка до Істини не можна назвати щасливою. Тюремне ув'язнення, соціальна ізоляція, нерозуміння з боку суспільства не лише не зламали поета, але, навпаки, загартували його серце, волю, зміцнили дух, зробили його сильнішим. Скільки в його житті було ненависті, несправедливості, неправди, придушення не лише слова, а й самого людського буття в багатьох багатогранних його проявах! Але великий син України ніколи не впадав у розпач, і як християнин не дозволяв злостивим настроям, які царювали в суспільстві, знищити тверезість розуму, розсудливість та християнську великодушність.

У своїх щоденникових записах він писав: «Дивно іще ось що. Все несповідиме горе, всі роди приниження та наруги пройшли, неначе не торкаючись мене. Найменшого сліду не полишили по собі. Досвід, кажуть, є кращим нашим учителем. Але гіркий досвід пройшов повз мене невидимкою. Мені здається, що я точно той же, що був і десять років тому. Жодна риса в моєму внутрішньому образі не змінилася. Чи добре це? Добре. Принаймні, мені так здається. І я від глибини душі дякую мого Всемогутнього Творця, що Він не допустив жажливому досвіду торкнутися своїми залізними кігтями моїх переконань, моїх дитячих світлих вірувань»⁴.

Сучасному християнинові, незважаючи на тотальний цинізм верхів суспільства, їхню невіру, голий прагматизм, важливо зберегти почуття дитячих світлих вірувань християнства, щиро приймаючи слова Євангельського

---

¹ *Маринович Мирослав*. Шевченко в пам'ятниках // Маринович М. Вибране: У шістьох томах. Т. 3. Публіцистика. Львів: Вид-во Католицького Університету, 2010. С. 394.

² *Володимир (Сабодан), Митрополит Київський і всієї України*. Вітальне слово з нагоди відкриття виставки «Шевченкові скарби», присвяченої 20-й річниці Незалежності України // Інтернет-портал «Офіційний веб-сайт «Українська Православна Церква». [Електронний ресурс]. 2014. Режим доступу: <http://orthodox.org.ua/article/v%D1%96talne-slovo-z-nagodi-v%D1%96dkrittia-vistavki-%C2%ABshevchenkov%D1%96-skarbi%C2%BB-prisvyacheno-%D1%97-20-i-r%D1%96chnits> (Дата доступу: 06. 10. 2014).

³ *Мартышин Дионисий, прот.* Идеологические мифологемы в современной церковной жизни // Интернет-портал «Украина Православная. Официальный сайт Украинской Православной Церкви». [Электронный ресурс]. 2013. Режим доступа: <http://pravoslavnye.org.ua> (Дата доступа: 04. 11. 2013).

⁴ *Шевченко Т.Г.* Щоденник // Шевченко Т.Г. Художник: повісті, автобіографія, щоденник. Х.: Фоліо, 2012. С. 564.

Одкровення: «Коли не навернетесь і не станете як ті діти, не ввійдете в Царство Небесне» (Мф. 18:3).

Не можна не погодитися з роздумами українського вченого, княгині риторики, академіка, професора Галини Михайлівни Сагач, яка говорить про те, що Тарас Григорович Шевченко повністю, цілісно виконав свою християнську місію в Божих дарах – у поезії, зображувальному мистецтві, просвіті. Шевченко не зламався під ударами долі, тому що завжди був з Богом та народом¹.

Центром своїх релігійних, філософських та духовних шукань Т.Г. Шевченко вибрав соціальні роздуми про рідну землю, стосунки між людьми, народами та цілими поколіннями, осмислюючи їхнє майбутнє. Соціальна проблематика в літературній спадщині Шевченка посідає значне місце: можна говорити про соціальні виміри творчості Великого Кобзаря, бо українська історія сприймає Шевченка як соціального та християнського мислителя.

Соціальний вимір етики набуває важливого значення для модернізації та трансформації політичної культури пострадянських країн. Можна говорити про актуальність звернення до літературного спадку Шевченка. Пошук вектора виходу з кризи сьогодення передбачає творче осмислення традиції минулого. Великий розумом та серцем Шевченко намагався всебічно глобально осмислити «соціальні хвороби» свого часу. Теми національної самосвідомості, свободи, протесту волелюбного українського народу, релігійної віри, моралі завжди перебували в центрі уваги великого поета.

Своєрідність соціальної думки Шевченка полягає в тому, що вона стимулює соціальну активність, пасіонарність соціуму в боротьбі за власне майбутнє та національну ідентичність. Не плакати, не нарікати, не ремствувати, а боротися за свою долю – ось життєве кредо послідовників Тараса Шевченка².

Щодо цього на особливу увагу заслуговують його твори: «Тризна», «Слепая», «Сон», «Єретик», «Сліпий», «Розрита могила», «Гайдамаки» та ін. Питання, які підіймав у своїй творчості Великий Кобзар, не втратили своєї актуальності й сьогодні, коли сучасне суспільство, економічно трансформуючись, модернізуючись на рівні світоглядних засад улаштування буття, зі скептицизмом та іронією ставить до питання примату духовних цінностей над матеріальними вимірами.

Соціальна етика, справи милосердя, співчуття сьогодні набувають особливо значення. В умовах соціальних суперечностей, зубожіння народу, панування багатих над бідними ідея захисту слабких, знедолених, ідея милосердя та соціальної співчутливості має об'єднувати сучасне суспільство в рамках єдиного проекту захисту соціального середовища від хижацьких нападів нової глобальної ідеології соціал-дарвінізму – філософії глобалізму.

Відсутність науково розроблених теоретичних основ соціально-політичного та соціально-економічного реформування України призвело, в кінцевому під-

¹ Сагач Г.М. Батько Тарас – дітям України! Ужгород: Поліграфцентр «Ліра», 2014. С. 40.

² Кононенко П.П. Українознавство: Конспект лекцій / П.П. Кононенко, А.Ю. Пономаренко. К.: МАУП, 2005. С. 290.

сумку, до того, що, як і раніше, на зміну одним соціальним міфам – доброго комунізму, світлого майбуття пролетаріату – прийшли інші, не менш небезпечні міфи – тріумфу титульної нації, української крові та особливого шляху України на орбіті Європейського Союзу.

Секулярний месіанізм, соціальне міфотворення, пошук інших світів є плодом вічної, хронічної хвороби частини інтелігенції. В основі соціального міфотворення та соціальних політичних утопій лежить мрія, фантазія, прагнення до бажаного та відсутність реалізму життя і, найголовніше, про що завжди говорив Шевченко, відсутність почуття милосердя, соціальної справедливості, добра, совісті, поза яким усяка політична реформація, революція, боротьба та модернізація ніколи не зможуть гідно перетворити суспільство.

Соціальна етика в розумінні Шевченка – це філософський погляд на соціальну реальність через призму національної самосвідомості, культури, історії та духовно-морального осмислення суспільно-політичного буття соціуму. Це погляд на світ з вершин вічності та абсолютних цінностей буття. Можна сказати, що Шевченко бачив порятунок народу, покращення життя нації лише на шляху до царства Божої Правди, на шляху морального вдосконалення суспільства.

Можна резюмувати, посилаючись на творчість Шевченка, що без братньої любові, без єднання народу не врятують суспільство ні політика, ні змінення суспільного та державного ладу, ні прийняття нових законів, ні, тим більше, зовнішній косметичний ремонт струхлявілої корупційної споруди бюрократії.

Не лише криза економіки, політики має місце нині в нашому суспільстві, а й, значнішою мірою, моральна криза. Характеризуючи сучасний стан життя українського суспільства, можна сказати про процеси ідеологізації масової свідомості, глобальної політизації церковного та громадського життя. Риторика ура-патріотизму, ненависті та ксенофобії охопила соціум, про що з жалем та докором говорив Т. Шевченко:

Доборолась Україна
До самого краю.
Гірше ляха свої діти
Її розпинають.
Замість пива праведную
Кров із ребер точать¹.

Моральні виклики часу, тотальне схиляння окремих політичних партій та політичних лідерів перед цінностями Заходу, некритичне сприйняття ідеології

¹ *Шевченко Т.Г.* І мертвим, і живим, і ненародженим землякам моїм в Україні і не в Україні моє дружнєє посланіє // Шевченко Т. Г. Усі твори в одному томі. К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2009. С. 123; *Шевченко Т.Г.* И мертвым, и живым, и нерожденным землякам моим, на Украине и не на Украине сущим, мое дружеское послание // Шевченко Т.Г. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Изд-во «Правда», 1977. С. 357.

ліберальних цінностей – це є актуальним і сьогодні, в умовах ХХІ століття. Така ситуація властива не лише для України, а й для деяких інших пострадянських держав. Багатьох політичних сил сучасної України стосуються роздуми великого поета:

Несли, несли з чужого поля
І в Україну принесли
Великих слов велику силу,
Та й більш нічого. Кричите,
Що Бог создав вас не на те,
Щоб ви неправді поклонились!¹

І як грізний вирок їм звучать слова Шевченка:

І хилитесь, як і хилились².

Можна говорити чарівні слова про модернізацію економіки, демократизацію політики, про ходу до цінностей Європи, але корупція, чиновницька бюрократія, моральний розклад – все це лишається властивим для всіх народів та цивілізацій, а «дідами крадене добро»³, як говорить Кобзар, тягнуть до себе політичні еліти різних країн.

Наші народи є свідками того, що межа між вічним та тимчасовим, істиною та брехнею, справедливим та несправедливим, прекрасним та потворним, між позитивними та негативними цінностями неухильно стирається, наступає царство розумової, моральної, естетичної та соціальної анархії, а моральні поняття витісняються тотальною комерціалізацією не лише життя, а й самої людської свідомості. До всього сучасного людства звернені слова українського пророка:

Схаменіться, недолюди,
Діти юродиві!⁴

Всі глобальні кризові явища в галузі економіки, культури та політики значно підвищують роль християнської етики в загальному цивілізаційному вимірі. Тенденції розвитку сучасної епохи є такими, що без елементарних моральних норм суспільство саме себе знищить. Стратегія стабілізації будь-якої соціальної та політичної системи передбачає значне розширення духовно-моральної проблематики.

Філософська та соціальна думка Православ'я акцентує свою дослідницьку увагу на вічно актуальних доміантах літературної спадщини Шевченка. Наріжним каменем соціальної парадигми Шевченка було чітке розуміння святої правди, кадила істини – Слова Живого Істинного Бога⁵.

¹ *Шевченко Т.Г.* І мертвим, і живим, і ненародженим моїм в Україні і не в Україні моє дружнє посланіє // Шевченко Т. Г. Усі твори в одному томі. К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2009. С. 121.

² Там само. С. 121.

³ Там само. С. 121.

⁴ Там само. С. 121.

⁵ Докладніше дивись: *Шевченко Т.Г.* Неофіти // Шевченко Т.Г. Повне зібрання творів: У дванадцяти томах. Т 2. Поезія, 1847–1861 рр. / Упоряд та комент. В. С. Бородіна та ін.; Ред.

«Апостол великого Христового слова»¹ в поемі «Неофіти» привертає увагу читача до того, чим має жити християнський проповідник, християнин та людина, що віддає себе на служіння Богові. Християнське вчення, виходячи з думок Шевченка, спрямовує людину до правди, істини, добра та братолюбства»². Не до патріотичного чаду, національної ненависті, винятковості, ворожнечі, до якої закликають націоналісти усіх мастей та забарвлень, а до братолюбства. Великий пророк України наголошує:

Добро найкращеє на світі,
То братолюбіє³.

Переходячи від теоретичних питань вивчення художнього спадку Шевченка, хотів би сказати кілька слів про практичний бік осмислення соціальної та духовно-моральної думки Великого Кобзаря. Одним з просвітницьких завдань громадської організації «Союз Православних Сил України», яку я репрезентую на такому шанованому науковому форумі, є популяризація серед молоді богословського спадку Православної Церкви, етичної, філософської, художньої літератури, присвяченої питанням становлення особистості. Актуалізація соціальної та духовно-моральної думки Тараса Шевченка посідає в просвітницькій діяльності нашої організації важливе місце. Лише в останній час у численні школи Київської області до Дня учителя та працівника сфери освіти нами були подаровані примірники «Кобзаря». В діяльності нашої організації питання соціально-етичного плану сьогодні розглядаються у прикладному аспекті не лише як вивчення спадку Шевченка, а й як втілення ідеалів Великого Кобзаря. Голова «Союзу Православних Сил України», активний політичний та громадський діяч Юрій Володимирович Цікаленко постійно говорить про те, що ми робимо, що повинні робити, прямуючи тим шляхом, до якого покликав нас Господь.

Філологи, педагоги, філософи, соціологи, вивчаючи літературну спадщину Т.Г. Шевченка, завжди мають осмислювати питання милосердя, братства, соціальної справедливості, гармонійного взаємовідношення особистості та суспільства, узгодження індивідуальних, колективних та суспільних цінностей, аналізувати історію народу, його культуру та традиції, а також формувати духовний вектор майбутнього розвитку особистості та суспільства.

Підводячи підсумок, зазначимо.

По-перше, при всій образності, символічності та духовній спрямованості поезії Шевченка, коли йдеться про життя народу, унікальність рідної землі, культури та історії, в літературній спадщині письменника переважає тверезий

тому В.С. Бородин. К.: Наук. думка, 1989. С. 219; *Шевченко Т.Г.* Неофиты // Шевченко Т.Г. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2: Стихотворения и поэмы, 1847–1861. С. 279.

¹ *Шевченко Т.Г.* Неофіти // Шевченко Т.Г. Повне зібрання творів: У дванадцяти томах. Т. 2. К.: Наук. думка, 1989. С. 225.

² *Шевченко Т.Г.* Неофіти. С. 221.

³ *Шевченко Т.Г.* Неофіти. С. 221.

соціальний реалізм, що виявляє себе в неприйнятті всіх суперечностей та соціальних негараздів суспільства. Модель суспільного розвитку для Шевченка може бути заснованою лише на моральних засадах та Правді Божій. В цілому можна сказати, що для українського генія «соціальна правда» є підваленою християнської етики як такої.

По-друге, етико-філософський аналіз головних ідей творчості Шевченка показує, що соціальний та оптимістичний заряд та пафос соціальної справедливості, який міститься в його поезії, є саме тим, що потрібно сучасному українському та російському суспільству, яке відчуває великий дефіцит оптимістичних прогнозів розвитку соціуму. Але не лише соціальний пафос притаманний для поглядів Шевченка. В його літературних творах закладено могутній етичний імпульс перетворення суспільства, який має конкретно-практичне значення для всього сучасного світу.

Сведения об авторе:

Протоіерей Діонісій Мартишин,
доктор богослов'я,
координатор з питань церковної просвіти
ГО «Союз Православних Сил України»

Протоіерей Дионисий Мартышин,
доктор богословия,
координатор по вопросам церковного просвещения
ОО «Союз Православных Сил Украины»

Dionisij Martyshin, archpriest,
Doctor of Theology,
Coordinator on the questions of Church Enlightenment
PA «Union of Orthodox Forces of Ukraine»

П.Н. Рудяков

Литературное творчество Т. Шевченко в славянских рецепциях и интерпретациях

Аннотация: В статье сделан обзор рецепции литературного творчества Т. Шевченко в славянских странах и у славянских народов, начиная с самых первых его шагов в 1840–1860-е гг. и заканчивая годом 200-летнего юбилея поэта. Предложен перечень основных интерпретаций этого творчества и личности Кобзаря, бытующих в Украине и в славянском мире.

Ключевые слова: Т. Шевченко, творчество, славянский мир, рецепция, интерпретация

Abstract: The article provides an overview of the reception of literary creativity Shevchenko in the Slavic countries and the Slavic peoples, starting with the earliest steps in 1840–1860-ies and ending year of the 200th anniversary of the poet. Proposed a list of the main interpretations of this work and personality Bard, prevailing in Ukraine and in the Slavic world.

Key words: Shevchenko, creativity, the Slavic world, reception, interpretation

Литературное творчество выдающегося украинского поэта, художника, мыслителя Тараса Шевченко известно славянам давно, хорошо, с достаточной полнотой. Это, собственно говоря, вполне логично и естественно, принимая во внимание то обстоятельство, что именно славянскую культурно-языковую среду следовало бы признать по всем статьям наиболее подходящей для его – творчества – восприятия и понимания. Для глубоко национального по своей эмоционально-знаковой природе и отличительным чертам стилистического свойства, общечеловеческого по содержательным параметрам словесного искусства Т. Шевченко славянский контекст всегда был и остается наиболее близким, родственным, приемлемым. Если отталкиваться от широкого и всеобъемлющего толкования понятия «рецепция» как «восприятие», включающего в себя и такой компонент, как «знакомство», можно будет с полным правом констатировать, что рецепция литературного творчества Кобзаря в славянском мире началась и набрала ход при его жизни. В культурном наследии каждого из славянских народов сложилась в процессе исторического движения, существует и развивается в настоящее время

своя собственная богатая, устойчивая традиция восприятия его произведений. У большинства из них эта традиция до сегодняшнего дня продолжает оставаться живой и плодотворной, что нашло свое новое подтверждение в год ознаменования 200-летнего юбилея.

К знакомству славян, – в том числе зарубежных, тех, что не были подданными государства Российского, – с произведениями украинского поэта приложили руку многие личности прошлого, как известные, так и не очень. Одним из первых среди них был герой монографии Л.П. Лаптевой «Два века славяноведения в России» и посвященного лично ему одному исследования болгарской славистки Л. Минковой «Осип Максимович Бодянский и болгарское возрождение» – Осип Бодянский. Именно он, профессор Московского университета, основатель и первый руководитель кафедры славянской филологии в МГУ, этнический украинец, выходец с Полтавщины, выпускник Переяславской духовной академии и Московского университета, в 1844 г. послал через П.И. Шафарика С. Вразу в Хорватию несколько произведений Т. Шевченко. Экземпляр «Гамалии» с посвящением Бодянского – Вразу хранится ныне в загребской университетской библиотеке [1: 21].

Первые сведения и упоминания о Т. Шевченко у славян датируются 1840-ми гг., т. е. временем, когда творческий гений поэта продолжал набирать обороты, давая все новые и новые яркие и сочные плоды. В течение этого периода появляются первые упоминания о Т. Шевченко, рецензии на его произведения, отклики на них. В своей совокупности они уже тогда позволяли составить определенное, достаточно четкое и адекватное впечатление о нем самом, о его литературном творчестве, а также о возможном месте новой звезды украинской и славянской поэзии в литературном процессе России и Европы. Поток печатных оценок и развернутых отзывов в прессе по причинам внелитературного свойства был на некоторое прерван на время ссылки поэта, чтобы после ее окончания возобновиться с новой силой и интенсивностью.

Переводы произведений Т. Шевченко на языки славянских народов начинают появляться в середине 1850-х гг. Сначала это происходит на русском языке, затем – на польском, чуть позже – на остальных славянских, включая болгарский, сербский, хорватский, чешский и др. Авторы исследования «Украинская литература в общеславянском и мировом литературном контексте» отмечают, что «первые русские переводы произведений великого поэта были напечатаны в 1856 г., когда Шевченко еще находился в ссылке». После его возвращения в Петербург, одновременно с украинским «Кобзарем» выходит «Кобзарь»... в переводе русских поэтов... под редакцией Ник.Вас. Гербея» (в нем были помещены переводы А. Плещеева, Н. Курочкина, самого Н. Гербея и др.) [2: 154].

Что касается восприятия литературного творчества Т. Шевченко в России и русской культурой, тут, как представляется, ни в коем случае нельзя забывать о том, что в 1830-е гг. разграничения русской и украинской («малороссийской») литератур по языковому признаку еще не существовало. И. Котля-

ревский и Н. Гоголь, к примеру, воспринимались в рамках общерусской культуры как представители одного из ее региональных вариантов и, насколько известно, только А. Стороженко в рецензии 1832 г. на «Вечера на хуторе близ Диканьки» решительно настаивал на принадлежности этих двух писателей к разным литературам. Заслуга Т. Шевченко, кроме всего прочего, состоит еще и в том, что именно появление его «Кобзаря» (1840) и «Гайдамаков» (1841) способствовало признанию в России того факта, что «малороссийская литература» как отдельный феномен существует (в каких хронологических рамках и пространственных границах – это отдельный вопрос) и может представлять интерес для русской читающей публики, часть которой способна, в принципе, понимать ее без перевода, на том языке, на котором она создается.

Вторым славянским языком после русского, на котором увидели свет переводы произведений Т. Шевченко, был польский. Эпизодические упоминания о Кобзаре начали появляться в польской прессе еще в 1840-е гг., с начала 1850-х их количество неуклонно увеличивалось, а качество росло. С конца 1850-х внимание польской литературной общественности к украинскому поэту значительно усиливается, что объяснялось, с одной стороны, притягательной силой его собственного творчества, с другой – ростом интереса поляков к украинской литературе в целом. Первоначальный взгляд польской прогрессивной молодежи на Шевченко и его творчество ярко и наглядно отобразен в публикации Леонарда Совиньского, единственного на то время переводчика на польский язык полного текста поэмы «Гайдамаки». В 1860 г. в статье «Исследования по украинской современной литературе» он писал: «С неоправданным равнодушием мы отворачиваемся от братского нам русинского племени, даже не догадываясь, что в его словах проявила себе польская душа...» [3: 156].

Почти в то же самое время, что и в Польше, Шевченко узнают в Чехии. Эпизодические сведения о нем и о его произведениях встречаются еще в 1840-е гг., в 1850-е возникает настоящий, живой интерес, еще более усиливающийся после издания на чешском языке «Кобзаря» в 1860 г. Сразу же после выхода этой книги в свет чешский писатель Вацлав Дундер публикует в газете «Пражские новости» статью «Русинская литература», в которой значительное внимание уделяет Шевченко. В том же 1860-м со статьей о Кобзаре выступил в то время студент Карлового университета в Праге, а впоследствии профессор Варшавского университета, известный славист Йозеф Первольф. Именно этому ученому мы обязаны первым сравнением Шевченко с Кольцовым и Бернсом, которых он характеризовал как «поэтов народных», понимающих «потребности, горе и радости национальные». Первый текст Шевченко на чешском датирован 1863 г.

С течением времени переводческая деятельность, связанная с Шевченко, у славян набирает обороты, достигая, по крайней мере в количественном смысле, апогея в 1887 г., когда у хорватов появляется первое для всего сла-

вянского мира, кроме, естественно, России, книжное издание его произведений: А. Харамбашич издает в своих переводах сборник поэм поэта, куда входят «Катерина», «Невольник», «Неофиты», «Гайдамаки» и др. Кстати, к 200-летию Кобзаря новый отдельный сборник его произведений издали тоже хорваты: «Матица Хорватская» в переводах А. Менац.

У южных славян, в частности югославян, знакомство с Шевченко и его произведениями начинается практически одновременно – в 1860-е гг. У сербов – в 1868-м, когда в 12-м номере журнала «Вила» появляются первые переводы на сербский язык и статья С. Новаковича, у словенцев – в 1860-м, когда имя Шевченко упоминается в обзорной статье «Русинская литература» в журнале «Slovenski glasnik», у хорватов – в 1863-м, когда в журнале «Nase gore list» публикуется перевод стихотворения «Разрытая могила», у болгар – в 1863-м, когда свои переводы из Шевченко опубликовал Райко Жинзифов.

В ходе проникновения произведений Т. Шевченко в славянские страны и к славянским народам в течение XIX–XX вв. отчетливо прослеживаются периоды активизации и, наоборот, некоторого торможения, может быть, даже определенного спада. Это обстоятельство наводит на мысль о том, что есть основания вести речь о феномене, который мог бы быть обозначен как «рецептивные волны» и который достаточно хорошо известен в системе межлитературных связей. После периода активного, заинтересованного знакомства с литературным творчеством Т. Шевченко и с ним как поэтом, охватывающего практически весь XIX в., на рубеже XIX и XX вв. наступает затишье, в значительной мере обусловленное, думается, утверждением в славянских литературах модернизма и связанной с этим фактом решительной сменой векторов и приоритетов в системах двух- и многосторонних литературных связей. Оно прерывается новым оживлением внимания и интереса, связанным с празднованием 100-летнего юбилея Кобзаря в 1914 г., после которого следует еще одно затишье, охватывающее 1920–1940-е и даже, может быть, 1950-е гг. Затем – новый всплеск в 1960-е, когда подряд, одна за другой, с небольшим временным интервалом отмечаются сразу две связанные с Кобзарем памятные даты: 100-летие со дня его смерти в 1961 г. и 150-летие со дня рождения в 1964-м. Фактический материал, на основе которого автор позволяет себе делать подобные выводы, собран и описан в упомянутом выше издании «Украинская литература в общеславянском и мировом литературном контексте», в целом ряде опубликованных ранее исследований более частного характера, а также, – если говорить о более свежих по времени их публикации трудах, – в сборнике статей «Шевченковедение в современном мире», подготовленном в Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко в этом году, к 200-летию великого поэта [4].

В последнем, среди прочего, присутствует вполне, на наш взгляд, закономерно и обоснованно выделенный специально раздел «Шевченковедение в славянском мире». Заголовок, пожалуй, в данном случае, как, впрочем, и название всей книги, не вполне соответствует содержанию: авторы ведут речь

не только о «шевченковедении», т.е. о научном, литературно-критическом осмыслении творчества Шевченко, но и о «шевченкиане» или, иначе говоря, о переводах его произведений на другие языки. Важно, однако, не это, а то, что в этом разделе с максимально возможной на сегодняшний день полнотой освещен вопрос о рецепции творчества Кобзаря в славянских странах, в частности – о переводах его произведений на славянские языки. Особый интерес тут представляют, думается, материалы последнего времени, т.е. рубежа XX–XXI вв. Такие, к примеру, как «Избранные стихотворения Т. Шевченко» по-польски (Вроцлав, 1974), о которых пишет Р. Радышевский, «Кобзарь» по-сербски (Новый Сад, 2006), о котором упоминают Л. Стеблина и Л. Петровская, «Украинская лирика» по-хорватски (Загреб, 1998), на которую обращает внимание Е. Деркач и др. [5: 50, 97–98, 116].

***

Интерпретация творчества Кобзаря у славян, если под этим понятием понимать толкование текстов, начинается практически одновременно с рецепцией и в дальнейшем идет параллельно с ней. Прямой зависимости первой от второй, правда, не наблюдается, однако определенная связь между ними, безусловно, существует. По мере того как шаг за шагом, перевод за переводом, статья за статьей накапливается фактический материал, связанный с рецепцией литературного творчества Т. Шевченко у славян, постепенно углубляется толкование его поэзии и его личности в их восприятии. Оно приобретает новые краски и оттенки, дополняясь новыми чертами и особенностями, но при этом оставаясь, в целом, в рамках, обозначенных и закрепленных в первые годы знакомства.

Рецептивный и интерпретативный дискурсы, обладая некоторыми сходными параметрами, в отдельных случаях даже демонстрируя способность в чем-то взаимодействовать, переплетаться друг с другом, все-таки представляют собой различные явления. Первый сориентирован на «чистое» перенесение произведений одной национальной литературы, рецензий на них, отзывов, упоминаний, оценок в среду другой литературы, если, конечно, допустить, что подобная «чистота» возможна. Второй отдает предпочтение не столько оперированию конкретными образцами другой литературы, сколько обращению к ее Образу или образам, к ее восприятию как определенной целостности качественно нового, отличного от всего остального уровня. Рецепция имеет дело с конкретными фактами, не выходя за рамки конкретики, она собирает факты, которые, накапливаясь, складываются в определенную совокупность, в то время как интерпретация направлена на обнаружение глубинных культурных, литературных структур, на понимание природы конкретики, движущих сил, обеспечивающих длительность межлитературных связей, а также их преемственность.

Поначалу восприятие Т. Шевченко носило общий характер практически для всех славянских народов: народный поэт, голос своего народа (сначала – «бесправного», «униженного», позже – «разгневанного»), уникальный продолжатель фольклорных традиций, как по форме, так и по содержанию. С течением времени взгляд существенно меняется, расширяясь, углубляясь, приобретая новые, иногда весьма неожиданные, черты и оттенки. В этом, в принципе, нет ничего ни удивительного, ни экстраординарного: единственно правильной интерпретации литературного произведения или творчества писателя в целом не бывает и быть не может, интерпретационная деятельность пусть не безгранична, ограничена определенным диапазоном допустимого, но все равно множественна, предполагает изменчивость, вариативность. Общим для славянского восприятия Шевченко можно считать постепенный перенос акцентов с собственно художественного, эстетического уровня на уровень культурологический, идеологический, общественно-политический. Впрочем, степень такого переосмысления у разных славянских народов оказалась разной. В начале XX в. Т. Шевченко, например, открылся по-новому, благодаря психоаналитической интерпретации его творчества и творческой личности. В конце 1980-х, кроме всего прочего, появились неожиданные трактовки; например, толкование Кобзаря как «мифотворца», предложенное в монографии Григория-Джорджа Грабовича. К 200-летию юбилею поэта возникли и вовсе индивидуальные, чтобы не сказать – экзотические: Шевченко – «Иисус Христос» (Д. Степовик), Шевченко – «профессор украинской нации» (М. Наенко).

«В одном из энциклопедических изданий в США (“Словарь Ноя Вебстера”) Тарас Шевченко назван профессором Киевского университета, – пишет М. Наенко. – В буквальном понимании – это не точно, но в духовном – более чем точно... В Киевском университете... он работал, хотя и не занимал должность профессора; ему, однако, суждено было стать профессором всего украинского народа. И не только украинского» [5: 438].

Д. Степовик написал книгу под броским и ко многому обязывающим названием: «Наследуя Христа: Верующий в Бога Тарас Шевченко» («Наслідуючи Христа: Віруючий у Бога Тарас Шевченко»), где в фокусе разговора о «следовании-наследовании» оказывается возводимая в культ религиозность как самого поэта, так и его мировосприятия, мироощущения, образной системы. Усилия автора нацелены на то, чтобы максимально привлечь внимание именно к этой черте, представив ее как краеугольный камень шевченковского сознания и его поэтического мира. Под флагом с эскизно набросанным портретом Тараса, стилизованным под лик Христа, на авансцену выведены религиозно-церковные мотивы всего его творчества. Такое выведение, будучи, как представляется, откровенно натянутым, искусственным, не вычленимым из поэтических текстов и их контекстов, а привносимым в них, превращается в целенаправленное выпячивание. К извечной полемике о том, следует ли считать Т. Шевченко преимущественно национальным поэтом,

поэтом социальным – или же поэтом, прежде всего, индивидуальным, Д. Степовик, по сути, предлагает собственное дополнение, разрастающееся чуть ли не до своего рода опровержения. Если следовать предлагаемой им логике, то классик – поэт религиозный, а уж потом национальный, социальный, индивидуальный. И не просто религиозный в каноническом, классическом понимании этого определения, а связанный с религией, Богом, церковью столь крепкими узами, что сам становится частью их мира, претендуя на то, чтобы «наследовать Христа».

Вопрос о религиозности Т. Шевченко, ее глубине, силе, внешних проявлениях и их соответствии (или, наоборот, несоответствии, неполном соответствии истинному мировосприятию и мироощущению Кобзаря), не нов. Ему уделяли внимание и в советские, и в досоветские времена. Мнения высказывались разные, однако практически никто из предшественников автора книги «Наследуя Христа...», даже из числа тех, кому хотелось бы акцентировать религиозное начало у Шевченко, так и не увидел в творчестве поэта того, что разглядел в ней Д. Степовик. Хотя, к примеру, Ю. Шевелев двигался в том же направлении, придавая религиозному началу и религиозным мотивам в поэзии Тараса Григорьевича чрезмерное значение.

Концептуализация религиозного начала в творчестве Т. Шевченко в том виде, в каком ее предлагает автор названной интерпретации, представляется преувеличением. В своем отношении к Богу, к религии, к церкви и сам Тарас, и его лирический герой часто отнюдь не ревностные верующие, а, наоборот, личности, сомневающиеся – даже еретики. О каком уж тут «наследовании Христа» может идти речь, когда Тарас в дневниковой записи 29 июня 1857, например, пишет буквально следующее: «О, святые, великие, верховные апостолы (имеются в виду Петр и Павел, по старому стилю 29 июня это – День Петра и Павла. – *И.Б.*), если бы вы знали, как мы запачкали, как изуродовали провозглашенную вами простую, прекрасную, светлую истину. Вы предрекали лжеучителей, и ваше пророчество сбылось. Во имя святое, имя ваше так называемые учителя вселенские подрались, как пьяные мужики, на Никейском вселенском соборе» (см.: [6: 572–573]).

Абсолютизация одного элемента в ущерб другим в любом случае не способна дать положительного результата. В случае с Т. Шевченко и его мнимой сверхрелигиозностью, возводимой в абсолют, такой подход не просто лишен конструктивности – он вреден, потому что искажает и облик поэта, и многие составляющие его литературного наследия. Не менее дико с точки зрения научной корректности и исторической истины, даже как-то нелепо воспринимаются откровенно русофобские пассажи Д. Степовика, с помощью которых он тщетно пытается представить Тараса Шевченко не только новым украинским Иисусом Христом, но еще и отчаянным борцом против «московитской» (т. е., говоря нормальным языком, Русской православной, «Московской») церкви. Может быть, в таком взгляде и есть что-то эдакое, особенное, о чем не догадывался прежде никто, включая самого Кобза-

ря. Куда, однако же, в таком случае девать такие высказывания поэта, как, например: «Во имя ваше папы римские ворочали земным шаром и во имя ваше учредили инквизицию и ужасное автодафе»?

Из интерпретаций, на наш взгляд, заслуживающих гораздо больше заинтересованного внимания и серьезного предметного обсуждения, чем две упомянутые выше, следовало бы выделить следующие: «социальный поэт», «национальный поэт», «революционный поэт», «карнавальный поэт», «народнический поэт», «эротический поэт», «национальный гений», «мессия», «пророк», «апостол», «шаман», «экзистенциальный поэт», «кобзарь» и, наконец, «кобзарь Дармограй». Последнюю предложила Т. Гундорова в эссе, посвященном Т. Шевченко в его юбилейный – 200-й – год, отметив, среди прочего, что нынешние поколения украинцев, особенно молодое и юное, его не читают, не перечитывают и – не понимают. Он для них неактуален, старомоден, несозвучен с их миром, чужд им, их жизненным интересам и приоритетам (см.: [7]). В большой мере это утверждение верно и в отношении современных представителей славянских стран и народов.

Впрочем, в славянском мире или, по крайней мере, в большей части этого мира интерпретация творчества Т. Шевченко отличается от его интерпретации в Украине и в украинских диаспорах в различных странах, во-первых, относительным постоянством, устойчивостью, неподверженностью резким скачкам и колебаниям, во-вторых, заметно более зримой, прозрачной приверженностью к собственно эстетическим параметрам, сопровождаемой, к тому же, отказом от искусственного подтягивания Кобзаря к тем или иным новым веяниям и пертурбациям. В духовном и культурном пространстве современной Украины Тарас Шевченко в последнее время оказался в куда большей мере элементом исторического и даже политического процессов, чем процесса собственно литературного, к которому он принадлежит, что объясняется особенностями государственного строительства, формирования нового национального сознания, новой идентичности. В славянских странах, у славянских народов этого, по понятным причинам, не произошло. Для всех славян, кроме украинцев, Т. Шевченко остался писателем, гениальным, но – именно писателем. Для украинцев он превратился в национального гения, в символ всего самого дорогого и светлого. Ценой такого превращения оказалась заметное ослабление внимания к эстетической стороне его поэзии и литературного творчества в целом.

Обобщая накопленную в течение предыдущего периода в украинском шевченковедении и национальном сознании украинцев систему оценок и представлений, И. Дзюба справедливо указывает на то, что «для многих поколений украинцев Тарас Шевченко означает так много, что сама собой возникает иллюзия его повсеместного присутствия, всеобщей понятности и полнейшего знания о нем. Говорю: иллюзия, потому что до настоящей всеобщей понятности, настоящего повсеместного присутствия и полнейшего знания всегда было и всегда будет далеко» [8: 5]. Такого Шевченко ни славяне,

ни другие народы Европы и мира не знали, хотя вчитываться в строки его стихотворений и поэм, в пассажи его прозаических произведений в надежде понять нечто особенное, докопаться до квинтэссенции его художественного мира и творческого «я» не переставали никогда.

Литература

1. Рудяков П.М. Українсько-хорватські літературні взаємини в ХІХ–ХХ ст. Київ, Наукова думка, 1987. 135 с.
2. Українська література в загальнослов'янському і світовому літературному контексті. Т.І. Українська дожовтнева література і слов'янський світ / За ред. Г.Д. Вервеса. Київ: Наукова думка, 1987. 502 с.
3. Там же.
4. Шевченкознавство в сучасному світі: монографія / Н.Л. Білик, І.П. Бондаренко, Г.Г. Верба та ін. / За ред. І.П. Бондаренка, Л.В. Коломієць. Київ: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2014. 463 с.
5. Там же.
6. Цит. по: Дзюба І.М. Бог, релігія, церква в житті й творчості Шевченка // Дзюба І.М. Тарас Шевченко. Життя і творчість. 2-ге видання, доопрацьоване. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2008. 718 с.
7. Гундорова Т.І. Кобзар Дармограй і Шевченко в масці. Електронний ресурс www.pravda.com.ua. 8 березня 2014 р.
8. Дзюба І.М. Тарас Шевченко. Життя і творчість. Київ, 2008.

Сведения об авторе:
Павел Николаевич Рудяков,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Pavel N. Rud'akov,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Е.В. Байдалова

Фигура Т.Г. Шевченко в пространстве современной украинской культуры

Аннотация: Автор рассказывает о попытках разрушить канонический образ Шевченко в украинской культуре, соединить его с теми процессами, которые происходят в украинском обществе в настоящее время. Однако при этом творчеству Шевченко по-прежнему придается сакральный смысл, а его биография, как и прежде, мифологизируется.

Ключевые слова: украинские футуристы, творческий вечер «100 лет украинского футуризма. Ремонт Шевченко», роман В.К. Винниченко «Хочу!», Н. Хвылевой, Н. Кулиш, украинские постмодернисты, литературная группа «Бу-Ба-Бу», интерпретации творчества Шевченко в музыкальном и изобразительном искусстве современной Украины, украинский рок, украинское граффити

Abstract: The author examines the attempts to destroy the canonical image of Shevchenko in the Ukrainian culture, to connect it to the processes that occur in Ukrainian society today. And makes the conclusion that the Shevchenko's creativity is still had the sacred meaning, and his biography, as before, is mythologized.

Key words: Ukrainian futurists, recital of «100 Years of Ukrainian Futurism. Repair Shevchenko», novel of V.K. Vinnichenko «I want to!», N. Khvylovy, N. Kulish, Ukrainian postmodernists, a literary group «Bu-Ba-Bu», creative interpretation of Shevchenko in the music and the visual arts of modern Ukraine, Ukrainian rock, Ukrainian graffiti

Фигура Тараса Григорьевича Шевченко всегда была в центре историко-культурной жизни Украины. Нельзя не согласиться с одним из видных исследователей творчества Шевченко Ю.Я. Барабашем, что «так сложилось, так предопределено, что вот уже на протяжении более чем полутора столетий в сознании читателя поэтическое наследие, жизнь и судьба Шевченко, само его имя слиты с Украиной неразрывно. Без Шевченко невозможно ни представить ее, ни понять, как и вне Украины не постичь Шевченко». Украинская культура оказывается как будто «всепроникаема» для Шевченко. Литература, музыка, художественное творчество, массовая культура пронизаны творчеством и личностью украинского гения. Личностью, конечно же, не столько

реально-исторической, сколько мифологизированной народно-патриотическим канон¹.

Попытки сопротивления чрезмерной сакрализации жизни и творчества украинского гения стали зарождаться еще в начале XX в. внутри самой украинской культуры. Одними из наиболее активных борцов с усердно пропагандируемым в то время культом Шевченко были украинские футуристы². Интересно, что их последователи, называющие себя национальными футуристами XXI в., отпраздновали одновременно 200-летие Кобзаря и 100-летие борьбы с «чрезмерной идеализацией, канонизацией Тараса Шевченко»³ творческим вечером «Ремонт Шевченко».

Афиша творческого вечера «100 лет украинского футуризма. Ремонт Шевченко»

¹ Подробнее о мифологизации Шевченко можно прочитать в работах: *Грабович Г.* Шевченко, якого не знаємо. Київ, 2000; *Забужко О.* Шевченків міф України. Спроба філософського аналізу. Київ, 2001.

² Подробнее см.: *Байдалова Е.В.* Тарас Григорьевич Шевченко в современной украинской культуре: попытка «перезагрузки» // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Человек, общество, народ в истории, языке и культуре.* М., 2014. С. 141–151.

³ <http://vsiknygy.net.ua/news/34602/> (12.11.2014).

«Отремонтированный» на вечере официальный логотип празднования 200-летия Шевченко

Переосмыслить роль Шевченко в украинской культуре пытались писатели, стоящие и на других эстетических платформах. Так, главный герой романа Николая Хвильевого «Вальдшнепы» Дмитрий Карамазов заявлял, что «с Тарасами Шевченками» он «ничего не имеет общего», украинскую мещанскую психику называл «закобзаренной психикой», а также настаивал на негативной роли поэта в формировании украинской национальной идентичности и, главное, государственности. Выдающийся украинский драматург Николай Кулиш помещал хрестоматийные строчки из стихотворений Шевченко в комический контекст. В пьесе «Зона» (1926), которая была переработана позднее в пьесу «Закут» (1929), бывший офицер Кухман говорил целыми фразами из Шевченко: «Учітєся, брати мої» – это про танцы, «У землячка хрущі над вишнями гудуть» – про крестьянина, которого напоили в обществе партийных работников. Цитаты из стихотворений Шевченко в романе В.К. Виннченко «Хочу!» (1915) часто (но не всегда) служили для создания иронического дискурса романа. Практически все из них, кроме одной, вложены в уста активного деятеля национального возрождения Андрея Степановича Сосненко, персонажа, который вызывает у читателя симпатию, но вместе с тем показан как фанатик, вся жизнь которого сосредоточилась лишь на одной национальной идее. В этом случае строчки из стихотворений Шевченко становятся готовыми речевыми формулами, для понимания и употреб-

ления которых не надо знать всего текста стихотворения. Цитаты могут быть обозначены самим персонажем как цитаты из Шевченко: «“Славних прадідів правнук поганий”», как сказал когда-то про таких правнуков наш Шевченко»¹, «на нашей, не своей земле, как выразился незабвенный Великий Кобзарь»² – или употреблены как прецедентный текст. Так, например, в одну из своих самых страстных речей Сосненко включает слова Шевченко без указания на авторство: «Придет время и всех вас народ заставит ответить. Да, да, предатели, народопродавцы, заставит! Не вас, так детей ваших, так внуков ваших. Кровь отомстит! Не удастся вам убить голос крови. Нет, не удастся, заговорит он. Заставит он вас самих себя спросить: “Чиїх батьків, чиї ми діти?” Заставит, малороссы вы, паршивцы, безотцовщина!»³ Комический эффект этой сцены заключается в том, что на эту речь находящегося в аффекте Сосненко Андрей Халепа – главный герой романа, – чтобы его как-то успокоить, мямлит, что он ничего такого не имел в виду, что если и есть его вина в чем-то, то целиком не сознательная, тем более что малороссы и русские, собственно говоря, это один народ... После чего наставляющий Халепу в национальном вопросе в другое время спокойный и обходительный Сосненко чуть ли не хватает его за горло, чтобы задушить и заставить замолчать.

В 1930-е гг. Шевченко становится фигурой, активно используемой советской пропагандой в своих целях, поэтому с того времени попытки нового прочтения его жизни и творчества украинской культурой прекращаются вплоть до распада СССР. В авангарде новой демифологизации Шевченко в 1990-е гг. была литературная группа «Бу-Ба-Бу» (Бурлеск-Балаган-Буффонада), представителей которой часто называют первыми украинскими постмодернистами⁴. Иронизируя над каноническим образом Шевченко, «бубабисты» стремятся изменить то сакральное значение, которое закрепилось за Кобзарем в украинской культуре, тем самым придавая его творчеству и его образу новые смыслы.

Попытки приблизить поэта к молодому поколению, перечитать его произведения так, чтобы они воспринимались современным человеком не клишированно, предпринимались и украинскими музыкантами. В 1990-е гг. на текст «Вишневого садика» – одного из самых известных стихотворений Шевченко – пишут песни две культовые рок-группы: «Мертвый петух» и «Плач Еремий». Если в исполнении «Мертвого петуха» игровая трансформация происходит за счет сокращения текста на последнюю строфу и многочисленных повторов последней строки второй строфы («Так соловейко не дает»

¹ Винниченко В. «Хочу!» // Дзеркало. Драматична поема Лесі Українки «Орґія» і роман Володимира Винниченка «Хочу!» / Упорядник В. Панченко. Київ, 2002. С. 132

² Там же. С. 188.

³ Там же. С. 129.

⁴ Подробнее см.: Байдалова Е.В. Тарас Григорьевич Шевченко в современной украинской культуре: попытка «перезагрузки» // Славянский мир в третьем тысячелетии. Человек, общество, народ в истории, языке и культуре. М., 2014. С. 141–151.

<http://prevodi-tekstova.com/pesma/pokazati/1852173/mertvij-pven/tekst-i-prevod-sadok-vishnevij/>), что создает экспрессивный комический эффект, то лидер группы «Плач Еремии» Тарас Чубай включает первую строфу «Вишневого садика» в свой собственный текст¹. Это текст, в котором при сохранении уважительного тона сакральное значение Шевченко нивелируется, поскольку автор говорит с поэтом на равных:

Я люблю Шевченко
Он Тарас как я
Он поэт как я
Он певец как я
Он кобзарь как я

Следует отметить, что это одно из немногих свидетельств современной украинской культуры о том, что Шевченко может быть не Пророком, не иконой, не «Батько-Тарасом», а просто поэтом, с которым оказывается возможным вести творческий диалог.

В 2000-е гг. из музыкальных интерпретаций творчества Шевченко постепенно уходит игровое начало, в очередной раз актуализируется его народно-патриотическое мифологическое восприятие. Одним из наиболее известных коллективов, исполняющих композиции на стихи Шевченко в нетрадиционной манере, является рок-группа «Кому вниз», музыкальный стиль которой определяется как готический индустриальный рок (довольно тяжелая, мрачная музыка). Для этой группы важна принадлежность к традиционной украинской культуре, казачеству. Этим и обуславливается выбор текстов для песен: «Разрытая могила», «Стоит в селе Субботове», «Не ропщу я на Бога». Новый альбом группы «4», который вышел в честь юбилея писателя, полностью написан на стихи Шевченко, и даже на обложке стоит его имя.

---

¹ Тарас Чубай. Пам'ятник (Sorry): Я візьму кулькову ручку Now I напишу на твоєму стегні слово «Україна», Потім розсуну твої коліна I туди прочитаю кілька віршів. Серед них буде й цей, Серед них буде й цей, Серед них буде й цей, Серед них буде й цей:Садок вишневий коло хати, Хрущі над вишнями гудуть, Плугатарі з плугами йдуть. Я люблю Шевченка, Він Тарас як я, Він поет як я, Він співець як я, Він кобзар як я. Ja, das ist eine gute Idee, I am so hungry for beautiful scenes Ja, ich bin Ukrainer Ja, ich liebe sie. Sie Heil, живе Україна Sie Heil, ненька маре-фа Sie Heil, живе Україна Sie Heil, ненька маре-фа I'm sorry, dear ladies and gentleman of Ukraine, of the world. MF. This is not the worst. It is not necessary to take offence. I am a Ukrainian myself. We are for all here to teach, to heal, to save from this nationalist close mind. I am sorry.

Украинское граффити: вот как оно должно выглядеть

Во многом это связано, конечно, с 200-летним юбилеем поэта, поскольку еще за несколько лет до самих торжеств к ним началась подготовка, которая предполагала открытие художественных выставок, проведение различных конкурсов и, что немаловажно, выделение на эти мероприятия бюджетных средств.

Официальный логотип празднования юбилея Шевченко, созданный художником из Тернопольской области Олегом Шупляком. Логотип вызвал неоднозначную реакцию в украинском обществе: многим он казался примитивным и не оригинальным, но, как сказал Шупляк в одном из интервью, его логотип соответствует двум основным критериям: «он лаконичный и легко читается в любом размере»¹.

Однако еще в начале 2000-х гг. на выставке «Бренд “Украинское”», которая проходила в Центре современного искусства при Киево-Могилянской

¹ http://razommedia.com/oleg_shuplak/ (14.11.2014).

академии, одной из центральных в экспозиции стала инсталляция «Портрет Тараса Григорьевича». И это неслучайно. Организаторы выставки стремились подчеркнуть взаимозависимость искусства, рынка и социальных факторов. В таком контексте Шевченко, действительно, стал украинским «брендом». Без него невозможно представить Украину. Не случайно особое значение вновь и вновь приобретает Шевченко именно тогда, когда в украинской жизни происходят события, которые могут повлиять на дальнейшую судьбу всей нации. Так, в годы «Оранжевой революции» был создан проект молодых художников – объединение под названием Р. Е. П. (Революционно-экспериментальное пространство). В рамках его работы была сделана целая серия портретов «современного» Шевченко: Шевченко на рынке, Шевченко на эскалаторе в метро и т. д. К юбилею поэта та же идея приближения Кобзаря к народу будет отражена в серии работ Андрея Ермоленко «Наш Шевченко». На картинах Шевченко изображен в образах повстанца, гайшника, супермена, бедняка, богача. Каждое изображение сопровождается цитатой из стихотворений Кобзаря.

Нашелся-таки один казак среди миллиона свинопасов

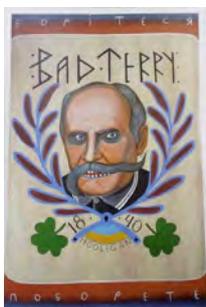

У нас учитесь! У нас дери, дери да дай и просто в рай

Шевченко-супермен

Неканоническое изображение поэта можно найти и в работах Ивана Семесюка Шевченко-хулиган и Ильи Стронговского Шевченко-Ктулху, где поэт изображен в образе мифологического божества из ставших культовыми в массовой культуре мифов *Ктулху*, придуманных американским писателем Говардом Лавкрафтом (1890–1931).

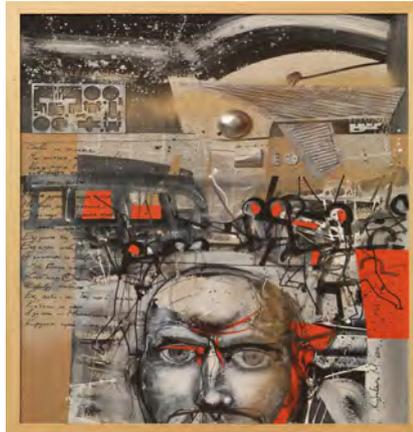
*Иван Семесюк.
Шевченко-хулиган*

*Илья Стронговский.
Шевченко-Ктулху*

Стронговский создал целую серию портретов украинских классиков, объединив их с известными образами массовой культуры. В интервью он говорит, что «эта серия портретов – своеобразное разрушение сакрализации украинской классики».

Отдельного внимания заслуживает еще один арт-проект «Мы просто шли...», также приуроченный к юбилею.

В нем участвуют два известных украинских художника Петр Бевзя и Николай Журавель, которые хотят представить современного Шевченко. Как говорит куратор проекта, «люди устали от «шароварщины», нужно показывать им Шевченко – современного». Задача проекта – показать Шевченко не как культовую фигуру, а как актуального культурного героя, который может настроить на борьбу, как политическую, так и куда более сложную – борьбу с собой. Работы обоих художников выполнены в стиле мифопоэтического течения, актуального для украинского художественного искусства в настоящий момент.

И вновь образ Поэта служит для того, чтобы зритель мог поразмышлять (цитата) «о значимости роли Тараса Шевченко в формировании личности каждого украинца, восприятии национальной идеи и сплочения нации в условиях сегодняшних реалий».

Этим же целям консолидации нации в сложное для страны время служат «оптические иллюзии» Шупляка, которым сам автор дал название «двовзори».

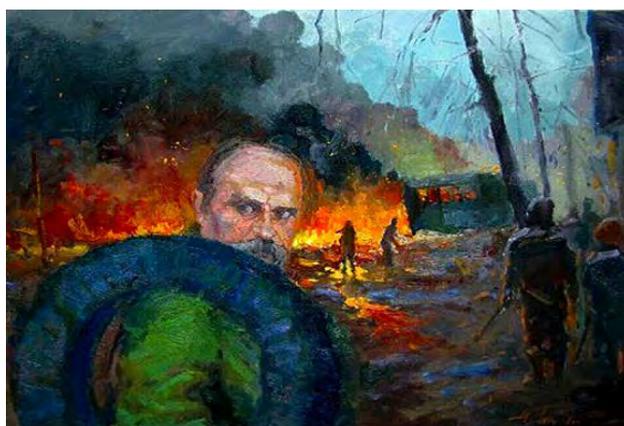

Таким образом, несмотря на многочисленные попытки деконструкции канонического образа Шевченко в украинской культуре, сакральное значение его творчества и мифологизированной биографии продолжает сохраняться. Неслучайно поэтому все-таки именно образ Шевченко стал одним из основных символов Майдана: строчки из его стихотворения «Боритесь – и победите!» были размещены на транспарантах на Майдане, его портреты, изображающие в разных видах бойцов самообороны висели на площадях и обошли весь Интернет.

Один из самых запоминающихся портретов – «Шевченко на Грушевского»: на нем Кобзарь изображен на фоне пылающего города с pokrышкой на плече.

Весной 2014 г. – во время празднования 200-летия Шевченко – это был один из наиболее актуальных образов поэта в пространстве современной украинской культуры, недаром в стихотворении Василя Махно – украинского поэта, живущего в настоящее время в США, – Шевченко становится полноправным участником февральских событий 2014 г.:

бачу як ще продовжує бій
розриваючи плащ на собі
двохсотлітній Шевченко¹.

¹ *Василь Махно*. Февральская элегия: нынче муза – вон та медсестра чье ранение в шею обдувают майдана ветра наступила лихая пора все мы связаны с нею вот студент что лежит неживой на небесной перине голос муза подай же мне свой в смертный час понимать удостой хоть чуть-чуть в медицине в рваных лёгких в навывлет сердцах и желудках пробитых муз ты и сама в синяках ангел смерти считает впотьмах всех невинно убитых раненых вынося-

Можно согласиться с утверждением австралийского литературоведа украинского происхождения М Павлышина, что в популярном сознании «бытуют две личности Шевченко, которые друг друга взаимно дополняют: торжественно возвышенная и фамильярная»¹, поэтому в пространстве украинской культуры Шевченко становится одновременно национальным символом и полноправным участником любых историко-культурных событий страны.

Сведения об авторе:
Екатерина Викторовна Байдалова,
мл. научн. сотрудник
Институт славяноведения РАН

Ekaterina V. Baydalova,
Research Associate
Institute of Slavic Studies Russian Academy of Sciences

щий в толпе кто-то высверкнул чем-то вижу как пособляет в борьбе раздирающий плащ на себе двухсотлетний Шевченко (Перевод Максима Амелина).

¹ *Павлышин М.* Канон та іконостас. Київ, 1997. С. 134.

О.В. Кукушкина, А.А. Варламов,
Е.В. Суровцева, Е.Ф. Пирятинская

**Идеи А.А. Поликарпова
о системном устройстве словаря языка и личности
и исследование результатов тестирования словарного знания**

ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАБОТЫ ПО ПРОЕКТУ
«АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ И ПРОВЕДЕНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТОВ
ДЛЯ ОТБОРА АКТИВНОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА»
ПО ГРАНТУ РГНФ №12-04-00405-А (2012–2014 ГГ.)

Аннотация: Данная статья является подведением промежуточных итогов работы по проекту «Анализ теоретических оснований и проведение экспериментов для отбора активного словаря русского языка». В основу исследования заложены идеи А.А. Поликарпова об определении, анализе и системных отношениях индивидуальных словарей. Здесь приводятся и описываются наиболее важные результаты анализа данных проведенного тестирования языкового знания 70 испытуемых.

Ключевые слова: активная русская лексика, активный словарь, пассивный словарь, индивидуальный словарь, индивидуальный запас русской лексики, тестирование языкового знания, тестирование индивидуального знания русской лексики, соотношение активных и пассивных идиолексиконов между собой и с лексической системой языка, границы активного ядра русской лексики, ранжирование границ активной русской лексики

Abstract: The article presents some of the intermediate results of the work on a three-year project «Analysis of the theoretical bases and operations for the active dictionary of the Russian language selection». The core of the research was based on the ideas of Anatoly Polikarpov on defining and analyzing systemic relations between individual dictionaries. Here the most relevant results of the analysis of the test data of the language knowledge of 70 probationers will be described.

Key words: active Russian vocabulary, active vocabulary, passive vocabulary, personal vocabulary, individual vocabulary, testing language skills, testing of individual knowledge of Russian language, comparison of of active and passive ideolexicon and with lexical system, boundaries of the active nucleus of Russian lexicon, the ranking the boundaries of the active Russian lexicon

В статье «О системном соотношении активной части словарного сознания индивидуума и общества», как и во многих других работах, А.А. Поликарпов рассматривает проблему выявления и ранжирования наиболее активной, наиболее используемой части словаря носителя современного русского языка. В этой статье предложен и реализован на пробном материале такой подход к исследованию словаря языка, который, с одной стороны, основан на изучении индивидуальных лексиконов, но с другой стороны, требует анали-

за этих лексиконов на фоне всей лексической системы языка. Этот подход базируется на фундаментальных представлениях об устройстве лексики как системы и необходимости системного подхода к языку в целом. Как отмечает А.А. Поликарпов, «реальные системные свойства словаря общества, в частности, его функционально-стилистическая структура, не могут быть поняты без рассмотрения коммуникативных механизмов взаимодействия состава и структуры идиолексиконов членов коллектива. И, наоборот, без рассмотрения идиолексиконов на фоне всей лексической системы языка, без понимания лексикона человека как частицы совокупного, сложно структурированного словаря данного коллектива, отражающей некоторые черты этого сложного целого, невозможно понимание многих особенностей устройства индивидуального лексикона» [Поликарпов, 2012].

В данной статье была предложена программа исследования индивидуальных словарей и проанализированы некоторые результаты «пилотного» исследования данных тестов на знание слов. Материалом для этого исследования послужили результаты прямого эксперимента по тестированию словарного знания 12-ти носителей русского языка одной возрастной и образовательной группы (студенты 3–5 курсов 20–25 лет филологического факультета МГУ). «Список слов для тестирования был составлен на основе равномерно-случайной выборки (каждое очередное 100-е слово) из «Сводного словаря современной русской лексики» под ред. Р.П. Рогожниковой (1991) общим объемом в 165 тыс. слов. Список содержит 1651 слово, каждое из которых каждый из участников эксперимента классифицировал по предложенным в анкете принципам, исходя из своих представлений об УПОТРЕБЛЕНИИ, ПАССИВНОМ ЗНАНИИ ИЛИ ПОЛНОМ НЕЗНАНИИ каждого тестового слова в собственной речевой практике» [Поликарпов, 2012].

Ниже публикуются дальнейшие результаты анализа собранного под руководством А.А. Поликарповым материала по тестированию словарного знания носителей русского языка. В продолжение начатой им работы число анализируемых тестов было расширено с 12-ти до 70-ти. Исследование проводилось по разработанной А.А. Поликарповым методике и на том же списке слов. Состав слов был, однако сокращен с 1651 до 1334, поскольку в ответах на целый ряд тестов была обнаружена неполнота и ошибки, не позволившие полноценно работать с ними.

На основе полученных данных хорошо прослеживается динамика сужения площади пересечения индивидуальных знаний словаря при увеличении числа сопоставляемых индивидуальных активных словарей испытуемых – от 2 до 70 человек (см. рис. №1).

Рисунок 1. Динамика сужения площади пересечения индивидуальных активных словарей при росте числа словарей

Рисунок 2. Динамика сужения площади пересечения индивидуальных пассивных словарей при росте числа словарей

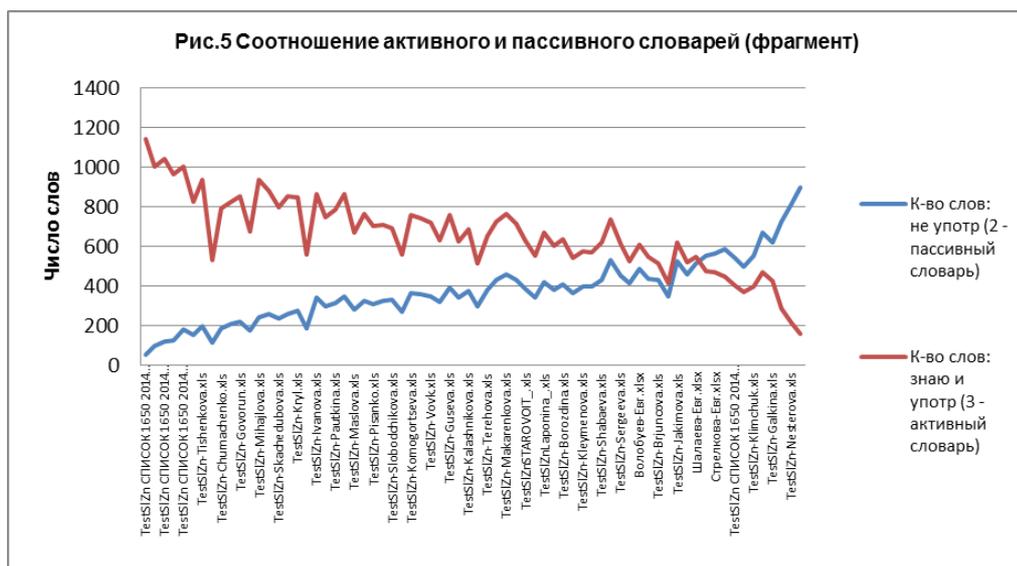

Как следует из рис. 1–4, величина общего словаря (активного – «знаю и употребляю», пассивного – «знаю, но не употребляю», негативного – «не знаю», полного – сумма активного и пассивного словарей) при росте числа сопоставляемых словарей постоянно замедляется. При этом наблюдаются существенные различия между разными «слоями» индивидуального словаря.

Как видно из графика на рис. 2, пределом пересечения пассивных словарей является нулевой «общий пассивный словарь». В то же время активный словарь до нуля не падает и стабилизируется на 69-ти испытуемых. То есть подтверждается вывод А.А. Поликарпова о том, что «разнообразие индивидуальных пассивных словарей существенно больше, чем активных, что и даёт даже при небольшом числе испытуемых нулевое пересечение» [Поликарпов, 2012]. Нулевое пересечение, но гораздо «позже», даёт и негативный словарь. Особое поведение активного словаря имеет системное объяснение – «индивидуальные активные словари (в отличие индивидуальных пассивных) находятся в интенсивном взаимодействии, что и ведёт к их постоянному взаимоподоблению (препятствующему их «разбеганию» под влиянием разнообразия условий и целей их использования своего языка), к поддержанию определённой степени общности активной части индивидуальных словарей в обществе. Их пересечение никогда не может быть нулевым, т. к. активные индивидуальные словари – основа взаимопонимания членов общества [Поликарпов, 2012].

В связи с выводом, полученным при соотношении активного и пассивного словаря личности, можно было предположить, что пассивный словарь в целом должен быть больше по объёму, чем активный. «Активная часть индивидуального словаря – это то, что используется носителем из всего этого словаря в продуктивной фазе общения – при говорении и писании в адрес партнёра по общению. Пассивная часть индивидуального словаря – это то, что используется носителем из всего этого словаря только в рецептивной фазе общения – при слушании и чтении текстов, обращённых к нему. Причём, активная часть индивидуального словаря в норме всегда меньше по объёму, чем пассивная. Это объясняется тем, что пассивная часть формируется включённостью члена общества в большее число разных актов общения с разными людьми разных индивидуальных и групповых интересов (и поэтому восприятием и отображением в каждом пассивном индивидуальном словаре большего числа разных употреблённых другими слов), чем это происходит при формировании активной части его индивидуального словаря как отображение его собственной практики говорения или писания. Активная часть словаря формируется более узкой, менее разнообразной продуктивной активностью каждого индивидуума в коммуникации.

Однако и результаты, приведенные в [Поликарпов, 2012], и наши данные показывают, что здесь наблюдается противоположное явление: только у 11 из 70-ти испытуемых объём пассивного словаря превышает объём активного словаря (см. рис. 5).

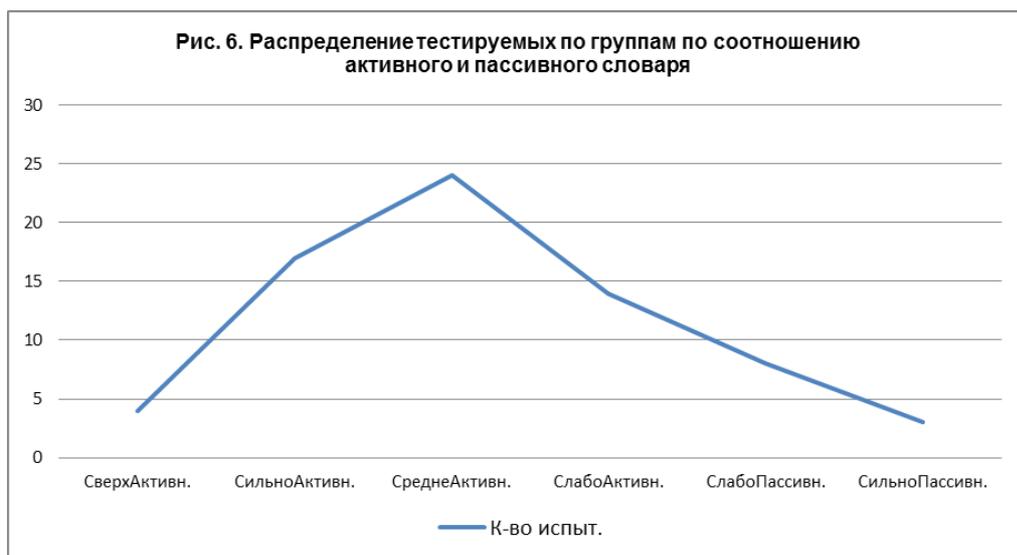

Сопоставление объемов активного и пассивного словарей показывает, что в этом отношении испытуемых можно разделить на группы, представленные в табл. 1.

Таблица 1. Группы по соотношению объема активного и пассивного словаря

Группа	К-во испытуемых	Разница в соотношении словарей
СверхАктивные (самое сильное превышение объема акт. словаря над пассивным)	4	21–8 раз
СильноАктивн (сильное превышение объема акт. словаря над пассивным)	17	6–2,5 раз
СреднеАктивн (среднее превышение объема акт. словаря над пассивным)	24	2,4–1,5 раз
СлабоАктивн (слабое превышение объема акт. словаря над пассивным)	14	1,5–1,1 раз
СлабоПассивн (слабое превышение объема пасс. словаря над активным)	8	1,5–1,2 раз
СильноПассивн (сильное превышение объема пасс. словаря над активным).	3	6–2,5 раз

На рисунке 6 количественное соотношение представителей разных групп представлено в виде графика.

Огромное количественное различие в соотношении активного и пассивного словаря у разных индивидов при явном преобладании тестируемых с большим объемом активного словаря требует дальнейшего осмысления. Очевидно, что граница между «употребляю» и «не употребляю» очень размыта. Это такой критерий, который сам говорящий далеко не всегда в состоянии оценить объективно. В этой ситуации испытуемый может выбирать разные линии поведения при выполнении теста. Можно предположить, что наибольший разрыв между объемами активного и пассивного словарей наблюдается у тех испытуемых, которые стремятся действовать последовательно, реализуя какую-то одну стратегию при выборе ответа. На признаки наличия таких стратегий может указывать тот факт, что объем полного словаря при этом у представителей разных групп отличается не столь значительно. Ср., например, данные в табл. 2.

Таблица 2. Данные о соотношении объемов словарей представителей разных групп

Номер испытуемого	Объем пасс. словаря (в словах)	Объем активного словаря (в словах)	Объем полного словаря (в словах)
40 (сверхАктивн)	901	156	1057
52 (сильноПассивн)	98	1007	1105

Полученные данные позволяют оценить количество и состав слов списка, которые могут быть включены в «ядро» активного, пассивного, негативного

и полного словаря. Это такие слова, которые получают одинаковые ответы у наибольшего числа испытуемых, желательного у всех. Объем ядер существенно различается:

Активный словарь	число слов, которые знают и употребляют все: 25; 70–65 человек знают и употребляют: 198.
Пассивный словарь	число слов, которые знают, но не употребляют все: 0. Максимум – 59 человек. 59–50 человек знают, но не употребляют: 16.
Полный словарь	число слов, которые знают все: 298. Слов, которые знают 70–65 человек: 672.
Негативный словарь	слов, которые не знают все: 1 (поемок). Слов, которые знают 70–65 человек: 41.

Интервал колебаний величины словаря одного типа у испытуемых достаточно велик. При этом средний объем словарей разных типов, как это видно из таблицы 3, существенно отличается.

Таблица 3. Колебания и средний объем словарей

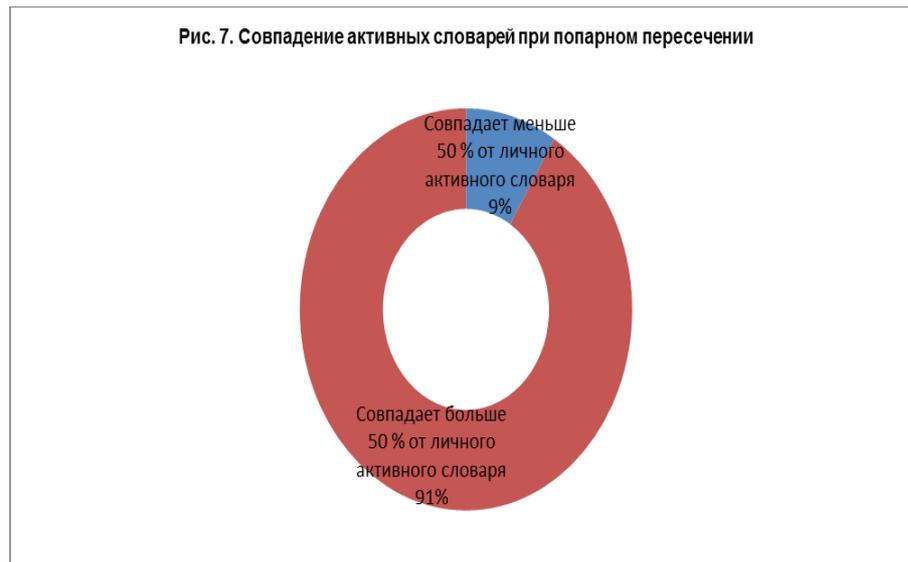
Тип словаря	от	до	Средний объем
Величина активнословаря колеблется от	156	1144	662
Величина пассивного словаря колеблется от	54	901	373
Полный колеблется	640	1269	1035
Негативный колеблется	66	695	298

А.А. Поликарпов обращал особое внимание на необходимость исследования степени совпадения и индивидуальных словарей. Парное сравнение показало, что количество «пересечений» при парном сравнении сильно колеблется (см. табл. 4).

Таблица 4. Колебания сходства словарей при парном сравнении и среднее количество совпадений

Количество совпадений колеблется	от (слов)	до (слов)	Средн (слов)
Активный словарь	992	82	478
Пассивный словарь	661	3	150
Негативный словарь	482	23	176
Полный словарь	1045	190	629

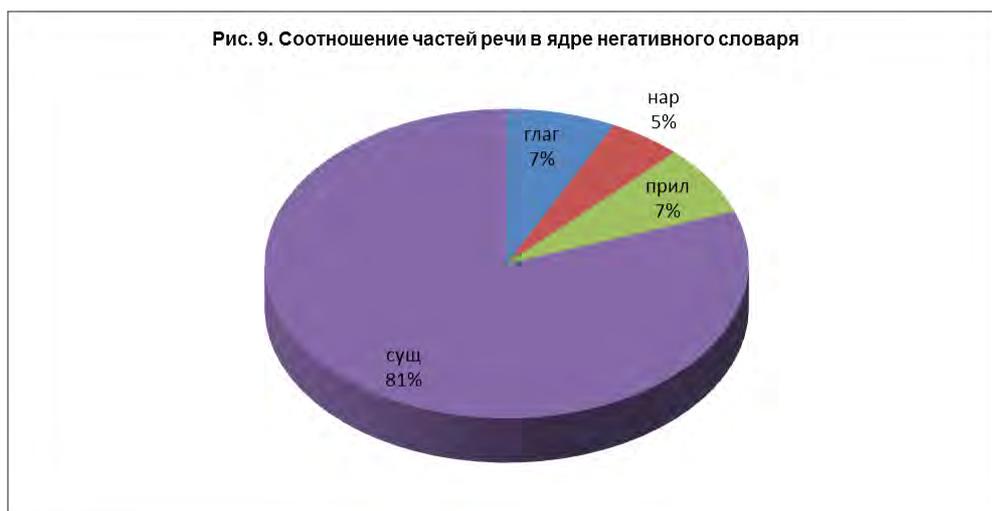
На основе анализа первичных данных А.А. Поликарпов он высказал предположение о том, что «попарное пересечение активных словарей редко содержит в себе менее 50% слов от каждого из сопоставляемых индивидуальных активных словарей» [Поликарпов, 2012]. Это предположение полностью подтвердилось. При попарном пересечении 70-ти испытуемых менее 50 % совпадений было отмечено лишь в 430 случаях (50% и более – в 4400 случаях). Данное соотношение отображено на рис. 7.

А.А. Поликарпов интерпретировал данное явление следующим образом: «это свидетельствует о том, что на уровне индивидуальных активных словарей полноценные носители современного русского языка (одной и той же социальной группы) весьма близки друг к другу. Наличие высокой степени сходства между активными индивидуальными словарями определяет возможность высокой степени взаимопонимания в общении для носителей русского языка.»

Предложенный в [Поликарпов, 2012] системный подход к анализу лексики предполагает исследование не только ее состава и представленности в индивидуальных лексиконах, но и различных характеристик – части речи, полисемия, семантический тип, стилистические особенности. Их оценка с точки зрения степени представленности в лексическом ядре языка и в индивидуальных словарях – особое направление системного исследования лексики, способное дать интересные результаты. Так, подтвердился предварительный вывод А.А. Поликарпова о разном соотношении разных частей речи в активном и негативном словарях. В ядре активного словаря доля существительных существенно меньше, чем в ядре негативного словаря – в последнем их

доля возрастает с 48% до 81%; доля же наречий в активном ядре вдвое выше, чем в негативном (см. рис. 8, 9).

В целях снятия вероятности появления возможных ошибок при тестировании языкового знания (замена слов, выбор нескольких вариантов для одного слова) было принято решение о создании приложения для тестирования языкового знания и определения индивидуальных словарей тестируемой личности. При разработке визуальной оболочки мы опирались на идеи А.А. Поликарпова, касающиеся устройства «анкеты испытуемого» и методики проведения тестирования. Изначально материалом для испытаний служил файл табличного формата (Microsoft Excel, OpenOffice Calc), в котором был представлен список из 1650 слов и матрица из трех столбцов с ячейками для заполнения выбранного варианта, относящегося к слову (УПОТРЕБЛЯЮ, ЗНАЮ, НЕ ЗНАЮ). Матрицу со значения-

ми предваряла анкета для данных об испытуемом (подробней см. отчет РГНФ-2013, проект №12-04-00405а, стр. 8–9).

Первоначальная идея построения приложения заключалась в создании кросс-платформенного приложения на языке программирования Python для использования на любых видах операционных систем. Распространять приложение предполагалось через электронную почту и интернет-сайт лаборатории. Следующим этапом развития проекта стало решение о создании интернет-версии приложения, общедоступной со специально созданного сайта, что и было реализовано. Система тестирования доступна по адресу <http://humlang.ru/lc>.

Структура приложения и алгоритм взаимодействия с ним испытуемого выглядит следующим образом (рисунок. 9).

Рисунок 9. Алгоритм взаимодействия испытуемого с системой тестирования

На начальной странице предлагается выбрать действие, начать тестирование или продолжить (рис. 10). При выборе начала тестирования новому испытуемому предлагается пройти регистрацию. В основе выбора данных для анкеты испытуемого лежит предложенный А. А. Поликарповым вариант, редуцированный и позже дополненный несколькими типами данных. Впоследствии эти данные будут использованы при расширенном анализе результатов тестирования. Они могут влиять на выводы о языковом знании испытуемого. Полный список данных для регистрации приведен на рисунке 11.

Рисунок 10. Главная страница интернет-версии приложения для тестирования

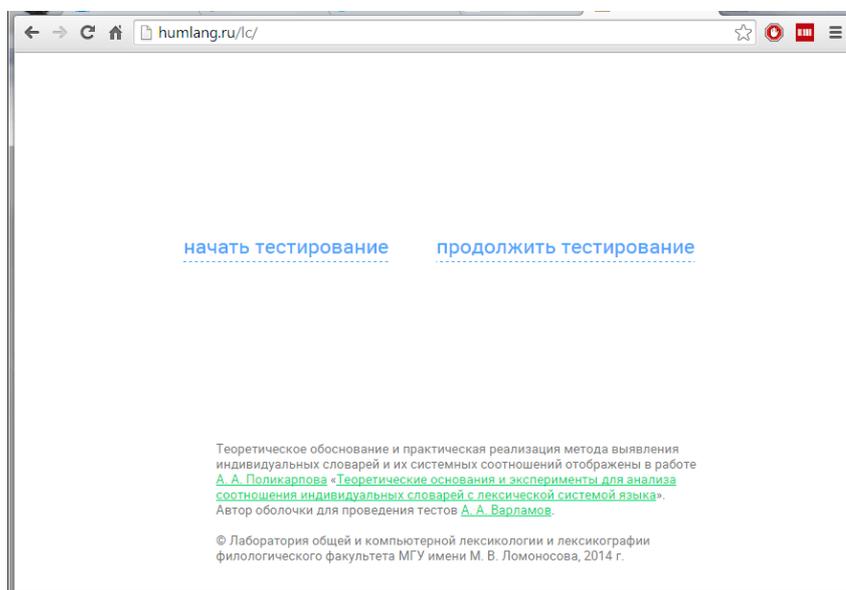
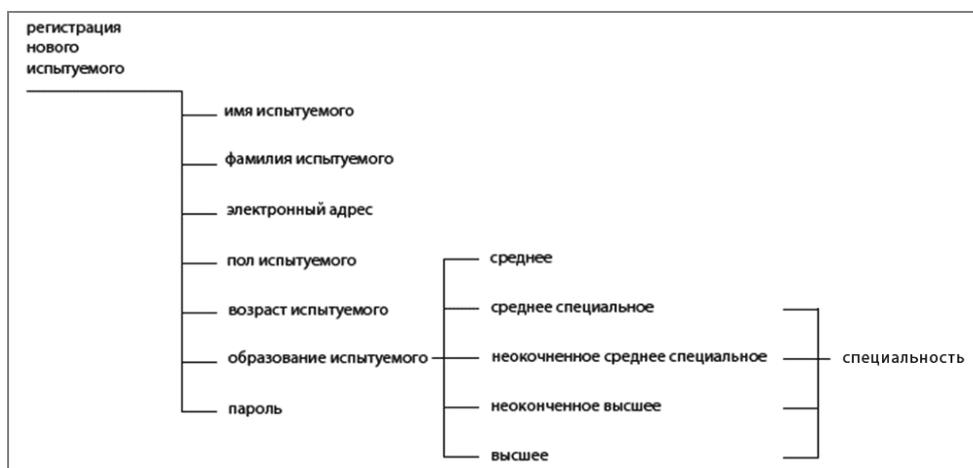
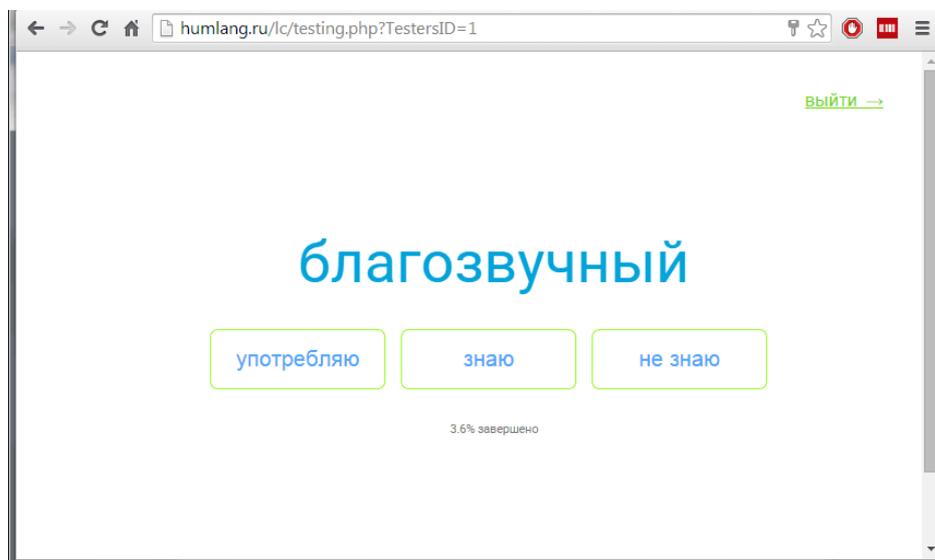

Рисунок 11. Данные для регистрации нового испытуемого, используемые в дальнейшем анализе

После прохождения регистрации испытуемый получает возможность сразу начать тестирование. Первоначально слова выдавались порциями по 30 слов на одной странице. Однако после ряда внутренних испытаний приложения было решено выдавать их пословно. Обнаружилось, что это существенно повысило скорость тестирования. Пример слова и выбора вариантов представлены на рисунке 12.

Рисунок 12. Пример страницы тестирования

Процесс тестирования можно прервать, для этого достаточно выйти из сессии, нажав в верхнем правом углу элемент «выйти». Для продолжения тестирования потребуется авторизоваться в приложении, выбрав на главной странице вариант «Продолжить тестирование», и ввести электронный адрес в качестве логина и пароль. При авторизации пользователь получает скрытый уникальный идентификатор сессии, что исключает возможность вмешательства в процесс параллельного участника. В данный момент через приложение ведется накопление материала для проведения анализа и выдачи заключений о языковом знании испытуемого.

Разрабатывавшееся А.А. Поликарповым направление имеет большую теоретическую и практическую значимость, и эти исследования будут продолжены в созданной им Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ.

Литература

Ожегов С.И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // ВЯ. 1952. №2.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 9-е изд. М., 1972, 848 с.

Поликарпов А.А. Элементы теоретической социолингвистики. М.: Изд. МГУ, 1979. 163 стр.

Поликарпов А.А. Системно-квантитативный подход в лингвистике // Научные школы в лингвистике. Смоленск, 2007.

Поликарпов А.А. Элементы теоретической социолингвистики. М.: Изд. МГУ, 1979. 163 стр.

Поликарпов А.А. Полисемия: системно-квантитативные аспекты // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов. Тарту, 1987 (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 774).

Поликарпов А.А., Крюкова О.С. О системном соотношении краткого и среднего толковых словарей русского языка // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов. Тарту, 1989 (Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 872).

Поликарпов А.А., Курлов А.А. Стилистика, семантика, грамматика. Опыт анализа системных взаимосвязей (По данным толкового словаря) // ВЯ. 1994. №1. С. 62–75.

Поликарпова А.О., Поликарпов А.А. Опыт изучения уровня и характера индивидуального знания русской лексики // Квантитативные аспекты системной организации текста: Материалы Межвуз. семинара. Тбилиси, 1987.

Поликарпов А.А. Закономерности активного и пассивного знания и незнания лексической системы русского языка московскими студентами // «Образ России и россиянина в словаре и дискурсе: когнитивный анализ. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвящённой юбилею заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Л.Г.Бабенко 29.09–1.19.2011 г. Екатеринбург, Россия. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2011.

Поликарпов А.А. О системном соотношении активной части словарного сознания индивидуума и общества // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Кемерово, изд-во Кемеровского гос. университета, 2013 (в печати).

Поликарпов А.А., Марк Руиз-Соррилья Крусате. Трехчастная типология толковых словарей С.И.Ожегова в системной перспективе // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013. №5.

Поликарпов А.А. Теоретические основания и эксперименты для анализа соотношения индивидуальных словарей с лексической системой языка. 2012.

(http://www.philol.msu.ru/~lex/pdfs/polikarpov_2012_2.pdf)

Рогожникова Р.П. Сводный словарь современной русской лексики: В 2 т. М., 1990.

Савчук Л.О. Системные соотношения словаря общества и словаря индивида (с точки зрения активного и пассивного словарного запаса): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 1997.

Словарь-тезаурус синонимов русской речи / Под ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007.

Сведения об авторах:

Ольга Владимировна Кукушкина,
докт. филол. наук
профессор

Александр Александрович Варламов
инженер-программист

Екатерина Владимировна Суровцева
канд. филол. наук
научн. сотрудник

Елена Федоровна Пирятинская
мл. научн. сотрудник

филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ol'ga V. Kukushkina,
Doctor of Philology
Professor

Alexander A. Varlamov,
Software Engineer
Ekaterina V. Surovtseva,
Candidate of Philology
Research Associate

Elena F. Pyryatynskya,
Research Associate

Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Ж. Панина, О. Николаева

Фонотека архангельских говоров: реставрация и расшифровка

Аннотация: Один из центров исследования русских говоров – Кабинет диалектологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Более пятидесяти лет коллектив кабинета производит сбор материала для «Архангельского областного словаря» – одного из крупнейших диалектных словарей в мире. На сегодняшний день фонотека архангельских говоров насчитывает около 2000 часов звучания живой диалектной речи, оцифровка и расшифровка которых позволяет ввести в научный оборот ранее неизвестный уникальный диалектный материал, что способствует сохранению народной русской культуры.

Ключевые слова: диалектология, культура, Архангельский областной словарь, северные говоры, Русский Север

Указом Президента Российской Федерации от 22 апреля 2013 г. №375 в 2014 г. в Российской Федерации проводится Год культуры в целях привлечения внимания общества к вопросам развития культуры, сохранения культурно-исторического наследия и роли российской культуры во всем мире. Фонотека архангельских говоров по праву может считаться собранием уникальных записей культурно-исторического характера.

Русская диалектология в последние десятилетия переживает необыкновенный подъем. Существует большое количество исследовательских центров (в Москве, Санкт-Петербурге, Саратове, Вологде, Екатеринбурге и др.), занимающихся изучением народного языка и культуры. В условиях продолжающейся тотальной глобализации и урбанизации, исчезновения деревень, резкого сокращения деревенского населения, отказа молодого поколения говорить на материнском языке особенно актуальной выглядит задача сохранить уже записанную на аналоговые и цифровые носители речь прошлых поколений. Сохранение уникального диалектного материала и введение его в научный оборот может послужить базой для исследований современной лингвистики: лингвистической географии, культурологии, лексической семантики, этнолингвистики, фонетики, грамматики, словообразования и проч. Материалы, хранящиеся в фонотеке архангельских говоров, представляют собой го-

лоса ушедшей эпохи, отражают факты духовной культуры нашего народа. Каждое слово несет в себе особое миропонимание и может стать новым фактом в изучении народной картины мира. В аудиозаписях зафиксированы уникальные фонетические и грамматические явления, часто давно исчезнувшие не только в литературном языке, но исчезающие и в современных говорах. Сохранение путем реставрации такого материала – первоочередная задача научной общественности.

Фонотека архангельских говоров представляет собой собрание аудиозаписей с 1957 г. до настоящего времени. По предварительным оценкам, фонотека насчитывает около 2000 часов звучания. Записи велись и продолжают вестись силами преподавателей, студентов и сотрудников филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова во время диалектологических экспедиций в Архангельскую область. Целью экспедиций является сбор материалов для «Архангельского областного словаря» – одного из крупнейших диалектных словарей в мире. С 1957 по 2009 г. записи производились с помощью катушечных магнитофонов на такие носители, как бобины, кассеты и компакт-кассеты, и лишь с 2009 г. все записи ведутся на цифровые носители. Ежегодно фонотека пополняется на несколько десятков часов записей диалектной речи.

Грант РГНФ дал возможность осуществить реставрационные работы аудиозаписей, выполненных в период с 1957 по 1970 г.

На конец 2014 г. выполнен следующий объем работ:

В цифровой вид переведены аудиозаписи 1957–1964 гг. Оцифровка была проведена с магнитной ленты. Совокупная длительность звучания оцифрованных аудиозаписей составила около 50 часов.

Каждая оцифрованная запись была паспортизирована, указывалась следующая информация:

1. район и населенный пункт (деревня) Архангельской области, где осуществлялась запись; год записи;
2. ФИО информанта и сведения о нем: год и место рождения, уровень образования, профессия;
3. ФИО лица, производившего запись, либо ФИО руководителя экспедиции;
4. отмечены основные темы бесед;
5. отмечено первоначальное техническое состояние записи.

Существенная часть аудиозаписей была расшифрована в фонетической транскрипции, принятой в «Архангельском областном словаре». Файлы с транскрипцией также снабжены необходимыми «паспортами» с пометками об основных темах бесед.

Оцифрованные записи сохранены на компьютере и систематизированы:

- 1) аудиофайлы рассортированы по годам, в которые была произведена запись;
- 2) внутри папки с названием года находятся папки:
  - с названием района записи;
  - пункта записи;

– номерами, соответствующими первоначальному номеру кассеты;

3) аудиофайл и его паспорт получают одинаковое название, различаясь только расширением, т.е. типом файла (mp3 или wav, doc или docx), что сделано для удобства навигации.

Примеры расшифровки диалектных аудиозаписей

Выращивание зерновых

Антонина Дмитриевна Прыгунова, 1899 г.р.

Приморский район, д. Зимняя Золотица.

Запись 1964 г.

Ну весна придёт, ну вот как скажут, Йегорий вот у нас праздник, это в апреле месяц"е, двасать третьюево Йегорью живёт по старому ц"ислу, ну вот поля посьпевают у нас, веть иш, в горах они, вот посьпевают поля. Вот нац"инают с Йегорья уш орац" зёмлю, зорют, потом пос"еют, заборонят, у нас и сохи, бороны были фсе то ф хозяйстве вить, сохи и бороны, фсе было, ф хозяйстве фсе было. Ну вот и посеют и жыто и фсе ф порятки, а потом оно вот уж ы и поспевать нац"ьнет вот в ыюли месеци, зац"нем билить, вот ф ц"елпанах оно дак. В этих ц"еупанах понемножку так, такима плафчинками, забилеет уш жыто, зац"нет поспевать уш колос. И вот уш и вавгусьте-то уш, ну... с перво аугуста уш начинают жать у нас, по старому цислу, первого аугуста нацинают жать уш, жатва. А некоторые ишо и ф конце июля нацинаут, поспеват хорошо, йежели лето ведрено да хорошо да.

О рыбном промысле

Фотий Федорович Шibaев, 1902 г. р.

Приморский район, д. Зимняя Золотица.

Запись 1963 г.

Тогда орудья лова стало лучше, значит, государство стало давать через колхозы, частые снасти стали, мелкую рыбу, сельдку ловить, кореха, а то раньше плохо было, рожэшку зделают там каку-нибудь одну, и больше ничего да тайник. Тайник кое-как стоит, плохи снасти раньше были. Ну вот уш с двасать девятого года снасти направились, оцено хорошие. И семга, семгу ловили, оцено хорошо, и мелкой рыбой, сельдку ловили крепко. Когда походы только считали. От перво залетка семга была, потом, значит, нижонка, эта нижонка вот идёт, так двенацатого... зь десятого июля и по пятнацатое, а с пятнацатого пойдёт уже рыба крупнее. А дваца... перво аугуста пойдёт уш чёрная рыба, самая крупная, от тогда на этой-то рыбы заходит помногу, семга больша, крупная. От так, значит, промышляли. А потом, значит, вот уже в сороковы годах стали уже гиганты. От тогда жбсь ишшо кверху пошла. Больше бригады стали, и семгу ловили лучше. А раньше, значит только в берешку самом ставили, а сейчас на глупь отходили и больше брали семги.

Сплав леса по реке

Анна Васильевна Шлыкова, 1895 г.р.

Няндомский район, с. Верола.

Запись 1962 г.

Сплáв гóнят, э́ти плотки́ бьют, идёт лёс когда́, лес' по речке́ вот по на́шэй, у на́с Лепша́ речка́ называ́йецэ. И лёс пла́вят, идёт вот фós – ска́, ну́, с хвостом топе́рь идут, хвостом. Хвостом э́то идут, лёс весь догоня́ют. Ужэ́ там посьле́дние брѣвна́ плыву́т, э́то называ́йецэ фós – сперва́ харце́ва́ плывѣ́т, э́та харце́ва́ плывѣ́т, тако́е зьби́то ис те́су, тако́й се́ прикрýто, сьперва́ тако́й плóт, плóт бревѣ́нцаной – сплoцѣно́ брѣвна́, и потóм он сьвѣрху́ и прикрýт, и двѣ́ри зьдѣ́ланы. И та́м продúкты. От о́ни по речке́-то и плыву́т, ить мóжэд бѣ́ть, и ни́дѣ́ля приде́це плѣ́ть. Как сплáф пойдѣ́т - у на́с поро́ги быва́ют, и ф поро́гах в э́тих быва́ют ф поро́гах и залóмы. Ну́, приста́нет бревна́ два-три́ и к э́тому потóм наста́ет и ўжас ско́ко брѣвѣ́н! Та́м до ты́сеци брѣвѣ́н наста́ет, наста́ед до са́мого туды́ дна́, концѣ́ми.

После завершения описанной подготовительной работы планируется создание Базы данных, которая объединит аудиозаписи и их расшифровки. При работе с Базой пользователь сможет искать нужный материал по годам, населенным пунктам, фамилии собирателя и исполнителя, темам беседы. Для тематического поиска будет разработана система тегов, которые будут прикреплены к каждому звуковому и текстовому файлу.

Расшифровки диалектных текстов, а также База данных будут использованы в качестве учебных материалов к занятиям по русской диалектологии для студентов филологических факультетов; в качестве иллюстративного материала для словарных статей «Архангельского областного словаря»; в курсовых и дипломных работах студентов, для написания научных работ, в диссертациях аспирантов и докторантов. В планах Кабинета диалектологии также подготовка «Фонохрестоматии архангельских говоров».

Сведения об авторах:

Жанна Александровна Панина,
преподаватель;

Ольга Николаевна Николаева,
специалист по учебно-методической работе

филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Jeanne A. Panin
Lecturer;

Olga N. Nikolaeva,
Specialist teaching work
Philological Faculty

Lomonosov Moscow State University

А. Балашова

**«Павлушкины силья» и «ногти за пазухой»:
эсхатологические предсказания
и представления о загробной жизни
(по материалам архангельских говоров)**

Аннотация: В статье рассмотрены тексты, в которых отражены некоторые представления жителей архангельской деревни о конце света и о загробном мире.

Ключевые слова: эсхатологические легенды, конец света, война

Abstract: The analysis of the folk texts from the Arkhangelsk village concerning the afterlife were reflected.

Key words: eschatological legends, apocalypse, war

В современной архангельской деревне диалектологи и фольклористы регулярно записывают эсхатологические легенды, т. е. легенды о конце света. «Подобно апокрифам, народные легенды стараются дать объяснения тем эпизодам Священного Писания, которые, с точки зрения читателя или слушателя, нуждаются в более подробном изложении»¹.

Согласно предсказаниям конец света или не так давно прошел (имеются в виду трагические события II Мировой войны), или только начинается, его причины или не названы, или объясняются стремительным развитием техники (изначально связанной в народном сознании с колдовством, помощью дьявольских сил), что нередко отождествляется с нравственной деградацией. Эсхатологические предсказания связаны с упоминанием железных птиц; паутины, опутывающей все небо; множества трупов; времени, когда живые будут завидовать мертвым.

Было время, в этих книгах, в этих старинных-то книгах было описание, что в небе будут летать железные птицы, в книгах пророческих-то было написано [*Р.С. Грязнова*].

---

¹ «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды / Сост. и коммент. О.В. Беловой; Отв. ред. В. Я. Петрухин. М.: Индрик, 2004. С. 8.

Раньше у нас дедушко читал книгу, говорит; раньше самолеты не летали, – говорит, – силья павлушкины будут¹, птички летать будут – вот самолеты... [*П.П. Назарова*].

Дедушко говорил: «По небу как павлушкины силья будут», – про вода-ти снова везде направили. Так вот и «птички-ти летать будут» – вот самолёты-ти стали летать. Это дедушко у меня в книге читал». «Ну, это не сам дедушка говорил, а в книгах писали: небо будет запутано паутиной – провода. И вместо ламп керосиновых будут электрические лампочки, ну дак горят. А дедушка говорил: может, брехня [*Р.А. Ляпунова*].

– А не говорили, что будет время, когда полетят железные птицы?
– Говорили тоже. А они – оба дедушки – вместе собралися и говорят они – да было это, наверно, ишэ до революции. Они говорят, что придет вот тако время – будет, говорит, вся деревня будет обмотана павковым силом. Павково сило – вот эти столбы-ти связи, видите, видите – все эти провода. А в городе ведь, смотрите, все ведь и вот, говорит, будет всё павковым силом. Павково – это насекомое такое. И будет, говорит, вот такое время, что, говорит, но нас в то время не будет, а будут внуки и правнуки – это время застанут. И будет, говорит, село всё освещаться. Правильно – электричество-то всё. А железные птицы будут летать – будут железные птицы – самолёты.

– А про конец света говорили?

– Нет, про конец света не слыхала. [*Н.И. Грязнова*]

Пророчество об огромной паутине и железных птицах связано с апокрифами. По одной из версий некоторые писания (апокрифы) были исключены из Библии. По другой, появились после создания официального канона. У нынешних представителей старшего поколения, незнакомых со Священным Писанием или уверовавших в Бога в последние годы, «Библия» – любая большая книга. «Целу Библию-то написала», – говорили они о рабочей тетради диалектолога.

А это про железных-то пав два дедушки сидели и между собой разговаривали. Один говорит: «Да, придёт время – будет всё село, наша деревня, обмотано павковым силом. А я ещё спросила, что такое павково сило – а это провода. Это – мухи попадут в которое – павково сило. И будут железные птицы летать». Вот так. [*Н.И. Грязнова*]

– А про железных птиц говорили старые люди?

---

¹ Павлушко – паук. Павлушкины силья – паутина.

– Говорили, девчата, говорили: это всё было говорёно, но такого вот не было, что конец света настанет, просто предсказание, что вот там. Были Библии, старинны были Библии, так, но не разглашали, хранили, у нас тоже была Библия у отца. Так он, когда читал, говорит: «Будет такое время – будут железные птицы», будут, ну, не провода, а сілья – провода называли. Вот сілья – всё будет шас обмотаны, теперь эдак – всяки провода, и телефонов – связи дак. Уже тогда предполагалось – может, до девятьсотого года.
[А.Я. Елукóва]

В «Апокалипсисе» говорится о вышедшей из дыма саранче, причиняющей вред людям. «По виду своему саранча была подобна коням, приготовленным на войну; и на головах у ней как бы венцы, похожие на золотые, лица же ее — как лица человеческие...» (Откровение Иоанна Богослова 9:7). Возможно, образ страшной саранчи связан в народном сознании (прежде всего, у старообрядцев) с образом самолёта, особенно если учесть, что поезда, автомобили, самолёты и прочие средства передвижения зачастую рассматриваются как подобие человека (часть корпуса – голова, симметрично расположенные фары – глаза и т. п.) или антропоморфного существа. Не случайно первые поезда и самолёты неграмотное население воспринимало как чудовищ.

Конец света связан и с апокалиптическим образом карающего огня, который проявляется в народной традиции.

Откровение Иоанна Богослова	Народная традиция
<p>7. Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть дерев сгорела, и вся трава зеленая сгорела. 8. Второй Ангел вострубил, и как бы большая гора, пылающая огнем, низверглась в море; и третья часть моря сделалась кровью, 9. И умерла третья часть одушевленных тварей, живущих в море, и третья часть судов погибла. 10. Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод (Откровение Иоанна Богослова 8: 7–10). 14. И смерть и ад повержены в озеро огненное. Это смерть вторая. 15. И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное (Откровение Иоанна Богослова 20: 14–15).</p>	<p>Бабушка Варя говорила. Будет руководить страной Мишка Меченый, сгорит всё на земле, люди будут искать друг друга за тысячи километров и будут рады любому существу. Ванга то же сильно предвещала [Р.А. Кирина]. Здесь речь идет об одном из предсказаний (1989 г.): «Страх, страх! Братья американские падут, заклеванные птицами железными. Волки завоюют из куста, и кровь невинная прольется рекой»¹. В наши дни эти слова связывают с рухнувшими в 2001 г. башнями-близнецами.</p>

¹ Худиев С. Как относиться к болгарской предсказательнице Ванге // Возвращение к Богу <http://www.kbogu.ru/showquestion.php?id=25258>

Представления о конце света связаны с нарушением кодекса нравственности. Информант вспоминает, что ее бабушка-староверка говорила:

Буде время – будут летать огнены змеи, земля буде скована, земля буде окутана проводами; у жены буде семь мужей, а у мужа семь жён, буду живы мёртвым завидовать. Может, вы не доживёте, а ваши дети или внуки доживут. Природу всю растыкали: небеса.
[З.А. Кокорина]

Слова о том, что живые будут завидовать мертвым, связаны с «Апокалипсисом». Тема блуда и наказания за него также звучит в «Откровении Иоанна Богослова».

Откровение Иоанна Богослова	Народная традиция
6. В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них (Откровение Иоанна Богослова 9: 6). 8. И другой Ангел следовал за ним, говоря: пал, пал Вавилон, город великий, потому что он яростным вином блуда своего напоил все народы (Откровение Иоанна Богослова 14: 8). 1. И пришел один из семи Ангелов, имеющих семь чаш, и, говоря со мною, сказал мне: подойди, я покажу тебе суд над великою блудницею, сидящею на водах многих... (Откровение Иоанна Богослова 17: 1).	Всё будет запутано в проводах, будут ждать, что жить будет всё лучше и лучше, а жить будет всё хуже и хуже. Доживёте до того, что голы ходить будут: голы задницы сверкают. – А про железных птиц бабушки говорили? – Говорили. Всё будет запутано в проводах каких-то. А у нас сбывается всё. Они говорили, что предсказывали это всё. Что вы будете ждать жизнь-то лучше, лучше, а будет становиться всё хуже и хуже. А она – так и сбывается. Говорит: ведь доживёте до того, что люди-то ведь будут голыми ходить. Точно – задницами трясут, все голы ходят, наголец, что ты. Чё это такое? Что, людей не видали что ли? Телевизор-то во! Ни рубашки, ни майки, один пиджак на голое тело надет – и думают, что хорошо. [Н.В. Ляпунова]

Ухудшение жизни архангельской деревни (отсутствие навигации, прекращение работы малой авиации, отключение радио) также связывается в народном сознании с грядущим концом света.

Это сейчас радиво нет – как до первобытны люди: всё ржаво, всё дохло. [Ф.Ф. Сяукова]

С концом света сравнивается Великая Отечественная война. Происходящее на фронте в воспоминаниях, мемуарах, художественных произведениях нередко называется адом. Неожиданные изменения погоды и неурожай у жителей деревень Архангельской области ассоциируются с началом войны. И в «Апокалипсисе» рассказывается о природных катаклизмах, предшествующих второму пришествию Христа.

Откровение Иоанна Богослова	Народная традиция
12. И когда Он снял шестую печать, я взглянул, и вот произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь. 13. И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои (Откровение Иоанна Богослова 6: 12, 13). 18. И произошли молнии, громы и голоса, и сделалось великое землетрясение, какого не бывало с тех пор, как люди на земле. (Откровение Иоанна Богослова 16: 18).	Я с ребятами водилась (т. е. нянчилась). Матери надо помогчи: ребята орут. Я уехала там в Зубову ягоды рвать. Везде надо помочь, ой, тяжело было нашему детству. Ой, а погода началась – не видно свету белого (в годы войны). Я вот за эти годы такой погоды не видала. Много погибло у нас – страшно дело. Проклятый Гитлер начал войну. А щас всё пыжатся, что тяжело им. Всё равно начал войну, зараза такой. А теперь, быва, не так жили, были б эти мужики все живы. [В.А. Киселёва]

Плохая погода ассоциировалась с событиями на фронте.

Они тоже цё-то предвещали: железные кони летать будут – войну-то и ворожили они. Теперь спомнишь – беда, страшно дело. Радёхонькие – где наши победят: из радио-то говорят – слышишь. Столько народу погубили. Войну опять скумекают – не дай Бог. Много-то погибло – с ума сойти. Да, всё прожили. Если опеть случится (война), то ребята-то опеть всех выловят. Солому толкли – ступа говорит. Худо было жили-то. Вечером пойдёшь – дак только ступы говорят в домах – режут. Мужиков-то у нас угнали всех. Ну, говоря, погода худа – не вернуться мужики с фронта. Страшно, девки, не дай Бог – чтобы не было такого. [В.А. Киселёва]

В фольклоре конь считается хтоническим животным, т. е. образ коня связан с похоронными ритуалами, переносом в загробный мир, известна «амбивалентность образа коня как посредника между «тем» и «этим» мирами и одновременно как символа небесной сферы»¹. В то же время конь является одним из солярных знаков: на крышах домов в архангельской деревне и на прятках по-прежнему можно увидеть его изображение. «Железные кони» отсылают и к образам четырех всадников из «Апокалипсиса»:

2. Я взглянул, и вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить. 3. И когда он снял вторую печать, я слышал второе животное, говорящее: иди и смотри. 4. И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч. 5. И когда Он снял третью печать, я слышал третье животное, говорящее: иди и смотри. Я взглянул, и вот, конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей. <...> 8. И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя

¹ Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. Т. II. Славянские древности. М.: Международные отношения, 1995.

«смерть»; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли – умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными». (Откровение Иоанна Богослова 6: 2–8).

Принято считать, что эти всадники являются олицетворением чумы, войны, голода и смерти, призванные Богом сеять святой хаос в мире. Кроме того, в «Апокалипсисе» упоминаются другие всадники, несущие гибель:

17. Так видел я в видении коней и на них всадников, которые имели на себе брони огненные, гиацинтовые и серные; головы у коней – как головы у львов, и изо рта их выходил огонь, дым и сера. 18. От этих трех язв, от огня, дыма и серы, выходящих изо рта их, умерла третья часть людей... (Откровение Иоанна Богослова 9: 17, 18).

Такое, оно всегда в памяти. Конечно. Они [бабушки. – *А. Б.*] всегда говорили, что земля вся будет окутана проводами, будут летать стальные птицы. Народ будет жить плохо, враждовать, войны начнутся – и всё в таком духе. Да и вот слышали, что Украина сама своих же долбит. Трудно понять со стороны, кто прав, кто виноват. [*А.Ф. Медников*]

Нарушение принятых норм поведения (безудержное веселье, винопитие, гульба); изобилие урожая (которое обернется нехваткой продовольствия), тоже считаются приметами войны.

Пить начали, гулять начали, свадеб было много – только поженились – ушли на войну мужики. Говорят, не перед добром это – такой был разговор. Грибов много, говорят, не заметила, не знаю. [*А.Я. Елукóва*]

Тема смерти связана с представлением о загробном мире, в котором появляются стеклянная гора, огненная река.

Я слыхала, что ногти стригут – и в коробок кладут. А когда помрёшь, чтобы этот коробок тебе в гроб положили: на том свете будет гора, тебе чтобы можно было зайти на эту гору. [*П.П. Назарова*]

Нередко представления о конце света и о загробной жизни сочетаются в одном рассказе, объединенные темой пророчеств старых людей.

Ногти остригают да в пазуху – это на том свете будешь на горы ползти – держаться. Покойницам один узел завязывай, два не вяжите: через огненную реку прыгать. [*М.К. Галёва*]

Мотив развязывания узла связан с представлениями об огненной реке, которую нужно перепрыгнуть.

– Ту историю Вам свекровь рассказала, про железных птиц, и о том, что из печи будет берёза расти (после бомбёжки, там, где были бои, на месте домов)?

– Нет, это дедушко у нас, папин отец. В книгах написано это. Будет, говорит, сегодня читать нам. Мы ева каки – цё там – слушаем – не слушаем. Деревни все будут паутиной обмотаны, говорит, птицы полетят с железными носами, бабы пойдут по лесу искать по следу: «Этот след – не мой ли мужик пришёл?» Без мужей остались. Искать, говорит, будет. Медведь прошёл, а она: «След-от, не мой ли мужик явился». Вот так – тако будет. Вот и было. [М.К. Галёва]

О пророчестве, в котором говорится о гибели большого числа мужчин, разрушенных домах, самолетах, информант вспомнила в ответ на просьбу рассказать о военном времени. Далее идет комментарий к словам дедушки.

Паутиной обмотано – провода наверху: радиво, электричество, телефоны – вот тебе паутина по деревни. А железны-ти носы – самолёты-ти заполетели. Это кто-то ведь умел писать. В Усть-Низемье у нас у дедушка есть книжки, теперь Овив умер, книги у Овива были в доме. А Нина есть, одна осталася, ак у неё есь – нет книги, в Усть-Низемье, и эти книги. [М.К. Галёва]

Согласно представлению стариков, на том свете придется карабкаться по горе. В этом помогут собранные при жизни ногти.

– А про смерть что говорили?

– А и не знаю. Это бабкины сказки: ногти остригают и в пазуху: это на том свете будешь на гору ползти, так чтобы когти-ти держаться.

– На какую гору?

– Так, наверно, есть гора кака-то каменна. [М.К. Галёва]

Рассказ о загробном мире обычно связан с каменной горой и огненной рекой.

Ну, да всё, говорят: пояс завязываешь женщины – узел-то один завяжи, другой-от не вяжи, чтобы через огненну реку прыгала. За пояс-от поймают – так развяжется пояс – она перескочит, а плотно – ей в огненну реку сронят.

– А что за огненна река?

– А кто его знат, кака там?

– Это на том свете тоже?

– Да, да.

– Это покойницам пояс завязывали?

– Да, да, покойницам. Пояс завяжут – так один узел вяжите, два-то не вяжите, чтобы через огненную реку упрыгнула. За пояс-от поймают, а пояс-от отвяжется, один узелок. А два-то – могут сдёрнуть. Это всё старики говорили стары. На самом деле. Ак что? Целовецек вытлет и лежит такой же [М.К. Галёва].

Разговор о покойнике связан с представлениями о том, как уберечь живых от мертвых.

– А что надо делать, чтобы покойник не приходил во сне?

– Надо милостину, наверно, снести, сходить на кладбище да показать да поговорить.

– А что говорят?

– Ну, дак понаведать его, что спи спокойно, земля тебе пухом, царство тебе небесно, ты от нас ушёл – боле всё, живи тут [М.К. Галёва].

Также информант обычно вспоминает различные приметы.

Покойник снится к спокойной жизни. Здесь в основе паронимической аттракции лежит пара созвучных слов: «покойник» – «спокойный».

Загробный мир противоположен реальному, в том числе и в отношении рельефа.

Он говорил, где как на том свете, где были горы – будет вода. Где вода – будут горы, а потом всё разольётся кругом, и весь народ погибнет, и потом снова начнётся новая жись – люди будут песни петь, будут песни петь – опять снова жись пойдёт. Мы живём теперь – это только в гостях гостим, вот на том-то свете жись-то будет вечна. А теперь, он-то всё говорил, мы только в гостях гостим, а на том свете будет жись вечная. [П.П. Назарова]

За уничтожением всего живого в этом мире последует обновление и появление новой жизни, в то время как на том свете жизнь не прекращается.

– А там же потоп будет.

– Всё, говорит, всё потопит [П.П. Назарова].

Загробный мир связан с представлениями о правосудии.

– Что ещё есть на том свете, кроме рая?

– А что заслужишь – там или в огни будешь – в смолы кипеть, в огни гореть – чё заслужишь, вред будешь делать. А хорошо, добро будешь делать, – ты как в рай попадёшь. А жись плохая – в огни гореть, в смолы кипеть будешь. [П.П. Назарова].

На тот свет попадают все люди, в том числе самоубийцы:

– А самоубийство же грех?

– Грех – не грех, всех пускают, земля-то всех принимает. Там кака жись: выгниешь – и больше ничего, попадешь в рай ли в хай ли.

В хай – которы нечестны, а в рай добры люди. Кто в хай, кто в рай. [Ф.Ф. Сяукова]

М. Элиаде в книге «Аспекты мифа» писал, что в целом «мифы о конце света, более или менее определенно предполагающие воссоздание новой Вселенной, выражают одну и ту же древнюю и очень распространенную идею о прогрессирующей “деградации” Космоса, что требует его периодического разрушения и восстановления»¹. Эсхатологические легенды предвещают исчезновение человечества либо в связи с его физическим уничтожением (в годы войны), либо вследствие нравственной деградации.

В основу статьи легли полевые материалы автора, записанные в Архангельской области, а также материалы картотеки «Архангельского областного словаря».

Информанты

Галёва Мария Кузьмовна, род. в д. Усть-Низемье, 1932 г. р. Ветеринар, д. Вóжгора Лешуконского р-на Архангельской обл.

Грязнова Раиса Степановна, 1930 г. р. 4 класса, д. Пустыня Лешуконского р-на Архангельской обл.

Грязнова Нина Ивановна, 1935 г. р., лаборант; д. Вóжгора.

Елукóва Анна Яковлевна, 1927 г. р. 7 классов. Род. в д. Ларькино(й). Работала в торговле, сезонником в лесу; д. Вóжгора

Кирина (дев. Михеева) Розалина Анатольевна, 1948 г. р. Работала на лесозаготовках 40 лет, д. Вóжгора.

Киселёва Валентина Абрамовна, местная, 1935 г. р. Доярка. 7 классов. После смерти троих сыновей живет при больнице в д. Вóжгора.

Кокорина Зинаида Анисимовна, 1944 г. р. 8 классов, д. Кúшкопала Пинежского района Архангельской обл.

Ляпунова Раиса Александровна, 1930 г. р. 15 лет работала мастером лёгкого платья, до этого – на лесозаготовках, д. Вóжгора.

Медников Анатолий Филиппович, 1949 г. р., д. Уйта Виноградовского р-на Архангельской обл. В армии после окончания лётной школы работал лётчиком (лесопожарная охрана).

---

¹ Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2000.

Назарова (дев. Поташева) Полина (Аполлинария) Павловна, род. в Шегмасе. 1931 г. р. Работала в лесопункте, в лесохимии, поваром в сельпо. 4 класса; д. Вóж-гора.

Са́укова (дев. Грязно́ва) Фелицата Фёдоровна, 1931 г. р. 7 классов, продавец; д. Пу́стыня.

Сведения об авторе:

Александра Балашова,
соискатель ученой степени
канд. филол. наук
кафедра русского устного народного творчества
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexandra F. Balashova,
Graduate student of the Philological Faculty
Department of Folklore
Lomonosov Moscow State University
alya_philol@mail.ru

Научная жизнь

А. Вранеш

Награда Мапрајл-а 2014 Вукосави Ђапа Иветић

В октябру 2014 г. в Москве состоялось награждение медалью преподавателя филологического факультета Белградского университета Вукосавы Джапы Иветич за исключительный вклад в популяризацию и распространение русского языка в Сербии и развитие русско-сербских

культурных связей. В. Джапа Иветич удостоена медали имени А.С. Пушкина, присуждаемой МАПРЯЛ, и медали «За преданность учительскому призванию» от Международного педагогического общества в связи с десятилетием со дня основания.

Награђивање уопште, а посебно за укупан допринос проучавању, развијању наставе и промоцији руског језика, књижевности и културе, племенит је и нашем друштву преко потребан чин потврђивања значаја постигнутих научних и стручних резултата. Оно је и поуздан ослонац научном и наставном развоју Филолошког факултета Универзитета у Београду, чији је утицај на образовни систем Србије неспоран и континуиран. У том смислу висока заслужена признања која је за своје знање и професионално ангажовање добила Вукосава Ђапа Иветић¹, виши лектор Филолошког факултета Универзитета у Београду за наставу руског језика (од 1. маја 1997), чине част и добитнику награда и високошколској установи у којој ради.

Вукосави Ђапа Иветић уручене су у Москви октобра 2014. године две награде: Медаља «А.С. Пушкин» – на предлог Међународног педагошког друштва за подршку руског језика из Москве, за изузетан допринос настави и популарисању руског језика, књижевности и културе у Србији, као и јачању српско-руских кул-

¹ Вукосава Ђапа Иветић је рођена у Београду 02.07.1954. године, где је завршила основну школу, гимназију и факултет.

турних веза највише признање Међународне асоцијације наставника руског језика и књижевности (МАПРЈАЛ); Медаља «За оданост мисији наставника» («За преданност учительскому призванию») – поводом десет година постојања Међународног педагошког друштва за подршку руског језика (Москва). Овим најновијим претходиле су друге значајне награде: Диплома за изузетан допринос очувању и развоју руског језика и руске културе за 2009. годину, коју додељује Међународно педагошко друштво за подршку руског језика из Москве; Захвалница Државног института за руски језик «А. Пушкин» из Москве за активно учешће у процесу акредитације ове високошколске образовне установе (децембар 2012); Захвалница декана Филолошког факултета Белоруског државног универзитета проф. др И. Ровдо за допринос успостављању и унапређењу сарадње између поменутог факултета и Универзитета у Београду (септембар 2012); Захвалница амбасадора Републике Белорусије у Републици Србији В. Чушева за изузетан допринос унапређењу сарадње између Белорусије и Србије у области науке и образовања (децембар 2012); Диплома Федералне агенције при Министарству спољних послова Руске Федерације за питања ЗНД, сународника у иностранству, међународну и хуманитарну сарадњу (Россотрудничество) за активан рад у области унапређења билатералне сарадње између Русије и Србије, популаризације руског језика и културе, јачања пријатељства и узајамног разумевања, као и за допринос реализацији заједничких образовних и културних програма (април 2013); Прва награда из Фонда «Даница Продановић» за постигнути изузетан успех из методике наставе руског језика и бројне друге.

Међународна и национална признања стигла су управо на време да се «заслуже» и да «задуже». Колегиница Ђапа Иветић, чија је каријера сада у пуном развоју, доказала се прво као професор руског језика у Основној школи «Стеван Дукић» (Београд), потом на Коларчевом народном универзитету; као наставник консекутивног и симултаног превођења на специјалним курсевима за дипломиране русисте у организацији Републичког завода за тржиште рада (1995–2000); а од 01.05.1997. године до данас на Филолошком факултету Универзитета у Београду као виши лектор за руски језик (од 1997. до 2000. године држала је лабораторијско-фонетске и говорне вежбе на првој години, као и вежбе усменог превођења на четвртој години; од школске 2004/2005. на Катедри за славистику вежбе за студенте руског језика прве, говорне и граматичке, и четврте године, лексичке вежбе и вежбе усменог превођења).

У универзитетској настави колегиница Ђапа Иветић је незамењива већ седамнаест година – као зналац; као говорник руског језика који је учио од најбољих и своје студенте учи најбољем; као одличан и савестан методичар; као посвећен и хуман васпитач.

Други круг стручног ангажовања, без кога не би било ни квалитетних резултата у настави, укључује преводилачки рад (почев од 1981, одмах након дипломирања на Филолошком факултету у Београду 1980): у спољнотрговинским предузећима («Инвест-импорт», «Прогрес», «Генекс», у Србији и у

Совјетском Савезу), у Савезном извршном већу, односно Савезној влади (од 1983). На усменом превођењу разговора и преговора на највишем државном нивоу, на руски и са руског превела је око 80 међудржавних уговора, споразума, протокола, конвенција и меморандума, од којих је већина објављена у Службеним листовима СРЈ, Руске Федерације и осталих земаља Заједнице Независних Држава. Као преводилац на највишем државном нивоу Републике Србије ангажована је и данас. Од 1985. године бави се симултаним и консекутивним превођењем, најпре као члан Удружења конференцијских преводилаца Србије, а сада Друштва симултаних и консекутивних преводилаца Србије. Као симултани преводилац са српског на руски језик радила је и на многим међународним скуповима у земљи и иностранству. Вукосава Ђапа Иветић је један од ретких преводилаца у Србији акредитованих у Преводилачкој служби Савета Европе, те преводи на скуповима које Савет Европе организује у Србији и иностранству.

Трећи круг деловања Вукосаве Ђапа Иветић је научно-истраживачког карактера. Као службеник Владе 1986. године провела је три месеца на стручном усавршавању у Москви. У школској 2003/2004. боравила је у Москви на једногодишњем неплаћеном одсуству ради сакупљања грађе и консултација за израду магистарског рада. Магистрирала је 2007. године одбранивши рад под насловом «Терминологија у билатералним официјелним документима на српском и руском језику». Наставно-научно веће Филолошког факултета Универзитета у Београду прихватило је предложену тему за израду докторске дисертације «Начела лингводидактичког обликовања уџбеника руског језика у Србији 1945–1995. (општеобразовни профил)». У Савезној влади Вукосава Ђапа Иветић прикупљала је и обрађивала лексичку грађу за руски и српски језик из области друштвеног уређења, економије, финансија, права, саобраћаја. Под надзором стручњака Института за српски језик САНУ колегиница Ђапа Иветић је обрадила око 6.000 термилолошких јединица, остварујући значајан научно-истраживачки допринос лексикографији. Учесник је међународних конференција како у земљи (Београд, Соко Бања), тако и у иностранству (Москва, Санкт Петербург, Велико Трново, Софија, Шангај).

Четврти круг своје каријере Вукосава Ђапа Иветић је уписивала од 2000. до 2003. године. На основу споразума између Филолошког факултета и Министарства спољних послова радила је у Амбасади СРЈ (односно Србије и Црне Горе) у Москви као аташе. У току рада у Амбасади у Москви, поред осталих обавеза, ангажовала се на обезбеђивању студијског боравка наставника руског језика из наше земље у циљу њиховог стручног усавршавања, а посебно на организовању редовног боравка професора и студената Катедре за славистику Филолошког факултета на курсевима у Државном институту за руски језик «А. Пушкин» и Московском државном универзитету «Ломоносов».

У петом кругу свога професионалног ангажовања Вукосава Ђапа Иветић је потврдила и своју високу друштвену одговорност у унапређењу квалитета наставе руског језика на Филолошком факултету и развијања међународне

сарадње: од 2009. до 2012. године на дужности заменика управника Катедре за славистику (отварање нове фонетске лабораторије у мају 2013. године; интензивирање одласка наших наставника и студената на усавршавање на универзитетима у Руској Федерацији; иницирање упостављања сарадње и учествовање у потписивању споразума са неколико универзитета и установа у Руској Федерацији међу којима су Државни универзитет у Санкт Петербургу, Руски државни универзитет друштвено-хуманистичких наука – РГГУ, Москва, Државни универзитет у Тјумену, Државни лингвистички универзитет у Нижњем Новгороду, Дом руске дијаспоре «А. Солжењицин» из Москве и др. Потпредседник је Славистичког друштва Србије у чијем раду активно учествује од 1997. године, а у два мандата (од 1997. до 2000. и од 2005. до 2013) вршила је дужност секретара Друштва.

Прилика која нас је подстакла да пишемо о колегиници Вукосави Ђапа Иветић часна је и јединствена. Честитајући јој и овим текстом на изузетном признању, као основно осећање негујемо захвалност и дародавцу и примаоцу Награде што доприноси угледу и слави Филолошког факултета Универзитета у Београду.

Библиографија мр Вукосаве Ђапа Иветић

1. Никола Тесла (1856–1943), живот и дело, опис патената и изума / Г.К. Цверава; [превела са руског Вукосава Ђапа-Иветић], Београд: Музеј Николе Тесле, Клуб Николе Тесле, 1998, 260 стр.

2. XXVII Скуп слависта Србије и годишња скупштина Славистичког друштва Србије (Београд, 20–22. јануар 2000) / В. Ђапа-Иветић // Зборник Матице српске за славистику. – 56–57 (2000).

3. Славистика – србистика: изабрани радови / Владимир П. Гутков; [превела са руског Вукосава Ђапа-Иветић], Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, Вукова задужбина; Нови Сад: Матица српска, 2005, 171 стр.

3. Русская периодика в практике обучения русскому языку (на материалы журнала «Этносфера»), Русский язык как инославянский, выпуск I (2009), Славистическое общество Сербии, Белград, 2009, стр. 87–92.

4. Русистика в журнале «Славистика», Русский язык как инославянский, выпуск I (2009), Славистическое общество Сербии, Белград, 2009, стр. 137–157.

5. Библиографија Богдана Терзића // Славистика. – ISSN 1450-5061. – Књ. 8 (2009), стр. 19–44.

6. Некоторые особенности дипломатической переписки на русском и сербском языках // Десятый международный симпозиум – МАПРЯЛ 2010, «Теоретические и методические проблемы русского языка как иностранного в традиционной и корпусной лингвистике», Велико Тырново, 2010, стр. 208–211.

7. Вторая белградская встреча славянских русистов, Русский язык за рубежом, № 2/2010 (219), Москва, 2010, стр. 124–125.

8. Круглый стол «Проблемы школьного и вузовского преподавания РКИ в иноязычном (в том числе инославянском) окружении (Москва, МГУ, 22 марта 2010),

Русский язык как инославянский, выпуск II (2010), Славистическое общество Сербии, Белград, 2010, стр. 219–220.

9. Презентация сербской славистики в Москве, Русский язык как инославянский, выпуск II (2010), Славистическое общество Сербии, Белград, 2010, стр. 224–226.

10. Некоторые особенности официально-делового стиля в русском и сербском языках // Юбилейная международная конференция, «Русистика: язык, культура, перевод», София, 2011, стр. 71–77.

11. Деятельность Кирилла Владимировича Свинарского в создании учебников русского языка для сербов // Международный научный симпозиум, Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении, Доклады, Славистическое общество Сербии, Белград, 2012, стр. 278–281.

12. Особенности официально-делового стиля в русском и сербском языках (на материале Консульской конвенции между Российской Федерацией и Сербией и Черногорией и Соглашения между Правительством Российской Федерации и Союзным Правительством Союзной Республики Югославии о свободной торговле) // II Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире», Труды и материалы, Москва, МГУ, 2012, стр. 360.

13. Библиотека Руског дома у Београду // Облици сарадње школске библиотеке са другим установама културе и образовања, Филолошки факултет Универзитета у Београду, Београд, 2013, стр. 81–86.

14. Педагогическая деятельность Лидии Александровны Шпис-Мирной, Русское зарубежье и славянский мир, Сборник трудов, Славистическое общество Сербии, Белград, 2013, стр. 359–362.

15. Изучавање руског језика у Србији (у коауторству са Вером Белокапић Шкунца), Славянские народы и их культуры: традиция и современность: сборник научных статей / Министерство образования Республики Беларусь, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, Гомель, 2013. стр. 7–9.

16. Русистика на Филолошком факултету Универзитета у Београду (у коауторству са Вером Белокапић Шкунца), Stephanos, Рецензируемый мультиязычный научный журнал, Электронный проект филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, № 4, Москва, 2014, стр. 220–233.

17. Официјелна дипломатска преписка на руском језику у поређењу са српским / Вукосава Тапа-Иветић // Седамнаести конгрес Савеза славистичких друштава Србије : Савремено изучавање српског језика и књижевности и словенских језика као матерњих, инословенских и страних (књига резимеа) – Београд, 2014, стр. 267–278.

18. III Международный студенческий фестиваль «Друзья, прекрасен наш союз» (г. Белград, 15–20 септембра 2014 г.), Stephanos, Рецензируемый мультиязычный научный журнал, Электронный проект филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, №7 II, Москва, 2014, стр. 176–178.

Е.В. Жуйкова

**Высокая наука с трепетной душой:
конференция в Белграде
«Первая мировая война в культуре и библиографии»**

Одним из самых знаковых событий в истории сербского народа по праву считается Первая мировая война, память о ней в Сербии неискоренима и очень почитаема. В год столетия с начала Первой мировой войны она стала темой всех выставок, галерей, музеев Белграда. Даже из витрин книжных магазинов смотрит лик Гаврилы Принципа, выстрел которого в Сараево послужил поводом к началу военных действий Австро-Венгрии против Сербии.

На филологическом факультете Белградского Университета с 26 по 28 сентября прошла конференция с характерным названием «Первая мировая война в культуре и библиографии» («Први светски рат у култури и библиографији»). Это событие собрало под крылом Белградского университета ученых из разных учебных и научных центров страны и их иностранных коллег – всех тех, кто интересуется сербской культурой и влиянием войны на все области культуры мировой. В конференции приняли участие ученые из Америки, России, Германии и других стран. Общее количество участников было сто пятьдесят – двести человек.

Эта конференция стала важным культурным и научным событием. Интересно, что в Белградском университете, видимо, существует традиция назначать даты научных съездов на выходные дни и каникулы. Это дает более широкие возможности их посещения как для преподавателей, так и для студентов. Правда, в данном случае мероприятие совпало с сессией на филологическом факультете.

Предваряющим открытию конференции праздничным акцентом стал концерт классической музыки в одном из лучших концертных залов Белграда – зале имени Илии Коларца. Следующий день был насыщен яркими научными мероприятиями. Открытие конференции проходило в «Зале героев», самом красивом и торжественном помещении Белградского университета, стены которого украшают портреты героев сербской истории. Вступительная речь декана филологического факультета проф. Александры Вранеш была полна теплых напутственных слов участникам конференции. После торжественной части наступил момент добрых приветствий и встреч, ведь многие ученые были знакомы между собой, а новым сразу же передалась атмосфера общего дружеского расположения.

Программа конференции была насыщенной, одновременно работали несколько секций. Иногда хотелось побывать сразу на двух или трех докладах, которые шли в одно и то же время. Интересы научного сообщества оказались необычайно широки – от японской литературы до творческого пути

военных художников той эпохи. Работали секции, посвященные изучению рукописных источников времен Первой мировой, библиографическим описаниям в этой области, художникам и иллюстраторам того времени, «женской теме». На конференции были доклады из сферы различных видов искусств и затрагивающие тему синтеза искусств в целом. Так, проф. Александра Вранеш раскрыла перед аудиторией удивительный мир рукописных дневников времен Первой мировой войны. Большая часть выступлений так или иначе касалась литературы и библиографии (среди участников было множество представителей библиотечарского дела, очень почитаемого в Сербии). Особое внимание было уделено различным рукописным источникам о событиях военного времени, будь то дневники, записи или иллюстрации, включая агитационные плакаты. Ученые говорили также не только о ярчайших сербских художниках слова (таких как Добрица Чосич, о котором было два доклада), но и зарубежных авторах, таких как Генрих Ибсен и Марсель Пруст.

Рабочими языками конференции были сербский и английский, но белградские коллеги с готовностью выслушали один из докладов по-русски. Хочется благодарно отметить, что в Сербии совершенно особое отношение к нашей стране, подлинно братское и искреннее. Магистрант Е. Жуйкова, представлявшая филологический факультет МГУ, прочитала доклад, темой которого было отображение Первой мировой войны в эпосе А.И. Солженицына «Красное Колесо» и романе Добрицы Чосича «Время смерти». В год смерти сербского писателя и год столетия с начала войны эта тема звучала особенно актуально.

Нередко ученые выступали в соавторстве (вдвоем или даже втроем), это мог быть научный союз преподавателя и студента (как у Ксении Айкут и Стефани Милькович) или представителей одного научного учреждения. Так, например, Дейана Кавая Станишич и Саня Антонич, сотрудники Университетской библиотеки Белграда, подготовили совместный доклад о литературе и исторических документах, которые хранятся в их библиотеке.

Ряд выступлений можно отнести к области сравнительного литературоведения. Видимо, это было своего рода «предвосхищением» грядущего события, конференции по компаративистике, которое намечено филологическим факультетом на октябрь.

Секции заседали 26 и 27 сентября. За докладами всегда следовало живое обсуждение услышанного и обмен мнениями. В последний день была организована экскурсия в Сомбор – красивейший сербский город на севере страны. Сомбор принял участников конференции тепло и ласково, делегацию из Белграда встречал градоначальник и представители всех научных сообществ города. Состоялись посещения городской библиотеки, музеев и выставок, возложение цветов на могилу известного сербского поэта Лазы Костича. В научной части состоялись выступления с докладами Александра Петрова и Кринки Видакович-Петров. Александр Петров – писатель с мировым

именем, ученый, профессор Питтсбургского университета, говорил о типологии военной поэзии. Кринка Видакович-Петров (крупнейший специалист по культуре сефардских евреев и в прошлом – посол Сербии в Израиле) рассказывала о сербском иллюстрированном журнале «Ратник у слици и речи» (сербск.: Воин в картинках и словах). Эти два доклада стали завершающим аккордом в мелодии конференции.

Хочется отметить, что в Сербии статус ученого-филолога очень высок, сербы ценят людей, готовых заниматься наукой. Люди там благодарны иностранным коллегам, которые интересуются историей и культурой их страны. Конференция прошла на высоком научном уровне, и организаторы в нее вложили свою широкую сербскую душу. Это чувствовалось на каждом этапе, от приветствия до заключительной экскурсии. Если попытаться выделить ключевую идею, лейтмотивом проходящую через все выступления, то ею была мысль о том, что в эпоху тяжелых потрясений наступает расцвет человеческого гения, ибо только в творчестве можно найти отдушину и укрыться от суровой реальности. Именно искусство делает человека человеком. Даже в самых нечеловеческих условиях.

П.Н. Рудяков

**Семинар-совещание на филологическом факультете МГУ.
«Тарас Шевченко и славянские культуры.
К 200-летию со дня рождения»**

6–7 ноября 2014 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялся организованный кафедрой славянской филологии семинар-совещание «Тарас Шевченко и славянские культуры», посвященный 200-летию со дня рождения великого поэта. Участие в его подготовке и проведении приняли Украинский фонд культуры (Киев) и Центр украинистики и белорусистики исторического факультета МГУ. Финансовое содействие оказал Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова. Во время открытия конференции состоялось торжественное вручение декану филологического факультета профессору М.Л. Ремнёвой Почетного знака Украинского фонда культуры «За верность заветам Кобзаря».

От Московской Духовной академии с приветственным словом к участникам семинара-совещания обратился иеромонах Симеон (Томачинский), отметивший глубокую символичность того факта, что в этом году мир отмечает 200-летие сразу двух великих поэтов – Лермонтова и Шевченко. «Тарас Шевченко в своем творчестве часто обращался к поэзии Книги книг – Библии, – сказал он. – Замечательны его переложения псалмов, стихотворения по мотивам других библейных книг... Наше человеческое суждение о любой исторической фигуре неизбежно ограничено, субъективно, неполно. Только Господь знает сердце человека, знает все тайны человеческой души. Поэтому, отдавая дань памяти Тарасу Григорьевичу Шевченко, будем и молиться о упокоении его души!»

В течение двух дней работы семинара с докладами и сообщениями выступили более двадцати участников из различных образовательных, научных организаций и учреждений Москвы, Киева, Ивано-Франковска. Основную группу докладчиков составили представители филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, а также их коллеги с исторического факультета. Кроме них выступили ученые из Института славяноведения РАН, Института всеобщей истории РАН, Киевского национального университета имени

Тараса Шевченко, Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (Ивано-Франковск), Украинского фонда культуры, Института украинноведения (Киев), Украинского филиала Института СНГ. Состоялась оживленная, плодотворная дискуссия, порой выходящая за рамки не только филологического, но и более широкого и разностороннего историко-культуроведческого восприятия творчества автора «Кобзаря» и «Гайдамаков». В ней участвовали также коллеги из ИСАА МГУ.

Отличительной особенностью научной части встречи ученых можно считать междисциплинарный взгляд на литературное наследие Т. Шевченко и на его личность как украинского национального гения. Этот взгляд если и не преобладал в большинстве прозвучавших в ходе работы семинара-совещания докладах, то, во всяком случае, присутствовал в целом ряде из них. Такое положение вещей стало возможным благодаря счастливому совпадению двух факторов. С одной стороны, «стихийного» разворота в сторону применения для нового осмысления и интерпретации фигуры Шевченко и его литературных произведений категориально-понятийного аппарата и инструментария различных гуманитарных наук, обнаруженного рядом докладчиков. С другой – предложенного организаторами подхода к шевченковской проблематике, предполагавшего объединение в рамках одной научной «площадки» филологов, традиционно ею занимающихся, а также историков, культурологов, политологов, – объединения, имевшего целью слияние усилий всех их для более полного и глубокого понимания объекта исследования, выработки новой парадигмы восприятия шевченковского творчества, традиции в условиях новой историко-культурной эпохи. В результате этого вырисовались два взаимосвязанных и вместе с тем независимых друг от друга проблемно-тематических массива обсуждения: литературное творчество Тараса Шевченко в славянских странах и у славянских народов, образ Тараса Шевченко в историческом и политическом процессе XIX–XXI вв.

В своем приветствии к участникам и гостям семинара-совещания декан филологического факультета профессор М.Л. Ремнёва, отметив, что он может служить убедительным свидетельством открытости российской науки в целом и российской университетской славистики в частности к международному сотрудничеству, обратила внимание на два главных, в ее представлении, момента. Во-первых, на то обстоятельство, что в течение 2014 г. в МГУ семинар оказался уже третьим по счету мероприятием, посвященным Тарасу Шевченко, во-вторых, на тот факт, что на сей раз удалось, наконец, сделать научную дискуссию международной, российско-украинской. Присутствие достаточно многочисленной группы участников из Украины привнесло в работу встречи ученых дополнительные содержательные и эмоциональные элементы, актуализировав проблематику русско-украинских связей и отношений, причем как собственно литературных и исторических, так и общественно-политических и межгосударственных. Обо всем этом много говорили и непосредственно на заседаниях – в выступлениях и в дискуссии, и в кулуарах.

В докладах, посвященных преимущественно литературоведческой проблематике, основное внимание оказалось сосредоточено на двух главных тематических блоках: на отношении великого украинского поэта к идее славянской взаимности и проектам объединения славян, а также на восприятии и оценке его творчества в славянском мире в их историческом развитии – начиная с эпохи, когда жил и писал свои произведения сам Шевченко, и заканчивая сегодняшним днем. Об этом под разными углами зрения и на различном фактическом материале говорили Д. Ивинский («А. Пушкин и Т. Шевченко»), А. Машкова («Всеславянская идея и Т. Шевченко»), П. Рудяков («Литературное творчество Т. Шевченко в славянской рецепции и интерпретациях») и др.

Проблемно-тематический диапазон сообщений на исторические темы охватывал национальное и региональное самосознание в их взаимной связи и развитии, славянские контакты Т. Шевченко и его современников, новое видение биографических моментов Кобзаря, особенности национального движения в различных регионах Украины и национальную политику под углом зрения присутствия в них образа Шевченко. Этим проблемам были посвящены выступления М. Дмитриева («Об особенностях развития общерусского национального самосознания в эпоху Т.Г. Шевченко (представления о “русском” и “украинском” архиепископа Тверского Саввы)»), Л. Лаптевой («Чешские связи Якова Головацкого»), Е. Борисенок («Т.Г. Шевченко и советская национальная политика»), И. Колесник («Биографический мир Т. Шевченко: карта реконструкции»), И. Кукушкиной («Т. Шевченко в украинском национальном движении Надднипрянщины и Галичины (вторая половина XIX – начало XX вв.)») и др.

Политологический и культурологический взгляды на личность Т. Шевченко, его образ и творчество предложили в своих докладах Д. Денисов («Образ Т. Шевченко в современном информационном пространстве Украины»), Л. Горлач («Выбор народа»), Е. Байдалова («Фигура Т.Г. Шевченко в пространстве современной украинской культуры»). Лингвокультурологическая составляющая в интерпретации творчества Т. Шевченко была представлена в выступлениях Я. Мельника («Лингвокультурные субстанты в творчестве Тараса Шевченко») и С. Возняк («Антиномические узлы в структуре поэтических текстов Тараса Шевченко»). О. Остапчук сосредоточила свое внимание на особенностях стилистики автора «Еретика» и «Завещания» («Переключение кодов как стилистический прием: фразеологические элементы в русскоязычной повести Т.Г. Шевченко “Наймичка”»), а А. Яровой – на традициях гения украинской нации в современной украинской литературе («Шевченковская тема и другие общеславянские культурные концепты в поэзии Б. Олійника»).

От имени Украинского фонда культуры участников семинара-совещания приветствовал заместитель председателя этой общественной организации А. Кульчицкий, указавший, в частности, на чрезвычайную важность дальнейшего развития в новых исторических условиях исследовательской дея-

тельности, направленной на осмысление творческого наследия Т. Шевченко и его традиций, и призвавший продолжать эту работу, в том числе в виде подобного рода встреч ученых Украины, России и других стран. Перед участниками и гостями семинара-совещания с небольшим импровизированным «концертом» выступил народный артист Украины, певец А. Василенко, исполнивший несколько украинских народных песен и старинных русских романсов.

Тања Поповић

Конференција о савременој компаратистици

Међународни научни скуп Компаративна књижевност: теорија, тумачења, перспективе, одржан је 24–26. октобра 2014. године, на Филолошком факултету у Београду. Идеја о његовом организовању проистекла је из намере наставника и сарадника једне од најстаријих научних и високошколских установа у Србији, Катедре за општу књижевност и теорију књижевности, да достојно традицији и славној прошлости, обележи јубилеј – шездесету годишњицу свог обнављања. Наиме, историја светске књижевности на Великој школи у Београду, првом српском универзитету, предавала се од самог оснивања (1853). Посебна Катедра за општу историју литературе оформљена је после двадесет година (1873), као један од првих засебних филолошких семинара. Из наставе опште књижевности касније израстају безмало све појединачне филолошке дисциплине и семинари, како страних језика и књи-

живности, тако и српске литературе. Бурна историја Катедре за општу књижевност и теорију књижевности равна је њеном значају у историји српске културе и образовања. У неколико наврата настава на њој, али и она сама, бивале су угашене. С друге стране, увек су се налазили храбри и умни људи, који су веровали не само у научне вредности широког хуманистичког образовања, већ и у његову етичност. У такве, свакако, спада и проф. др Војислав Ђурић коме је пошло за руком да на Филолошком факултету у Београду обнови Катедру за општу књижевност и теорију књижевности, те у школској 1954/55. години, упише прву генерацију студената, међу којима је био и Данило Киш.

Ма колико била подстакнута тим важним датумом, научна потреба да се осврне на историју проучавања и предавања књижевности код Срба, у чему су учествовали најзначајнији представници српске културе, попут Ђуре Даничића, Богдана Поповића и Јована Скерлића, отворила је и низ сродних сложених проблема. У изазовима које нуди савремено доба, са радикалним реформама образовања и другачијег виђења улоге и сврхе хуманистичких дисциплина – покушано је да се пружи нека врста оправдања за постојање непрофитабилних духовних делатности. Следећи богато наслеђе својих претходника, које се најпре огледа у сталној отворености ка новим сазнањима и достигнућима, али и непрестаном критичком промишљању понуђених приступа и метода, настојало се да се изнова проговори о изазовима савремене компаратистике.

Теме скупа обухватале су неколико различитих области: компаративну књижевност између филологије и студија културе, транскултурне феномене националних традиција у односу на компаративну књижевност, компаратистику у «новим световима» (нова географија, нове теорије и терминологије, теорије рода, дигитална хуманистика, трансмедиијалност итд.), те отварање дијалога са актуелним тумачењима књижевног канона.

Учесници конференције дошли су из различитих европских и регионалних универзитета и научних центара, из свих бивших југословенских република (Босне и Херцеговине, Македоније, Словеније, Хрватске, Црне Горе и, наравно, Србије), затим из Бугарске, Мађарске, Шпаније, Белгије, Холандије, Норвешке, Шведске, Немачке, Велике Британије и Русије. Отуда је природно што је, осим секција на језику домаћина, било и оних које су се у целини водиле на енглеском и руском језику.

Пленарно предавање одржао је Ричард Вилсон (Richard Wilson), познати шекспиролог и професор на лондонском Универзитету Кингстон (Kingston University), један од припадника британског културног материјализма. Овог пута његова пажња била је посвећена необичном читању Шекспировог комада Бурна, који је, већ у духу новог историзма, повезао са низом актуелних идеологема и политичких питања. На сличном научном и интерпретативном трагу настали су и радови изложени у секцији «Нова географија: компаративно поучавање јужнословенских књижевности» (Д. Нориса и В. Зорића из

Нотингема, С. Вервата из Гента, С. Борчака из Линеуса, Р. Бозовичара из Љубљане), у којима су покренута питања о различитим видовима идеолошких наратива у савременој књижевности бивше Југославије.

Заправо, теоријски проблеми везани како за нове методе тако и за пратећи појмовник, сагласно теми скупа и научном профилу Катедре за општу књижевност, нужно су обележили добар део реферата. Већ на самом почетку, у једној од уводних секција скренута је пажња на могућности упоредних истраживања пре свега у српској комапартистици. Л. Којен и Ј. Делић говорили су о доприносу некадашњих професора опште књижевности, Богдана Поповића и Иве Тартаље, док се Ј. Попов осврнуо понајпре на термилошке недоумице везане за помало старински назив «општа књижевност». Методолошке прегледе поводом синхроног и дијахроног приступа у различитим националним сродним проучавањима имали смо прилику да чујемо и у неким другим излагањима (В. Рибникар, Е. Шалеве, С. Брадића, К. Кваса, Е. Побрића, В. Богићевића).

Када је реч књижевном канону или шире узев о дијалогу са различитим литерарним и културним традицијама, посебно интересовање поклоњено је античкој баштини и проблему односа Истока и Запада. Како се могло наслутити из великог броја реферата, наслеђе древне Грчке и Рима и даље има живо трајање у савременим књижевностима. Тако је А. Угреновић говорила је о неоплатонизму у стваралаштву водећих српских песника XIX и XX века, Лазе Костића и Милоша Црњанског, док је С. Мацура своје истраживање посветио «једној верзији Орфеја» у роману Дуга Гравитације Томаса Пинчона, а О. Жијовић је представила роман савремене немачке списатељице Кристе Волф Касандра, посветивши пажњу уметничкој актуелизацији мита о Тројанском рату. Теоријским проблемима платонизма (поетика хипноје) и платонске критике песништва бавили су се Ј. Пилиповић и С. Радојчић, док је Г. Покрајац представила допринос српске науке (М. Будимира и М. Флашара) у изучавању римске књижевности.

«Канонски писци у дијалогу: руска књижевност и западна култура», назив је секције вођене на руском језику. Иван Јесаулов из Москве (Институт за светску књижевност) српску публику је упознао са својим теоријама и интерпретацијама руског књижевног канона у којима супротставља два архетипа – васкршњи и божићни принцип («пасхалност» и «рождественост»). Васкршње начело подразумева окренутост ка смрти, а божићни принцип пак усмерава поглед ка материјалном животу. Из овакве поставке проистичу и различити погледи на свет коју уобличавају значење књижевних дела насталих према источном (васкршењем) и према западном (божићњем) архетипу. С. Мартјанова из Владимира (Државни педагошки институт) истраживала је тип грађанина-племића код Молијера и Островског, А. Шешкин из Москве (Московски државни универзитет) изложила је занимљиво читање Његошеве драме Лажни цар Шћепан Мали у вези са Пушкиновим тумачењем самозванца према лику Пугачова у роману Капетанова кћи, док се Т. Поповић са бео-

градске Катедре за општу књижевност бавила интертекстуалним дијалогом Пушкина са западноевропским драмским каноном на примеру драме *Сцены из рыцарских времен*.

Премда је добар део «теоријских» реферата своје претпоставке темељно на анализи и тумачењу појединачних књижевних дела, неколико секција тематски је било посвећено искључиво интерпретативном приступу. Организатори су их поделили према формалном мерилу: роману, поезији и жанру. О роману, претежно англосаксонском, с посебним освртом на његове утицаје у другим књижевностима говорили су Р. Вукчевић, В. Гордић Петковић, Г. Радоњић, Ј. Јандрејић и М. Милутиновић. Проблемима поезије, теорије песништва, канона и интертекстуалног дијалога била су посвећена излагања В. Елез (о Бодлеру) и М. Владић Јованов (о Елиоту), док су се питањима жанра у јапанској традицији бавили Д. Кличковић и Д. Васић. Овде додајемо и интересантно истраживање македонских фолкориста С. Србиновске и М. Бојацијевске о месту клетве у савременој култури.

Интермедијална и трансмедијална истраживања обухватила су неколико различитих подручја. Однос књижевности према филму, или шире узев визуелним уметностима, основно је полазиште реферата Л. Чале Фелдман из Загреба, Б. Јовића из Београда и Т. Ђермановић из Барселоне. Важна област савремене презентације писаних форми – дигитална хуманистика, проблематизована је у неколико врло подстицајних радова (Б. Дојчиновић, А. Бригит Рониг, С. Рудана и Ј. Келберт).

Компаративна изучавања незамислива су без преводне књижевности. Није без разлога Ј.В. Гете утемељујући појам *Weltliteratur* истакао да једни друге не можемо упознати без преноса књижевних остварења из једног језика у други. Отуда је било природно што се проблематици преводне литературе и овом приликом посветила посебна пажња. Чувени слависта из Хамбурга, Роберт Ходел, и сам одличан прводаца канонских писаца српске и руске књижевности на немачки језик, упознао је учеснике скупа са различитим преводима из опуса Драгослава Михаиловића. Занимљиво је поменути да је овом излагању присуствовао и писац о чијем се стваралаштву говорило. Теоријским проблемима превода бавила се И. Гргић Мароевић из Задра, док је Т. Тропин из Београда говорила о прводној литератури за децу. Посебну научну посланицу представљао је рад једне од организаторки конференције, З. Бечановић Николић, која је указала на досад непознате стихове на енглеском Лазе Костића. Реч је о његовом «аутопреводу» сопствене песме «О прослави Шекспирове тристагодишњице».

Широк круг тема и испитаваних проблема, уз пресек савременог стања у компаратистици и теорији књижевности, који су представљени на овој научној конференцији још једном су показали колико је упоредно проучавање различитих националних култура не само подстицајно, већ и незаобилазно. Или, да цитирамо Светомира Николајевића, који је пре 140 година уобличио универзитетски и научни профил опште књижевности код Срба: «Ако се

дозволи да је душевна потреба човечија да ужива у посматрању и присушкавању лепога, онда је свако оно васпитање и образовање које искључује вештине непотпуно, јер се оставља ненеговано једно од првих осећања човечијих, естетичко осећање и неподмирена једна од највиших потреба душевних – потреба лепоте».

Заметки. Впечатления

В.Г. Моисеева

«Аристарх Лентулов. Плоть вещей»

Среди множества появившихся в последнее десятилетие выставочных площадок галерею «Наши художники» (Сеченовский переулок, дом 2) отличает устойчивый интерес к русскому искусству начала XX в., творчеству русских художников – эмигрантов первой волны. В русле этого основного направления деятельности галереи – открывшаяся 19 сентября 2014 года выставка «Ари-

старх Лентулов. Плоть вещей». Экспозиция выставки включает 20 работ художника из частных собраний Москвы и Санкт-Петербурга и 4 полотна из Третьяковской галереи. Особое внимание к представленной экспозиции привлекает то, что это первая за последние 27 лет персональная выставка Аристарха Лентулова. Небольшой формат экспозиции позволяет зрителям воспринять множество оттенков лентуловской манеры письма в их единстве как проявления творческой индивидуальности художника, определяемой собственными ему жизненным, стремлением воплотить живописными средствами «прекрасную плоть вещей» (Яков Тугенхольд), страстью к экспериментам. На выставке представлены образцы экспрессионизма: диптих «Мужчина и женщина», «Три мужские фигуры», «Грек», «Распятие». Портрет «Женщина с гармоникой» и «Розы. Натюрморт» (1913) демонстрируют, по словам исследователя творчества Лентулова Дж. Баулта, «симультантские гармонии, основанные на диссонансах». В запоминающихся по своему эмоциональному воздействию и остроте лирической тональности «Портрете А.С. Хохловой» (1919) и «Автопортрете со скрипкой» художник возвращается к аналитическому кубизму. Экспозиция выставки подтверждает безусловную правоту правнука Аристарха Васильевича – Федора Лентулова, утвер-

ждавшего, что, «принимая все лучшее», художник «никогда не останавливался на достигнутом, а используя удачно найденные принципы, трансформировал их в следующем увлекшем его течении».

Выставка продолжит работу до 21 декабря.

Критика. Библиография

Н.М. Солнцева

Куняев С.С. Николай Клюев. М.: Молодая гвардия, 2014. 647 с.

Книга С.С. Куняева о жизни и творчестве Н.А. Клюева вышла в серии ЖЗЛ, а потому не может отвечать строгим параметрам научного издания. Но она притягивает к себе специалистов и представленными в ней архивными изысканиями, и неизвестными фактами, и интерпретацией произведений поэта, и религиозным, литературным, политическим контекстом, и акцентным прочтением изданных в 2005 и 2010 гг. воспоминаний о нем. В книге развивается острая филологическая интрига, в которой есть и неоспоримая истина, и версии, и яркая провокация.

Любая, художественная или научная, биография – расследование, начиная с датировок и заканчивая концепцией всего жизненного пути. В случае с Клюевым проблемы возникают с самого начала – с определения года рождения (1884, 1886 или 1887), даты рождения (10, 12 или 13 октября), крещения (11 октября). Жизнь Клюева, его религиозные воззрения, его образное мышление необычны для литературного потока 1900–1930-х гг., и исследователь его творчества, как правило, сомневается, что правда и что миф, порожденный самим поэтом или мемуаристами. Как пишет К.М. Азадовский: «[...] все, что касается первых двадцати лет жизни Клюева, покрыто туманом, сомнительно, неопределенно»¹.

Все «покрыто туманом» или не все? Верить или не верить Клюеву, чьи автобиографические произведения названы исследователями житиями? Например, в то, что в Соловецком монастыре Клюев носил девятифунтовые вериги. Или в то, что афонский старец юношу из старообрядческой семьи так легко привел к сектантству. Или в то, что Клюев был в Смирне. Приводя неоспоримые факты, С.С. Куняев в целом ряде фрагментов проявляет необходимую корректность, высказывая предположения о возможных причинах событий и возможных источниках образов. Точка зрения, изложенная в жанре версии и допускающая спор, привлекательней аксиомы.

Так, С.С. Куняев пишет: «можно предположить», что сбивший с толку юного Клюева старец – именно «изгнанник из Афонского монастыря» (рец. изд., с. 31),

---

¹Азадовский К. Жизнь Николая Клюева. СПб.: Изд. ж-ла «Звезда», 2002. С. 23.

поскольку был связан, как это вспоминал сам поэт, с персидскими бабидами, розенкрейцерами, хлыстами, скопцами – с теми, кого опасалась мать, отправившая сына на выучку в монастырь, где еще был силен дух старообрядчества. Старец заменяет нательный крест Клюева черным агатом с вырезанным на нем треугольником и словом «Шамаим» (небеса). К расшифровке этого факта специалисты обращаются часто, но мы не можем не привести предположения С.С. Куняева: «Полная надпись [...], очевидно, была: “Серисбиди Шамаим” – “скопец волею небес”» (рец. изд., с. 32). Не менее привлекательна отсылка к мнению В.В. Розанова об ошибочном переводе скопцами этого евангельского стиха. В книге содержится достаточно того, что можно допустить. Например, в отношениях Клюева с сестрами А. Добролюбова в 1900-е: «[...] Мария Добролюбова и ее сестра Елена были в этот период, пожалуй, наиболее близкими ему духовно людьми» (рец. изд., с. 61). Или: «Клюеву, читавшему роман Мережковского “Петр и Алексей”, ничего, кроме отвращения, не могло внушить описание автором староверов само сожженцев как “безумной толпы”, а сцена хлыстовского радения могла привести только в холодную ярость» (рец. изд., с. 51). Или: «И все же сильное сомнение закрадывается в справедливости слов Клюева, который отнес вероисповедание своей матери к серафимовскому православию» (рец. изд., с. 15). Или предположение о линии жизни С. Есенина, если бы рядом с ним не оказался Клюев. В связи с разговором Сталина и Ягоды 17 января 1934 г. С.С. Куняев пишет: «Время было самое напряженное – XVII съезд ВКП(б), знаменитый “съезд победителей” [...] Рискну предположить, что на этой встрече и была решена судьба Николая Алексеевича Клюева» (рец. изд., с. 575).

Мотивировкой поведенческой специфики может служить неожиданная параллель. Например, стиль одежды Д. Балашова (косоворотка, шаровары, сапоги) убеждает автора в органичности, а отнюдь не в маскарадности наряда Клюева. Об эмоциональном и физическом состоянии арестованного поэта автору говорит почерк при заполнении анкеты и, конечно, сами ответы на вопросы следователя. Порой то, о чем можно догадываться, звучит как бесспорная данность. Например, С.С. Куняев полагает, что должность отца Клюева (а он был полицейским урядником, потом сидельцем в винной лавке) – хорошая возможность получать информацию о предстоящих актах, направленных против староверов, идеальное конспиративное место для их тайных встреч. И это убеждает. Автор обращается к воспоминаниям о Клюеве людей, его понимавших и ему чужих, и выстраивает биографический, мировоззренческий, этический контекст, объясняющий причины той или иной характеристики. Возможно, излишняя серьезность проявлена в неприятии известных свидетельств Г. Иванова, поскольку в той или иной степени мифологизированы чуть ли не все персонажи «Петербургских зим», а художественный вымысел, граничащая со снобизмом ирония – свойства художественно-документального метода Иванова-мемуариста.

Книга побуждает к размышлениям и дальнейшим поискам ответов на вопросы, которые ранее не возникали. Например, о природе эзотерических возможностей Клюева. Действительно ли, как полагает С. Куняев, он совершенствовал

эзотерические методики, пребывая между миром нашим и тонким? Или не было в этом необходимости, поскольку его визионерские способности проявились уже в детстве? Особо отмечаем историю отношений Клюева и Распутина, имя которого не раз появляется в его произведениях. И дело не только в том, что С.С. Куняев обратил внимание на путаную хронологию известных фактов, выстроил свою линию событий, собрал яркий материал. В книге есть новое прочтение стихотворения Н. Гумилева «Мужик». С.С. Куняев видит в тексте образ явный (Распутин) и скрытый (Клюев): «[...] и на наших глазах совершается контаминация образов царского фаворита и того, с кого Гумилев по сути писал его портрет» (рец. изд., с. 228). В свою очередь стихотворение Клюева «Меня Распутиным назвали...» (<1917>) рассмотрено как ответ Гумилеву.

Биографический контекст крайне важен для тех, кто в той или иной мере занимается творчеством Клюева. События его жизни, этнографические традиции, литературные предпочтения, круг чтения – верный ключ к пониманию его произведений и источников образов. Приведенные в книге сведения содержат филологические подсказки. Так, говорится о том, что видения были не только отроку Николаю, но и его матери. Фраза из автобиографических записей Клюева 1919 г. о том, что матери привиделся малиновый дуб и на нем птица с ликом Параскевы Пятницы, и служила птица канон трем звездам, которые пишутся на Богородичном плате, объясняют, на наш взгляд, символ трех огненных дубов и трех солнц в «Песни Солнценосца» (1917). Загадочная поэма «Мать-Суббота» (1922) о «пеклеванном» Христе, с трудом поддающаяся толкованию в силу густоты тропов и скрытых ассоциаций, вряд ли может быть по-настоящему осмыслена, если не знать, какой сакральный смысл хлеб обрел для Клюева изначально: его крестили в хлебной квашонке. С.С. Куняев уточняет: через перепечение, младенца привязывали к хлебной лопате (в случае с Клюевым помещали в квашонку) и трижды отправляли в печь. Как полагает автор, именно такое крещение ассоциировалось в сознании поэта с евангельским символом хлеба жизни – плоти Христовой. Сюжет о крещении в квашонке, действительно, многое объясняет в понимании поэтом своего пути в контексте жизни Иисуса Христа. Как по поводу этого же факта заметила Е.И. Маркова: «Иисус родился в Вифлееме, что в переводе на русский язык означает “город хлеба”»¹. Оспаривая точку зрения К.М. Азадовского, согласно которой крещение в квашонке – не реалья, а вымысел, Е.И. Маркова пишет: «Действительно, в метрической книге Коштугской церкви Вытегорского уезда есть запись о крещении поэта. Однако в двойном крещении у старообрядцев и новообрядцев нет противоречия»². В книге говорится и о культе хлеба в хлыстовских обрядах.

Появление в мирской литературе мистических знаковых для Клюева образов, например Белой Индии, получает исторический, религиозный, геополитический комментарий. Клюевская евразийская сентенция «Сократ и Буд-

¹Маркова Е.И. Родословие Николая Клюева. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2009. С. 116.

²Там же. С. 117.

да, Зороастр и Толстой, / Как жилы, стучатся в тележный покой»¹ обозначает, по С.С.Куняеву, «сакральные точки Земли: Грецию, Индию, Персию и Россию» (рец. изд., с. 257). В книге развернута тема духовной близости Клюева Рериху, говорится о значении для них апокрифа о жизни Иисуса у арийцев, и таким образом объясняется освященность Белой Индии христианской идеей. Евразийская горизонталь предстает вертикалью земного и небесного. Не менее интересна мысль об источнике клюевского «О скопчество – венец, золотоглавый град...» (между 1916 и 1918). Автор полагает, что «побудительным толчком» (рец. изд., с. 281) послужила фраза Иванова-Разумника о духовном скопце в предисловии к сборнику «Скифы». Возможно, именно так и было. Но возможно, духовное скопчество мало что объясняет в брутальной физиологичности стихотворения Клюева. В любом случае мы получаем еще один «побудительный толчок» к размышлению, как и восприятие автором «плотного» Христа в стихах Клюева в связи с «бесплотным» у В. Розанова: с «Темным ликом» и «Людьми лунного света» поэт «не расставался вплоть до своего последнего ареста» (рец. изд., с. 319).

В границах жанра рецензии не представляется возможным коснуться всех филологических аспектов книги, но на одном все же остановимся. Речь идет о плагиате. Ориентация Клюева на мотивы, сюжеты северно-русского фольклора – исследованный факт (*Маркова Е.И.* Творчество Николая Клюева в контексте северно-русского словесного искусства. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2007). Фольклорная поэтика обогатила стиль произведений Клюева, как и поэтика древнерусских, святоотеческих текстов. Но в ранний период творчества он, оказавшись среди голгофских христиан, опирался и на сектантский фольклор, что впоследствии, при разрыве с голгофским братством, послужило поводом к обвинению его в плагиате. Как пишет исследователь творчества поэта С.И. Субботин, «держать клюевские песни на “шестке” стилизации – явное упрощение»². Во-первых, литературная обработка фольклорных произведений получила свое законное место в книжной литературе. Вспомним обвинения в адрес М. Ремизова в «Биржевых ведомостях», «Русском Слове» и др. по поводу его художественного пересказа народных легенд. Вспомним аргументы М. Волошина в защиту Ремизова (незавершенная статья «О плагиате», 1909–1910) и самого Ремизова, стремившегося воссоздать народный миф, сказку в их идеальном виде («Письмо в редакцию», 1909). Во-вторых, обратимся к прочтению С. Куняевым известного письма Клюева Блоку (до начала марта 1912 г.), в котором высказана тревога по поводу издания его «Братских песен» (июнь 1912): речь идет именно о «песнях» и о том, не повредит ли ему издание несовершенных с художественной точки зрения «песен». Да и само название книги содержит отсылку к сектантскому, «братскому», фольклору. Мы принимаем вывод С. Куня-

¹*Клюев Н.* Сердце Единорога / Предисл. Н.Н. Скатова, вступ. ст. А.И. Михайлова, сост. и примеч. В.П. Гарнина. СПб.: РХГИ, 1999. С. 308.

²*Субботин С.И.* Николай Клюев // Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты поэтов: В 2 т. Т. 1 / ред.-сост. А.Г. Гачева, С.Г. Семенова. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 56.

ева: «[...] для него собственно поэтическое творчество и сочинение “песнопений” для “братьев” находятся на разных полюсах. Индивидуальное лирическое начало несовместимо в его восприятии с “коллективным действием”, когда вариация на услышанный и запомненный или записанный гимн есть продолжение “братского” сотворчества» (рец. изд., с. 118). Сотворчество в данном случае означает наличие фольклорного источника. Но предположим, что текст целиком авторский. Тогда обратимся и к аргументу Р. Вроона, касающемуся цели написания «песен» членом общины: «В предисловии к “Братским песням” Клюев утверждает, что его песни устно и в списках распространялись среди земляков; напрашивается, таким образом, вывод о функциональном характере этих песен, сочиненных для внутреннего обихода “братий” [...] по отношению к обсуждаемым текстам самим Клюевым предложено жесткое правило чтения: на первом месте должна выступать их религиозная функция, и только на втором (или даже третьем) – эстетическая. Иначе, кстати, не объяснить причины некоторой тревоги автора по поводу того урона “с художественной стороны”, который могут потерпеть его стихи в силу их религиозной установки. Для такой тревоги не возникло бы оснований, если бы в работе над духовными гимнами поэт преследовал цель стилизатора – сугубо эстетическую по своей природе»¹. С.С. Куняев, таким образом, вступает в диалог с коллегами. Как он пишет, обработка фольклорных мотивов специфична для Клюева (но, заметим, не тотальна, речь идет лишь об одном из направлений творческого поиска), что отразилось в цикле «Песни из Заонежья». В названиях текстов Клюева достаточно указаний на «фольклорность» жанра. Это «Песня про судьбу» (<1912>), «Песня про волынку» (<1913>), «Песнь Солнценосца» (<1917>) и другие – вплоть до могучей эпической поэмы «Песнь о великой матери» (между 1929 и 1934). Но и их язык, и мотивный ряд говорят о его авторстве. Убеждает предложенное С.С. Куняевым сопоставление мотивов «Красной горки» (<1912>) сквозным претекстом – фольклорной песней XVIII в. Различия очевидны. Как пишет автор: «И так в каждой обработке, начиная с раннего “Матроса” и до “Радельных песен”»; Клюев, опираясь на источники, «не “стилизовал”, а творил собственные гимны и песнопения» (рец. изд., с. 124).

Выстраивая концепцию жизни и творчества Клюева, создавая его интеллектуальный портрет, С.С. Куняев, конечно, опирается на «Житие» Аввакума, «Поморские ответы» Денисова, «Шестокрыл» Эммануэля-бар-Якоба, «Новый Маргарит» Курбского, скопческие величальные песни и еще многое другое, что было упомянуто Клюевым в «Песни о великой матери».

В книге широко дана литературная среда. Опираясь на содержание и стиль писем Клюева к Блоку 1907–1915 гг.², автор книги реконструирует хронологию их общения, обращает внимание на отсутствие постоянства в

¹Вроон Р. Старообрядчество, сектанство и «сакральная речь» в поэзии Николая Клюева // Николай Клюев: Исследования и материалы / Ред.-сост. С.И. Субботин. М.: Наследие, 1997. С. 59.

²См.: Николай Клюев. Письма к Александру Блоку: 1907–1915 / Подгот. изд-я К.М. Азодовского. М.: Прогресс-Плеяда, 2003. 368 с.

иерархии «учитель – ученик»: Блок в меньшей степени наставник, в большей – человек, внимающий Клюеву и принимающий его упреки. Подробно рассмотрена история взаимоотношений поэта с голгофскими христианами, причины и характер его участия в их изданиях, обстоятельно изложена интрига его разрыва с братством. Особо отметим фрагменты книги, в которых идет речь о месте Л. Толстого в мировоззрении Клюева. Эта линия повествования во многом дополняет пока еще мало исследованную тему влияния Толстого на сознание новокрестьянских писателей, включая С. Есенина и П. Карпова. Толстой – и образ поэзии Клюева, и автор книг, на которые он пишет рецензии, и тот, кого он защищает от нападок М. Арцыбашева. Психологический портрет Клюева, его взгляды на современную литературу, эстетические пристрастия, неприятие личности или творчества кого-то из писателей – все это проясняется через описание его общения с А. Ахматовой, А. Белым, А. Блоком, А. Ганиным, З. Гиппиус, С. Городецким, Н. Гумилевым, С. Есениным, В. Кирилловым, С. Клычковым, В. Маяковским, А. Ремизовым, Л. Семеновым, А. Ширяевцем и др.

Литературная судьба Клюева требует исторического комментария, и в книге в необходимом объеме развернуты пояснения, касающиеся и Крестьянского союза, и связей старообрядческих общин Запада, России, Востока, и строительства Беломоро-Балтийского канала, и политики партии в деревне, и конфессии бегунов, роли в их учении традиций Соловецкого монастыря и т. д.

А. Красовец

**Словенская литература XX века /
Отв. ред. Н.Н. Старикова. М.: «Индрик», 2014. – 325 с.**

Данное издание, созданное совместными усилиями ведущих российских и словенских литературоведов, представителей академической и университетской славистики, вышло в новой научной серии «Литература XX века», которую готовит Отдел современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. В нем продолжено и доведено до современного этапа комплексное описание развития словенской литературы, начатое в 2010 г. коллективной монографией «Словенская литература (от истоков до рубежа XIX–XX веков)», ответственный редактор д. ф. н. Надежда Старикова. Труд «Словенская литература XX века» – первая в отечественной науке попытка, структурировав огромный материал, дать представление о словенском литературном процессе во всей его совокупности и многогранности, осмыслить сложнейший путь развития «малой» европейской литературы, и художественные результаты, достигнутые благодаря сочетанию «генетически заложенного оборонительного рефлекса» и «выработанного с годами “catchup” синдрома» (рец. изд., с. 8). Предложенная в книге концепция позволяет проследить, как литература Словении в своих особых исторических обстоятельствах переживала общий для развития западной гуманитарной мысли XX в. процесс обновленного осмысления реальности, искала формы, адекватные новым возможностям художественного познания. Нельзя не отметить также большой потенциал используемой «двойной оптики» – две исследовательские перспективы, отражающие взгляд на словенскую литературу XX в. и словенских, и российских ученых, которые, благодаря огромному труду переводчиков и редактора, удалось привести к интереснейшему «синтезу».

Двухчастная структура книги («Литература первой половины XX в.» и «Литература второй половины XX в.») отражает специфику исторического и литературного процесса на территории Словении в XX в. «Представленное в

книге деление, – отмечено во «Введении», – совпадающее с основными вехами жизни словенского общества, позволяет объяснить многие важные особенности развития литературы» (рец. изд., с. 8). Первая часть, охватывающая период 1918–1950 гг., состоит из двух глав, посвященных соответственно литературе межвоенного периода и литературе военного времени и первых лет строительства социализма. Вторая часть разделена на три главы, освещающие периоды 1950–1960-х, 1970–1980-х и 1990-х гг. Каждая глава состоит из трех разделов: проза, поэзия, драма, – расположенных в соответствии с доминированием того или иного типа творчества в данный период. В отдельной главе впервые в российской словенистике комплексно представлена литература словенской эмиграции. В завершение дается краткая информация о литературе 2000-х гг.

Книгу открывает «Введение», написанное Н. Стариковой, в котором представлены основные направления искусства, заявившие о себе в словенской литературе XX в. За ним следует «Краткий очерк новейшей истории Словении», автором которого выступила кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИСл РАН Надежда Пилько. Он дает представление о происходивших на словенских территориях событиях, что позволяет даже неподготовленному читателю ориентироваться в хитросплетениях истории, политики и литературы. В создании главы, освещающей словесность межвоенного периода (1918–1941), участвовали российский литературовед, кандидат филологических наук Виктор Сонькин (поэзия и проза), и профессор Приморского университета Криштоф-Яцек Козак (драма). В основу текста Сонькина лег расширенный и дополненный многочисленными примерами материал раздела, опубликованного им в третьем томе «Истории литератур западных и южных славян» (М.: Индрик, 2001), тогда как обзор межвоенной драматургии написан словенским автором специально для данного проекта. Глава о литературе Второй мировой войны и первых послевоенных лет (1941–1950), в которой представлен объективный анализ всех сторон литературной жизни одного из сложнейших периодов словенской истории, принадлежит перу кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника ИСл РАН Татьяны Чепелевской.

В создании глав второй части книги с российской стороны принимала участие только Н. Старикова: ею написаны введение и раздел «Проза» к главе о литературе 1950–1960-х гг. и все разделы главы о литературе 1970–1980-х гг. Авторами разделов о поэзии и драме 1950–1960-х гг. выступили соответственно профессор Академии театра, радио, кино и телевидения Денис Пониж и профессор Люблянского университета Матея Пездриц-Бартолсовместно с театроведом и драматургом Томажем Топоришичем. Парадигма литературы 1990-х гг. представлена тремя словенскими учеными. Общую характеристику литературы указанного периода, а также раздел об основных тенденциях развития современной прозы написал профессор Люблянского университета, известный литературовед Томо-Вирк, раздел о поэзии – его коллега профессор Матевж Кос, свою интерпрета-

цию драматургических произведений конца прошлого века предложил К.-Я. Козак. Всех трех авторов отличает концептуальность подхода к анализу текущего литературного процесса, понимание рассматриваемого десятилетия как переломного для национальной литературы, для которого характерен «плюрализм дискурсов» (рец. изд., с. 272).

Все разделы, посвященные поэзии, снабжены выразительным иллюстративным материалом – цитатами поэтических переводов, сделанных известными русскими и советскими поэтами – А. Сурковым, Ю. Мориц, А. Кушнером и переводчиками – А. Романенко, Ж. Перковской, Н. Эрвич и др.

Важное место в книге занимает глава «Литература эмиграции», написанная ведущим научным сотрудником Института словенской эмиграции и миграционных процессов Словенской Академии наук и искусств Яней Житник-Серафин, являющейся одним из ведущих специалистов по вопросам культурной миграции. Это первый систематический обзор данной тематики на русском языке.

Монографию завершает экскурс в начало XXI в., в котором Н. Старикова дает краткую характеристику текущего состояния и перспектив развития словенской литературы в новом тысячелетии. Далее следуют составленные ею приложения, содержащие информацию о литературной периодике и национальных литературных премиях, а также избранную библиографию со списком русских переводов словенских авторов, упомянутых в книге, именной указатель и краткие сведения об авторах.

Следует особо отметить блестящую работу переводчиков: Жанны Перковской, Глеба Пилипенко, Евгении Шатько, Надежды Стариковой. Очевидной ее заслугой как ответственного редактора издания является и собственно редакция, в ходе которой в единое семантическое и стилистическое целое были сведены результаты работы одиннадцати авторов, представляющих существенно отличающиеся друг от друга исследовательские школы и традиции, и при этом сохранена научная индивидуальность каждого.

Любая история литературы всегда дискуссионна. И данная монография не исключение. Однако этот научный труд, ставший результатом плодотворного двустороннего сотрудничества российских и словенских ученых, безусловно, является важной вехой в изучении и популяризации в России художественного феномена словенской литературы, и, может быть, эта книга станет стимулом для дальнейшего исследования словенского культурного и литературного пространства.

In Memoriam

Памяти Елизаветы Михайловны Коняевой (1929–2014)

Прощаемся с достойной ученицей академиков Р.И. Аванесова и Д.Д. Благого, В.В. Виноградова и Е.М. Галкиной-Федорук – Елизаветой Михайловной Коняевой.

Москвичка с Большой Ордынки, в 1952 г. она окончила филологический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и была принята на только что созданную, первую в Советском Союзе кафедру русского языка для иностранных студентов, где в течение десяти лет преподавала русский язык студентам и аспирантам из Германии, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Италии, Китая и Индии.

Под руководством заведующей кафедрой Галины Ивановны Рожковой и научного консультанта Ильзы Максимилиановны Пулькиной Е.И. Коняева готовила рабочие материалы к занятиям, разрабатывала программы, писала учебные пособия и научно-методические статьи. С полным правом можно сказать, что Е.М. Коняева вместе с коллегами Г.А. Битехтиной, Е.Б. Захава-Некрасовой, О.П. Рассудовой, И.П. Слесаревой и другими стояла у истоков нового научного направления – описания русского языка как иностранного и была в числе основоположников методики преподавания русского языка иностранцам.

Умный, интересный, обаятельный человек, она была любима учениками и пользовалась уважением всех, кто ее знал.

Для меня, Серафимы Хаврониной, Лиза была не только коллегой, но и самой близкой подругой, рядом с которой за годы нашей дружбы было много прожито и пережито. Горжусь, что я была выбрана ею в брачные свидетели, как оказалось, на всю жизнь – до недавнего 51-го.

С 1963 г. Е.М. Коняева жила в Венгрии и уже как Феньвеш-Коняева отдавала свои педагогические силы венгерской молодежи. На берегу «белокурой Тисы» в университетских аудиториях и поныне хранится память о ее негромком, но убедительном голосе, который нес безупречную русскую речь и понимание глубин русской культуры.

Не будучи по типу лидером, скромный адъюнкт Сегедского университета как своими глубокими познаниями, так и человеческой убедительностью сумела завоевать авторитет и на кафедре, и среди ведущих русистов страны. Такие ее труды, как Лексический минимум русского языка – первый в Европе толковый учебный словарь, в 2-х изданиях в Будапеште и одном в Мюнхене, и

гимназический Учебник для 1 класса, выдержавший свыше 30 изданий – это классика жанра. А широко разлетевшееся по стране крылатое «Все мы вышли из Лизиной кухни» идет из фольклора сегедских русистов, большинство из которых в свои ученические годы прошли через ее незабываемые вечерние «посиделки».

Для меня, Эдит Саламин, и моих коллег-соотечественников Елизавета Феньвеш-Коняева – близкий человек, друг, учитель.

Все мы будем помнить Елизавету Михайловну Коняеву, и наша память о ней будет долгой и светлой.

Профессор Серафима Хавронина (Москва)
Доцент Эдит Саламин (Сегед, Венгрия)

Александр Андреевич Смирнов

13 октября 2014 года скоропостижно скончался Александр Андреевич Смирнов.

Человек неординарный, эпатажный, предпочитающий общаться на повышенных тонах – постоянный «раздражитель» всех и вся на факультете.

Такой была его «оболочка», кропотливо создаваемый на протяжении нескольких десятилетий образ:

вечный московский бунтарь, Александр Андреевич Чацкий...

А под этой оболочкой, как ни странно, скрывался бесконечно одинокий, добрый и ранимый человек.

Увидеть его таким изредка удавалось, хотя он предпочитал не «выходить» за пределы привычного для всех «образа».

Не будем говорить сейчас о том, как сложилась научная судьба Александра Андреевича в стенах Московского университета. Наше тесное общение с ним началось с появлением факультетского журнала *Stephanos*. Смирнов был среди тех немногих, кто сразу заинтересовался новым проектом. И приходил не только для того, чтобы принести новую статью. Ему, как и нам, хотелось, чтобы это начинание стало успешным. Он очень волновался, беспокоился о том, чтобы и материалы, и их оформление были «на должном уровне». Если узнавал что-то новое о том, как в Европе дело обстоит с научными журналами, «делился» информацией, давал советы, предлагал помощь.

Вообще, кажется, что в последние 2–3 года он стал жить насыщеннее и быстрее, как будто чувствовал, что не так много времени осталось. Строил множество планов. Готовил материалы для еще одного факультетского интернет-проекта – энциклопедии, где мы – по его предложению – планировали открыть ресурс, на котором можно было бы собрать максимально полную библиографию по компаративистике.

Не успел.

Е.А. Певак

Памяти Ольги Александровны Ржанниковой

14 октября 2014 года кафедра славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова понесла невосполнимую утрату – после тяжелой болезни ушла из жизни болгарист, лингвист, доцент кафедры к.ф.н. Ольга Александровна Ржанникова.

О.А.Ржанникова родилась 17 ноября 1955 г. в г. Советская Гавань Хабаровского края.

Окончила славянское отделение (1978) и аспирантуру (1988) филологического факультета МГУ.

Свой научный и педагогический путь Ольга Александровна начала на филологическом факультете МГУ – на межфакультетской кафедре славянских языков, затем – с 1980 г. по 1992 г. – преподавала болгарский язык на кафедре языков

социалистических стран Академии внешней торговли, а в 1992 г. по приглашению заведующего кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ доц. В.П. Гудкова вернулась в качестве преподавателя болгарского языка на родной факультет. Здесь в 2000 г. защитила кандидатскую диссертацию «Формирование научного стиля современного болгарского литературного языка (на примере публикаций в научных периодических изданиях)» (научный руководитель доц. В.П. Гудков), а в 2009 г. стала доцентом.

Основными направлениями научной деятельности О.А. Ржанниковой являются историческая стилистика болгарского языка, методика преподавания славянских языков, теория и практика перевода.

Ольга Александровна подготовила и читала общие курсы «История и диалектология болгарского языка», «Методика преподавания славянских языков», которые вызывали огромный интерес у студентов, вела разнообразные по тематике спецкурсы и спецсеминары (в частности, «Лексика, фразеология и стилистика современного болгарского литературного языка», «История болгарского языкознания», «Болгарская лексикология и лексикография», «Актуальные проблемы современной болгарской морфологии», «Категория определенности в современном болгарском языке», «Актуальные проблемы болгарской социолингвистики»).

О.А. Ржанникова успешно вела «Практический курс болгарского языка» для болгаристов с 1-го по 5-й курс, достигая в обучении студентов высокого уровня, свидетельством чему может быть, например, тот факт, что воспитанные Ольгой Александровной студенты получают призовые места на различных конкурсах переводов. Так, в 2014 г. сразу три ее студентки заняли 2-е, 3-е, 4-е места в номинации «Перевод с болгарского языка» конкурса молодых

литераторов и переводчиков России и Болгарии «Славянское братство», посвященном 135-летию освобождения Болгарии.

В течение 11 лет Ольга Александровна была одним из организаторов и членом жюри студенческого конкурса переводов художественных текстов с болгарского языка на русский, организуемого филологическим факультетом МГУ и факультетом иностранных языков и регионоведения МГУ при участии посольства Болгарии и Болгарского культурного института. В этом конкурсе участвуют студенты Санкт-Петербургского университета, Академии славянской культуры, МГИМО, Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета и др. вузов, где изучается болгарский язык.

Ольга Александровна воспитывала у студентов и интерес к научной деятельности: работавшие под ее руководством аспиранты защитили (М.Н. Белова, «Образование глаголов в болгарском литературном языке XIV–XV вв. (на материале идиолекта Григория Цамблака)», Е.Ю. Терентьева «Народные названия церковных праздников в русской и болгарской православной традиции»; О.А. Ржанникова была научным консультантом этой работы) или готовят к защите (М.И. Хазанова, «Сценарная основа компьютерно опосредованной коммуникации и сопутствующей ей стратегии сближения и отдаления на украинском языке (на материале интернет-конференций)», Е.М. Сулова, «Развитие общественно-политической лексики болгарского языка (вторая половина XIX века – начало XXI века)», С.Д. Ковалевский, «Русские и Россия в болгарском дискурсе», Г.А. Федорина, «Удвоение дополнения в современном болгарском языке») серьезные научные труды на актуальные для современной болгаристики и славистики темы.

Вклад О.А. Ржанниковой в развитие болгаристики высоко оценивают и ее российские коллеги-болгаристы, и болгарские коллеги. В соболезновании, которое направило в адрес семьи Ольги Александровны Посольство Республики Болгарии, подчеркнуто:

«Ольга Александровна Ржанникова – болгарист с отличной подготовкой и разносторонними интересами, среди которых грамматика современного болгарского языка, стилистика, история болгарского языка, проблемы межславянского перевода, вопросы преподавания болгарского языка. Высочайший профессиональный уровень, преподавательское мастерство и искренняя любовь Ольги Александровны к Болгарии давали отличный результат – не только научный в виде многочисленных публикаций, но и другой – очень важный для русско-болгарских отношений – результат: подготовленные ею (конечно, вместе со всею кафедрой славянской филологии филологического факультета МГУ) студенты и аспиранты стали отличными специалистами – переводчиками, учеными, преподавателями, дипломатами, достойно представляющими университетскую школу, развивающими российскую болгаристику и так же, как и их учитель – Ольга Александровна Ржанникова, искренне любящими Болгарию».

Среди многочисленных откликов на печальное известие о кончине О.А Ржанниковой проникновенные слова болгаристов Санкт-Петербургского университета:

«Мы, питерские болгаристы, всегда с большим уважением относились к Оле Ржанниковой, прекрасному специалисту в области болгарского языка, преподавателю-методисту, талантливому переводчику и переводоведу, лингвисту-теоретику с широким кругозором. Мы знаем, как высоко ценят Олю и болгарские коллеги. Оля обладала прекрасными организаторскими способностями, при ее активном участии и под её руководством проходили в МГУ славистические конференции, студенческие конкурсы переводов, собиравшие участников из многих вузов страны, где изучаются славянские языки. Оля умела создать на кафедре славянской филологии МГУ атмосферу доброжелательности и для гостей кафедры, мы помним дружескую обстановку на кафедральных кофе/чаепитиях. Мы знаем, что и студенты относились к Ольге Александровне с большим уважением и любовью. Трудно себе представить кафедру славянской филологии МГУ без Ольги Александровны Ржанниковой. Мы ее очень любили и высоко ценили, нам будет не хватать Оли».

Память о друге, коллеге и учителе навсегда останется в сердцах преподавателей и студентов, всех болгаристов.

Е.В. Тимонина

Людмила Михайловна Баш

15-го ноября не стало Людмилы Михайловны Баш. Выпускница классического отделения филологического факультета, она много лет проработала научным сотрудником лаборатории этимологических исследований, участвовала в создании целого ряда этимологических словарей – «Этимологического словаря русского языка», «Современного словаря иностранных слов», «Школьного словаря иностранных слов», «Словаря-попутчика». Другое ее детище – Школа юного филолога, директором которой Людмила Михайловна была бессменно с 1993 г. И еще недавно казалось, что невозможно себе представить Людмилу Михайловну без ШЮФа, а ШЮФ – без нее.

Первые упоминания Школы юного филолога при филологическом факультете относятся к 1950-м гг. С течением времени менялись преподаватели, слушатели, но так и не сложилось четкой системы занятий. Только с приходом Людмилы Михайловны у ШЮФа появилось свое расписание, разделение на лекции и семинары. Но при этом ШЮФ под ее руководством постоянно продолжал экспериментировать и развиваться, пробовал такие жанры, как театр, День науки, творческие вечера, игры.

Людмила Михайловна говорила, что в ШЮФе есть дети большие и маленькие. Маленькие – это школьники, приходящие на занятия, а большие – ШЮФовские преподаватели. Я не знаю, можно ли посчитать всех людей, прошедших через ШЮФ за эти годы. Но совершенно точно именно благодаря ШЮФу и поддержке Людмилы Михайловны многие крепко подружились, многие нашли свой путь в жизни, пусть даже не всегда связанный с преподаванием или филологией.

За годы, проведенные в ШЮФе – три года школьницей, пять студенткой, три аспиранткой, – ШЮФ стал мне вторым домом. Я хорошо помню свою первую встречу с Людмилой Михайловной. Я была в восьмом классе, мои родители узнали о существовании на филфаке Школы юного филолога. Мама позвонила в Отдел дополнительного образования и нам сказали, что запись уже прошла, но можно прийти на лекцию, там будет директор ШЮФа и меня запишет. Лекцию «Античность» читал А.М. Белов в 11 поточной аудитории, а после нее подошла Людмила Михайловна. Внимательно расспросила меня и других опоздавших, объяснила, как и куда ходить. Эту же процедуру я наблюдала потом много лет: каждый год находятся дети, которые не успевают записаться в срок, потому что слишком поздно узнают о ШЮФе. Дети, которые теряют пропуски и фотографии. Дети, которые путают время и место занятий

и не могут найти свой семинар. А Людмила Михайловна всегда всех терпеливо и внимательно расспрашивала – и помогала.

Людмила Михайловна очень любила традиции. К закрытию ШЮФа факультет дарил юным филологам книжки. И Людмила Михайловна каждый год с помощниками садилась и внимательно разбирала, кому из выпускников этого года какую книгу подарить. А в год выпускалось не меньше 140 школьников! На закрытии ШЮФа всегда пели «Gaudeamus». После всех мероприятий преподаватели собирались на чаепитие. Каждый год организационное собрание по случаю начала учебного года Людмила Михайловна начинала с рассказа о том, что же такое *σχολή*. А когда на следующий день в эту же аудиторию студенты приходили на первую пару, то среди них всегда было несколько выпускников ШЮФа, которые по оставшейся на доске надписи *σχολή* понимали – здесь было организационное собрание ШЮФа.

Людмила Михайловна любила говорить, что девиз ШЮФа – *Docendo discimus* – уча, учимся. И это, наверное, главное, чему она научила. Удивительным образом ей удалось привить бесчисленному числу студентов, аспирантов и молодых преподавателей филфака любовь делиться знанием и беспрерывно узнавать новое.

Еще одна любимая фраза Людмилы Михайловны – «Дети голосуют ногами». Она гордилась тем, что в ШЮФ с каждым годом записывается все больше и больше школьников. Но ногами голосовали и «большие дети», приходившие к Людмиле Михайловне за поддержкой и советом. И большинство из них оставались в ШЮФе надолго, а кто-то уходил и снова возвращался.

Людмила Михайловна, нам будет вас не хватать. Людмила Михайловна, спасибо вам за все.

Мария Сулимова

